

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

ВЫПУСКЪ III,

изданный подъ редакціей и. д. орд. проф. А. П. Доброклонскаго.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Успенская, 56.
1909.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

ВЫПУСКЪ III,

изданный подъ редакціей и. д. орд. проф. А. П. Доброклонскаго.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Успенская, 56.
1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

1. Отзывъ орд. проф. П. Е. Казанскаго о диссертациі профессора Н. Н. Голубева: „Международныя комиссіи XIX в.“ 1—45
 2. Отзывъ проф. А. И. Набокихъ о сочиненіи В. Колкунова: „Къ вопросу о выработкѣ выносливыхъ къ засухамъ расъ культурныхъ растеній“. 46—50
 3. Отзывъ орд. проф. С. П. Никонова о сочиненіи В. И. Курдиновскаго: „Объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимыя имущества по закону“. 51—73
 4. Отзывъ заслуж. орд. проф. И. А. Линниченко о работѣ М. Слабченко: „Малорусскій полкъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ“. 74—8
 5. Отзывъ его же о работѣ П. Клепатскаго подъ девизомъ „Kuwen ein Nerth“ на тему: „Кіевская земля въ эпоху Литовско-русскаго государства“. 87—108
 6. Отзывъ прив.-доц. В. Θ. Лазурскаго о сочиненіи В. С. Исакевича по исторіи западно-европейской литературы. . 109—114
 7. Отзывъ орд. проф. С. М. Танатара о сочиненіи И. В. Волянскаго на тему: „Изомерія неорганическихъ соединеній“. 115—117
 8. Отчетъ орд. проф. С. С. Головина о командировкѣ на Международный Медицинскій Съѣздъ въ Будапештѣ въ 1909 г. 118—1 2
 9. Отчетъ орд. проф. А. Ф. Маньковскаго о заграничной командировкѣ на XVI Международный Съѣздъ въ Будапештѣ въ 1909 г. 124—140
 10. Краткій отчетъ орд. проф. А. Ф. Маньковскаго о заграничной командировкѣ въ Каиръ въ лѣтнее каникулярное время 1909 года. 141—144
 11. Отчетъ прив.-доц. Ускова о его заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время 1908 г. 145—151
 12. Программа курса физики, прочитаннаго въ 1908-1909 академическомъ году для студентовъ медиковъ орд. проф. Б. В. Станкевичемъ. 152—156
 13. Index seminum horti botan. Universitatis N. R. anno 1909 г. 1—19
-

О Т З Ы В Ъ

ординарнаго профессора П. Е. Казанскаго о диссертациі профессора Н. Н. Голубева: „Международныя административныя комиссіи XIX в. Ярославль 1908.“

Составленный по порученію Юридическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

I.

Диссертациа на степень доктора международного права, поданная профессоромъ Ярославскаго Лицея магистромъ международного права Н. Н. Голубевымъ въ Юридическій Факультетъ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета, представляетъ собой объемистый томъ въ 730+LXIII страницы. Полное заглавіе ея: „Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1908.“

Тема для диссертациі выбрана г. Голубевымъ весьма удачно. Чрезвычайное увеличеніе числа и разнообразіе международныхъ административныхъ комиссій давно требовало систематическаго изученія ихъ, особенно въ наше время, когда такъ интересуются разными вопросами международной организациі. Книга же г. Голубева показала, что комиссіи эти дѣйствительно могутъ быть подвергнуты монографическому изученію и что право ихъ устройства и дѣятельности можетъ дать интернаціоналисту немало важнаго и интереснаго, хотя утвержденіе г. Голубева (стр. XLI), будто постоянные административные органы существуютъ въ видѣ цѣлой системы, правильно развитой и искусно комбинированной, страдаетъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ. Вопросъ о созданіи „системы“ международныхъ административныхъ учрежденій принадлежитъ будущему и притомъ болѣе или менѣе отдаленному. Пока наблюдаются лишь разрозненные и не объединенные элементы грядущей международной административной организациі.

Въ то же самое время книга г. Голубева представляетъ въ общемъ не только самостоятельное, но и первое общее изслѣдованіе этихъ любопытныхъ образованій современнаго

права. Положимъ, отдѣльныя международныя комиссіи были обследованы и до г. Голубева, но прямо на эту тему нѣтъ ни одной работы. Притомъ же, изслѣдуя отдѣльныя международныя учрежденія, интересовались ими обыкновенно не какъ новыми, образующимися звеньями международной организациі, а какъ учрежденіями, выполняющими извѣстныя полезныя функціи въ международной и государственной жизни разныхъ государствъ и касались ихъ устройства, дѣятельности и юридической природы болѣе или менѣе случайно, мимоходомъ при изученіи матеріальнаго содержанія различныхъ международныхъ договоровъ. Специальному общему изученію, какъ институтъ права международнаго устройства, международныя административныя комиссіи впервые повергнуты въ трудѣ г. Голубева. Тѣ небольшія замѣчанія, которыя можно найти въ нѣкоторыхъ учебникахъ и другихъ работахъ, конечно, не могутъ нарушить, такъ сказать, пріоритета г. Голубева, которымъ онъ столь дорожить¹⁾.

Авторъ не разъ указываетъ на новизну своей темы, но при этомъ впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе. Онъ утверждаетъ именно (стр. XLIII), будто вопросъ объ (о ?) международной административной организациі и о международной организациі вообще—вопросъ никѣмъ доселѣ еще не изученный монографически. Работъ на эту тему существуютъ десятки и онѣ, конечно, извѣстны г. Голубеву. Возможно это утверждать потому, что многія и зъ нихъ указываются въ изслѣдованіяхъ самого г. Голубева.

1) Въ современной литературѣ наиболѣе вниманія международнымъ административнымъ комиссіямъ удѣлено, повидимому, въ моихъ работахъ; см. Договорныя рѣки Казань. 1895. Т. II, стр. 252 — 269 и 361 — 362. — Всеобщіе административные союзы государствъ. Одесса 1897. Т. I, стр. 291—331.—Учебникъ международнаго права. Изд. 2. Одесса 1904. Стр. 165 — 171.—*Théorie de l'administration internationale. Revue générale de droit international public.* 1902. P. 353—367. И др.

2) Профессора Голубева, видимо, вообще интересуютъ вопросы международнаго устройства. Это уже третій крупный трудъ его изъ этой области. См. Международные конгрессы и конференціи. Ярославль, 1905.—Международные третейскіе суды XIX вѣка. М. 1903. Разбираемый трудъ, несомнѣнно, выше этихъ послѣднихъ работъ. О второй изъ нихъ мнѣ приходилось давать отзывъ по порученію Академіи Наукъ. Она представляетъ собою магистерскую диссертацию г. Голубева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ работа, продѣланная авторомъ, по истинѣ громадна. Предъ нами дѣйствительно трудъ, почтенный трудъ.

II.

Своей задачей авторъ ставилъ изученіе всѣхъ постоянныхъ административныхъ комиссій (стр. XLIII). Выполнить ее онъ, однако, не могъ, такъ какъ она, несомнѣнно, превышаетъ силы отдѣльнаго изслѣдователя. Комиссій этихъ, въ особенности въ томъ широкомъ пониманіи, которое дается имъ авторомъ, дѣйствовало въ теченіе XIX в. великое множество. Изъ болѣе существенныхъ пропусковъ слѣдуетъ отмѣтить то, что авторъ оставилъ въ сторонѣ всѣ довольно многочисленныя международныя комиссіи, преслѣдующія научныя цѣли, за исключеніемъ впрочемъ метрической и геодезической. Оставленъ имъ въ сторонѣ и международный союзъ академій.

Въ то же самое время въ работѣ немало лишняго. Почему, напр., вошло въ изслѣдованіе нѣсколько страницъ, посвященныхъ главному директору рейнскаго актруа по договору 1904 г. (стр. 524 сл.)? Нѣтъ международныхъ комиссій ни въ области Моренэ, ни на извѣстномъ Фазаньемъ островѣ (стр. 580 сл.), а между тѣмъ юридическому положенію этихъ мѣстностей отведено также довольно много страницъ. Далѣе, авторъ самъ говоритъ, что на моряхъ нѣтъ международныхъ органовъ, и въ то же время посвящаетъ цѣлый параграфъ международному контролю въ предѣлахъ открытаго моря (стр. 593). И т. д., и т. д.

Несомнѣнно, что многія изъ постороннихъ темъ установленій, о которыхъ говоритъ авторъ, и интересны, и полезны, но онъ не объясняетъ, ни почему они интересны, ни въ какомъ отношеніи они могутъ быть полезны именно въ данномъ изслѣдованіи. Конечно, подготовленный читатель можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ уяснить себѣ, почему то или другое учрежденіе изучается въ разбираемомъ изслѣдованіи, хотя это собственно вовсе не входитъ въ обязанности читателя. Но относительно нѣкоторыхъ учрежденій, положимъ, относительно международныхъ органовъ для управ-

ленія отдѣльными областями Турціи, или относительно органовъ управленія иностранными поселеніями на востокѣ и пр., даже специалисту можетъ показаться непонятно, на какомъ основаніи г. Голубевъ включилъ ихъ въ число международныхъ административныхъ комиссій?

Во всякомъ случаѣ приходится утверждать, что заглавіе диссертациі и формулировка темы ея самимъ авторомъ не отвѣчаютъ дѣйствительному содержанию работы. Последняя должна была бы быть названа: „Коллегіальныя учрежденія, служащія международнымъ административнымъ потребностямъ“ или тому подобное. Теперешнее же названіе ея слишкомъ узко для содержания книги.

Кстати, непонятно и то, почему г. Голубевъ назвалъ свою работу международными административными комиссіями XIX, а не XX вѣка? Изслѣдованіе доведено до послѣдняго времени. Въ него включены организаціи, возникшія именно въ XX вѣкѣ, раньше вовсе не существовавшія, напр., союзы — рабочій, сельскохозяйственный, сахарный.

III.

Проф. Голубевымъ использовано почти все, что во всемирной литературѣ имѣло какое нибудь отношеніе къ его темѣ. При этомъ нерѣдко изъ за нѣсколькихъ замѣчаній, часто словъ, ему приходилось знакомиться съ крупными трудами. Литературныя указанія автора громадны и являются для темы такъ, какъ понималъ ее авторъ, исчерпывающими. Однако авторъ отнюдь не имѣлъ въ виду искусственно увеличивать свои литературныя ссылки: во многихъ случаяхъ (напр., относительно разныхъ всеобщихъ административныхъ союзовъ, относительно международныхъ рѣкъ и пр.) онъ просто отсылаетъ, что касается болѣе старей литературы, къ своимъ предшественникамъ по вопросу. Словомъ, всемирная литература использована г. Голубевымъ такъ внимательно, какъ это рѣдко бываетъ даже въ лучшихъ монографіяхъ.

Достаточно сказать, что въ виду громадности литературнаго багажа автора мнѣ пришлось совершить льтомъ по-

ѣздку въ Парижъ и Берлинъ для того, чтобы въ Национальной и Королевской библіотекахъ провѣрить указанія его. Провѣрка дала вполне благопріятные результаты.

Въ видѣ примѣра литературныхъ указаній отмѣчу хотя бы указанія къ общимъ замѣчаніямъ автора относительно всеобщихъ административныхъ союзовъ государствъ (стр. 661):

„Впервые значеніе и структура всеобщихъ союзовъ были выяснены проф. Еллинекомъ, проф. Бри и проф. Бруниальти въ ихъ монографіяхъ о соединеніяхъ государствъ. Iellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen Wien 1882; Brie. Theorie der Staatenverbindungen. Breslau 1886 и Brunialti. Unioni e combinazioni fra gli stati. Torino. 1891. Вторая часть работы проф. Мейли — Meili. Die internationalen Unionen über das Recht der Weltverkehrsanstalten und des geistigen Eigenthums. Leipzig 1889, — озаглавленная „Reflexionen über die Fortbildungen der internationalen Unionen“ не содержитъ общей теоріи вопроса и даетъ лишь нѣсколько практическихъ указаній и замѣчаній; въ первой части описываются нѣкоторыя уніи.—О межд. бюро существуютъ двѣ работы, довольно похожія другъ на друга. Moynier. Les bureaux internationaux et leur avenir. Genève 1892 и Descamps. Les offices internationaux et leur avenir. Bulletins de l'académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. 3 série, t. XXVII. 1894, p. 669—802. (отдѣльное изд.: Bruxelles 1894). Муанье изучаетъ отдѣльные уніи и на стр. 147—168 дѣлаетъ общіе выводы; проф. Деканъ излагаетъ устройство отдѣльныхъ бюро и разсматриваетъ вопросъ объ ихъ будущности.—Съ точки зрѣнія цѣлесообразности излагаетъ въ своей статьѣ вопросъ объ уніяхъ проф. Рено: Renault. Les unions internationales, leurs avantages et leurs inconvénients. R. g. 1894, p. 14—26.—Описаніе всѣхъ девяти организованныхъ союзовъ, учрежденныхъ въ 1864—1890 годахъ, и теорія всеобщихъ союзовъ содержится въ трехтомной монографіи проф. Казанскаго Всеобщіе административные союзы государствъ. Одесса 1897. — Изъ числа небольшихъ работъ можно упомянуть: Lavollée. Les unions internationales. Revue d'histoire diplomatique 1887. № 3. P. 331—362—Levieux. Essai sur l'évolution du droit international et sur l'histoire des traités. Bruxelles 1892. 26 стр. (extrait du journal „Le Palais“ février 1892).—Poinsard. Les unions et ententes internationales. Paris 1900. 34 стр. (extr. de la Revue sociale) (2-e éd. Berne 1901) и Le droit international au XX-e siècle ses progrès et ses tendances. Science sociale 1907, janvier.—Reinisch. International unions and their administration. The american journal of international law. 1907. 579—623.—Rapisardi-Mirabelli. Il diritto internazionale amministrativo e le grandi unioni fra gli stati. Roma 1907. 49 стр.—Общая теорія уній изложена вкратцѣ въ тезѣ Rolland. De le correspondance postale et télégraphique dans les relations internationales. Paris 1901.—Въ нашемъ изложеніи содержатся тѣ дополненія, какія можно сдѣлать къ монографіи проф. Казанскаго изъ практики послѣдняго десятилѣтія, а также свѣдѣнія преимущественно о наблюдательныхъ комиссіяхъ уній,

Такой же характеръ носятъ литературные очерки и по многимъ другимъ вопросамъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ виду отсутствія спеціальной литературы, г. Голубевымъ приложенъ въ концѣ изслѣдованія очеркъ литературы по ближайшему болѣе общему вопросу, именно очеркъ литературы о международной администраціи. Онъ представляетъ собою какъ бы самостоятельный опытъ, притомъ самый полный изъ всѣхъ, доселѣ существовавшихъ по данному вопросу.

Нѣкоторыя литературныя указанія автора, однако, неудачны, или недостаточны. Такъ, говоря объ организациіи международного союза, онъ ссылается на работу Hellmuth'a, *Die grossen internationalen Kongresse, Konferenzen etc. Würzburg. 1907*, между тѣмъ сочиненіе г. Геллмута представляетъ собою лишь *Band II. V. Formelles Recht*. Ни о какихъ конгрессахъ и конференціяхъ въ томъ II и рѣчи нѣтъ.

Неудачна также ссылка (с. 723) на соч. Duplessix, *Loi des nations. Paris. 1906*. Брошюра эта никакого значенія не имѣетъ и, вопреки г. Голубеву, не можетъ служить доказательствомъ того, что распространеніе понятія о международной администраціи повело къ составленію проектовъ особыхъ международныхъ административныхъ органовъ.

Въ очеркѣ литературы вопроса о международной администраціи имѣются также досадные пробѣлы. Такъ, онъ не цитируетъ весьма важныя для вопроса сочиненія: Guido Fusinato, *Di una parte alquanto trascurata del diritto internazionale, Firenze. 1892* и Prospero Fedozzi, *Il diritto amministrativo internazionale. Perugia. 1901*.

Въ очеркѣ исторіи понятія общественнаго права проф. Голубевъ утверждаетъ, что развитіе и обоснованіе ученія объ общественномъ правѣ дали трое лицъ: Лешковъ, Рёслеръ и Шпилевскій. (Стр. LIII). Даже лица, спеціально не изучавшія вопроса, могли бы напомнить г. Голубеву Л. Штейна и Р. Моля, не говоря уже о величинахъ менѣе крупныхъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Голубевъ слишкомъ близко передаетъ отдѣльныя мѣста изъ другихъ авторовъ безъ непосредственной ссылки на нихъ. Такъ, положимъ, возражая Палисье и Мару, по вопросу о единогласной постановкѣ рѣшеній комиссіей египетскаго долга, онъ пишетъ: „если

бы требовать единогласія, то на практикѣ оказалось бы положительно невозможной административная дѣятельность, представляющая собою цѣлый рядъ изолированныхъ актовъ“ (стр. 300). Это предложеніе представляетъ собой, несомнѣнно, точный переводъ слѣд. словъ прив.-д. Кауфмана: „Autrement son action administrative, qui se compose d'une grande quantité d'actes isolés, deviendrait presque impossible dans la pratique (Le droit international et la dette publique de l'Egypte. Bruxelles. 1891. P. 116). Можно было бы привести и еще примѣры такой же близкой передачи чужихъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать и еще нѣсколько небольшихъ замѣчаній относительно литературныхъ указаній. Авторъ неправильно пишетъ по-польски и переписываетъ по-русски фамилію Заленскаго; это вовсе не Залесскій или Zaleski (стр. 709), а Zaleski. Также невѣрно пишетъ г. Голубевъ фамилію: Roesler (стр. LV). Это отнюдь не Резлеръ, а именно Рёслеръ.

Недостатки этого рода, однако, особо въ упрекъ автору поставлены быть не должны. Они не могутъ заслонить несомнѣнныхъ достоинствъ изслѣдованія и относятся къ простымъ, почти неизбѣжнымъ недосмотрамъ.

IV.

Громаденъ также и такъ называемый положительный матеріаль, составляющій основаніе изслѣдованія. По разнообразному и глубокому знакомству съ международными договорами г. Голубевъ является однимъ изъ немногихъ изслѣдователей не только въ русской литературѣ, но и въ западной. Чуть ли не каждая страница диссертациі достаточно краснорѣчиво говоритъ о массѣ труда, положеннаго въ этомъ отношеніи авторомъ.

Чтобы оцѣнить эту сторону изслѣдованія г. Голубева, надо не забывать того, что изслѣдователи международного права поставлены, что касается источниковъ права, въ такія неблагоприятныя условія, которыя вовсе неизвѣстны изслѣдователямъ другихъ вѣтвей права. Интернаціоналисты не имѣютъ въ своемъ распоряженіи не только кодекса или хотя бы свода международного права, но даже общаго собранія международныхъ договоровъ. Предпринимая сколько

нибудь значительное изслѣдованіе, современный интернаціоналистъ бываетъ вынужденъ, прежде всего, отыскать то положительное право, которое должно быть подвергнуто обслѣдованію, собрать его по безчисленнымъ сборникамъ и изданіямъ частнаго и официальнаго характера. Собираніе это составляетъ главную трудность, которую надо бываетъ побѣдить почти при каждомъ скольконибудь крупномъ изслѣдованіи и оцѣнить которую врядъ-ли могутъ неспеціалисты. Съ этой точки зрѣнія такъ называемое юридическое сырье, котораго немало въ трудѣ г. Голубева, составляетъ отнюдь не минусъ изслѣдованія, а скорѣе плюсъ его.

Существенный пробѣлъ работы въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что авторъ не всегда достаточно полно и послѣдовательно изучилъ внутреннее право комиссій, такъ называемые регламенты. Конечно, нѣкоторые изъ этихъ регламентовъ трудно, или вовсе невозможно достать на литературномъ рынкѣ, но это врядъ ли можетъ служить вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для оправданія подобныхъ пробѣловъ. Современный изслѣдователь права долженъ работать не только по книгамъ. Недостатку послѣднихъ должно умѣть помогать непосредственнымъ, личнымъ наблюденіемъ. У г. Голубева не изучены внутренніе распорядки даже такихъ, положимъ, учрежденій, какъ большинство органовъ частныхъ и всеобщихъ союзовъ американскихъ республикъ.

Такъ или иначе, но въ отношеніи литературной освѣдомленности и знанія положительнаго права г. Голубевъ является достойнымъ членомъ русской школы международнаго права, которая въ теченіе послѣдней четверти вѣка освободилась отъ поклоненія отдѣльнымъ западнымъ авторитетамъ и идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ.

V.

Какъ и большинство лучшихъ представителей русской школы, г. Голубевъ—догматикъ. Онъ даетъ догматическую обработку тѣмъ богатѣйшимъ положительнымъ даннымъ, которыя ему удалось почерпнуть изъ международныхъ договоровъ и обычаевъ XIX в. Это, конечно, единственно правильный и плодотворный путь при изученіи новѣйшихъ установленій меж-

дународнаго права. Въ него оно не имѣетъ будущаго. Только послѣ того, какъ международное право будетъ продумано и понято какъ логическое цѣлое, какъ система, можно будетъ ставить наукѣ международнаго права и другія задачи.

Авторъ собирался, впрочемъ, сдѣлать нѣчто другое, именно (стр. XLIII) „прослѣдить сравнительно исторически преемственное развитіе и эволюцію каждаго учрежденія въ отдѣльности и всего института въ цѣломъ“. Можно однако утверждать, что намѣреніе примѣнить историко-сравнительный методъ къ юридическому явленію, исторіи не имѣющему, создавшемуся за послѣдніе годы, покоилось на недоразумѣніи. Никакого примѣненія этого метода на дѣлѣ въ работѣ г. Голубева и не усматривается.

Главный недостатокъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что оно не доведено г. Голубевымъ до конца, не совершенъ имъ до конца путь догматическаго анализа и синтеза. Онъ не свелъ въ систему разные типы международныхъ административныхъ комиссій и не далъ общаго ученія о нихъ. Это же послѣднее обстоятельство оказало, какъ будетъ показано ниже, весьма неблагопріятное вліяніе на всю работу г. Голубева. Оно лишило ее внутренняго единства и не позволило извлечь изъ богатыхъ данныхъ, собранныхъ авторомъ, всѣхъ тѣхъ поученій, которыя въ нихъ содержались.

Не смотря на свои несомнѣнныя достоинства, работа г. Голубева производитъ впечатлѣніе чего то недоконченнаго—участь многихъ русскихъ трудовъ по праву. Послѣднее, впрочемъ, не укрылось и отъ самого автора, который скромно назвалъ ее „очерками теоріи и практики“.

V I.

Планъ изслѣдованія г. Голубева врядъ ли можно считать правильнымъ. Въ основаніе системы изученія и изложенія всей темы положены признаки не юридическіе, и даже не историческіе, или политическіе, а географическіе, а въ описаніи отдѣльныхъ установленій не замѣчается не только систематичности, но даже простой послѣдовательности.

Послѣ весьма обширнаго предисловія, въ которомъ авторъ говоритъ о всевозможныхъ вещахъ, имѣющихъ весьма малое отношеніе къ темѣ—*de omnibus rebus scibilibus et quibusdam aliis*,—все изложеніе распадается на 2 части: Часть I. Мѣстные органы международной администраціи въ отдѣльныхъ малокультурныхъ независимыхъ государствахъ Азіи и Африки. Часть II. Органы международного управленія въ Европѣ и Америкѣ. Часть I въ свою очередь распадается на 4 главы: I. Международные санитарные совѣты. II. Международныя комиссіи для обезпеченія судоходства. III. Международные финансовыя совѣты. IV. Международныя комиссіи для обезпеченія безопасности и благоустройства. Часть II распадается на два отдѣла: I. Европейскія комиссіи. II. Органы частныхъ и всеобщихъ союзовъ американскихъ республикъ. Заканчивается книга приложеніемъ, посвященнымъ литературѣ вопроса о международной администраціи, т. е. вопроса, непосредственно къ темѣ не относящагося.

Признакъ географическій нельзя не признать самымъ неудачнымъ, какой только можно было выбрать для изложенія содержанія изслѣдованія. Географическое положеніе того или другаго учрежденія никакого юридическаго полученія въ себѣ заключать не можетъ. Принявъ же указанный планъ, авторъ съ одной стороны вынужденъ былъ въ разныхъ мѣстахъ работы говорить объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, напр., о рѣчныхъ комиссіяхъ въ Азіи и въ Африкѣ, въ Европѣ и въ Америкѣ, о санитарныхъ совѣтахъ въ Азіи и въ Африкѣ, въ Европѣ и въ Америкѣ и т. д. Съ другой же стороны, этотъ планъ помѣшалъ ему сдѣлать многія сопоставленія и обобщенія, которыя необходимо было сдѣлать для установленія общаго ученія.

Въ основаніе юридическаго изслѣдованія слѣдовало бы положить или юридическія особенности международныхъ комиссій, или тѣ общественныя интересы, которые вызвали къ жизни эти комиссіи, причемъ, конечно, надо исходить изъ убѣжденія, что однѣ и тѣ же надобности должны, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, вызывать къ жизни одни и тѣ же юридическія образованія. При такой постановкѣ изученіе организаціи и дѣятельности хотя бы международ-

ныхъ рѣчныхъ комиссій, дѣйствующихъ въ разныхъ общественныхъ условіяхъ, могло бы привести автора къ общимъ заключеніямъ, которыхъ теперь въ работѣ не оказывается.

Рядомъ съ неудачнымъ планомъ всей работы надо отмѣтить отсутствіе систематичности, послѣдовательности и равномерности и въ изученіи отдѣльныхъ комиссій. Одни изъ международныхъ учрежденій изучены болѣе подробно, другіе менѣе. Изложеніе однихъ вопросовъ носитъ чисто догматическій характеръ, въ другихъ удѣлено мѣсто также исторіи и политикѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не отнести къ прямымъ недостаткамъ работы то обстоятельство, что авторъ, описывая отдѣльныя комиссіи, не сгруппировалъ свѣдѣній, которыя имъ сообщаются относительно разныхъ вопросовъ изъ области права устройства или управленія комиссій по какой нибудь опредѣленной схемѣ. Это бросается въ глаза даже при внѣшнемъ ознакомленіи съ книгой. Въ однихъ и тѣхъ же абзацахъ г. Голубевъ говоритъ о всевозможныхъ матеріяхъ, располагая ихъ въ одномъ случаѣ въ одномъ порядкѣ, въ другихъ въ другомъ, не смотря на то, что въ каждомъ отдѣльномъ учрежденіи имѣется, въ концѣ концовъ, весьма ограниченное число вопросовъ, которые и должны были бы быть въ извѣстномъ порядкѣ и въ равной мѣрѣ обработаны.

Главные установленія, именно санитарныя и финансовыя совѣты, рѣчныя комиссіи и комиссіи всеобщихъ административныхъ союзовъ государствъ, изучены еще болѣе или менѣе равномерно, полно и по извѣстному плану, но рядомъ съ ними мы видимъ отрывочное, какъ бы случайное изложеніе устройства и дѣятельности международныхъ совѣтовъ для управленія иностранными поселеніями на востокѣ, или международныхъ органовъ для отдѣльныхъ владѣній Турціи, или органовъ американскихъ союзовъ. Конечно, эта несистематичность, неравномерность и непоследовательность изложенія иногда объясняется неразвитостью тѣхъ или другихъ учрежденій, особенно изъ числа недавно возникшихъ, но иногда нельзя не видѣть и того, что авторъ просто не сумѣлъ достать нужныхъ ему свѣдѣній. Последнее надо съ несомнѣнностью утверждать, напр., относительно американскихъ и восточно-азиатскихъ комиссій.

VII.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ частностямъ, нельзя прежде всего не отмѣтить того, что за рѣдкими исключеніями пониманіе и толкованіе постановленій междунаrodnыхъ договоровъ и обычаевъ въ разбираемой работѣ является, въ общемъ, правильнымъ. Никогда г. Голубевъ не искажаетъ ихъ изъ желанія подогнать положительное право подъ предвзятая идеи. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ изслѣдователей международнаго права, которые, уклоняясь отъ работы по первоисточникамъ, предпочитаютъ исходить въ своихъ построеніяхъ изъ прекраснoдушныхъ порывовъ своего сантиментальнаго сердца и засимъ, когда дѣйствительность оказывается несоотвѣтствующей ихъ ожиданіямъ, кладутъ ее, къ счастью лишь въ своихъ сочиненіяхъ, на прокрустово ложе теоріи. Г. Голубевъ остается вѣренъ своей объективности и добросовѣстности и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ и незначительныхъ постановленіяхъ международнаго права, и въ тѣхъ, когда приходится юридически изображать сложныя правовыя установленія.

Отмѣчу для примѣра въ особенности тѣ случаи, когда г. Голубеву приходилось разбираться въ спорныхъ вопросахъ положительнаго права; таковы: казусъ относительно постановки рѣшеній по большинству голосовъ кассой публичнаго долга Египта (стр. 297—307), анализъ постановленія ст. 74 конгоссакаго договора (стр. 585—686), вопросъ относительно времени основанія константинопольскаго санитарнаго совѣта (стр. 52—55), критика, такъ называемаго суверенитета международной сахарной комиссіи (стр. 644) или конгосской комиссіи (стр. 216—217), анализъ юридической природы международнаго финансоваго контроля въ Турціи (стр. 316—322), или дунайской европейской комиссіи (стр. 188—190) и др. Вообще, цѣлый рядъ страницъ посвящаетъ г. Голубевъ выясненію юридической природы разныхъ международныхъ административныхъ комиссій. Свои заключенія онъ рѣдко формулируетъ точно, но въ общемъ защищаемыя имъ идеи являются достаточно доказанными (см. стр. 333—334, 428, 515, 133—134, 128—129, 403—419, 2 и др.).

Не имѣя возможности передавать здѣсь всѣхъ, нерѣдко весьма интересныхъ опытовъ проф. Голубева, останавлиюсь, для примѣра, на анализѣ имъ ст. 8 конгосскаго акта 1885 г., на которой нѣкоторые думаютъ основать суверенитетъ этой комиссіи. „Статьей 8-ой генеральнаго акта, помѣщенной въ деклараціи о свободѣ торговли въ бассейнѣ Конго, комиссія уполномочивается привести въ исполненіе на безхозяйныхъ территоріяхъ эту декларацію, въ которой помимо регулированія торговыхъ отношеній намѣчается также оказаніе покровительства туземцамъ, миссіонерамъ и путешественникамъ; слѣдовательно на комиссію налагаются обязанности, совершенно постороннія рѣчному дѣлу. „Во всѣхъ частяхъ тѣхъ территорій, которыя предусматриваются настоящей деклараціей (par la présente déclaration), гдѣ никакая держава не осуществляетъ правъ суверенитета или протектората, международная комиссія судоходства по Конго, учрежденная въ силу статьи 17, будетъ обязана наблюдать за исполненіемъ принциповъ, провозглашенныхъ и освященныхъ въ настоящей деклараціи (principes proclamés et consacrés par cette déclaration). Во всѣхъ случаяхъ когда возникнутъ затрудненія относительно примѣненія принциповъ, установленныхъ въ настоящей деклараціи, заинтересованныя государства могутъ согласиться (pourront convenir) объ обращеніи къ добрымъ услугамъ (bons offices) комиссіи, предоставляя ей изслѣдованіе фактовъ, вызвавшихъ эти затрудненія“ (ст. 8). По смыслу этой статьи комиссія должна наблюдать не за всѣмъ генеральнымъ актомъ конференціи, что до сего времени было общепринятымъ положеніемъ въ литературѣ, а лишь за указанной деклараціей и за актомъ плаванія по Конго. Весь генеральный актъ состоитъ изъ 1) деклараціи о свободѣ торговли въ бассейнѣ Конго, 2) деклараціи относительно торга неграми, 3) деклараціи о нейтралитетѣ территорій, входящихъ въ бассейнѣ Конго, 4) акта о плаваніи по Конго, 5) актовъ о плаваніи по Нигеру и 6) деклараціи относительно права завладѣнія на африканскихъ территоріяхъ. Выраженіе „cette déclaration“ и „présente déclaration“ относится очевидно къ первой по счету деклараціи, въ составъ которой входитъ 8 статья генеральнаго акта. Если бы комиссіи было поручено исполненіе всего договора, то было бы упомянуто о генеральномъ актѣ; во всемъ договорѣ строго различается полный актъ вообще и его отдѣльныя составныя части. Поэтому комиссія не должна пешичь ни о подавленіи неготорговли, ни слѣдить за выполненіемъ правилъ объ оккупациі, ни, тѣмъ болѣе, за примѣненіемъ акта судоходства по Нигеру. Изъ нея вѣдѣнія выходятъ всѣ этого рода вопросы: она не должна ни преслѣдовать интересы челоѣколюбія, ни политическіе интересы, связанные съ захватомъ земли, ни административные интересы на другихъ африканскихъ рѣкахъ. Ей поручено лишь блюсти на безхозяйныхъ мѣстностяхъ, гдѣ она является единственною культурною силою, интересы торговли и мирнаго проникновенія европейцевъ подобно тому, какъ на незанятыхъ земляхъ она ведетъ независимо отъ кого либо рѣчную службу. Въ этомъ отношеніи нельзя согласиться съ учрежденіемъ Pillias, будто „комиссія можетъ быть призвана къ наблюденію за примѣненіемъ генеральнаго

акта въ цѣломъ, содержащаго въ себѣ постановленія абсолютно постороння плаванию, какъ напр. о неготорговлѣ et cetera“¹⁾. Кроме того функции комисіи не сводятся къ третейскому разбирательству, какъ полагаетъ напр. Бланшаръ²⁾, а представляютъ собою подачу необязательнаго для сторонъ совѣта, который не можетъ быть принудительно наложенъ и къ которому стороны только могутъ, но не обязаны обращаться. Все приведенное здѣсь доказываетъ, что статья 8-ая, если и представляетъ собою нѣчто необычное, то все же даетъ комиссіи слишкомъ мало простора дѣйствіи и реальной власти; значеніе этой статьи чисто теоретическое. Во французской литературѣ это значеніе сильно преувеличивается. Указавъ на 8 статью, Pillias замѣчаетъ: „этого достаточно для того, чтобы оправдать приложеніе къ комиссіи эпитета „суверенной“ (souveraine); только не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ терминомъ, надо различать два случая. Комиссія суверенна въ тѣхъ частяхъ территоріи, гдѣ никакая держава не осуществляетъ правъ суверенитета или протектората; она есть простая международноправовая личность (une personne du droit des gens) во всѣхъ другихъ территорияхъ“. Точно такъ же полагаетъ и Blanchard: „прерогативы комиссіи содержатъ въ себѣ очевидное расширеніе правъ, до сихъ поръ представившихся подобнымъ комитетамъ. Но ей дано еще болѣе того въ статьѣ 8-ой, именно совершенно новыя права, превращающія ее въ настоящую территориальную державу (une vraie puissance territoriale). Комиссія въ незанятыхъ владѣніяхъ имѣетъ контроль надъ всѣми суверенными правами (droits souverains) князьковъ, тамъ царствующихъ. Мы имѣемъ нѣчто подобное, въ болѣе слабомъ видѣ въ Турціи, въ Греціи, въ Египтѣ, гдѣ европейскія комиссіи наблюдаютъ за осуществленіемъ нѣкоторыхъ фискальныхъ правъ финансоваго вѣдомства. Но тамъ лишь частный и временный контроль; здѣсь же ко-

1) Pillias. p. 75 — Такую же точно интерпретацію даетъ и Blanchard. Formation et constitution de l'état indépendant du Congo. Paris 1899. 158.—Blanchard (p. 158—159) утверждаетъ, что Германія требовала образованія особой европейской комиссіи, отличной отъ Конгской рѣчной комиссіи, для приведенія въ дѣйствіе генеральнаго акта въ незанятыхъ никѣмъ владѣніяхъ и для наблюденія за исполненіемъ акта въ оккупированныхъ державами земляхъ; но Франція и Португалія воспротивились этому контролю, почему на конференціи и ограничили этотъ надзоръ безхозьяйными землями и слили эту европейскую комиссію съ рѣчной Конгской комиссіей. Но это утвержденіе Бланшарда не подтверждается, по крайней мѣрѣ, официальными протоколами конференціи. Германія какъ разъ предлагала порученіе рѣчной комиссіи широкихъ полномочій на безхозьяйныхъ владѣніяхъ, но конференція эти полномочія значительно сьузила; выключено было между прочимъ попеченіе объ уничтоженіи работорговли. См. Martens N. R. G. 2 s. X. 208.

2) Blanchard p. 158. Такую же ошибку дѣлаетъ Urban. Étude de droit fluvial international. Paris 1905. 306.

миссія осуществляет полный и вѣчный контроль надъ варварскими королевствами договорнаго бассейна Конго. Комиссія есть нейтральная (neutre) територіальная держава, имѣющая свое законодательство—въ ея регламентахъ, свою принудительную силу — въ военныхъ судахъ, державъ, свои финансы—въ собираемыхъ ею сборахъ“. Надо думать, что обоихъ авторовъ ввели въ заблужденіе разсужденія о суверенитетѣ комиссії на конференціи 1); Конгская комиссія строилась по образцу Дунайской, издавна и ошибочно считаеваемой „суверенной“; то, что было принято въ 1885 году, далеко не совпадало съ правами Нижнедунайской комиссії; поэтому такое именованіе Конгской комиссії не имѣетъ за собой основаній. Никакихъ суверенныхъ правъ комиссія не имѣетъ, она призвана лишь наблюдать за плаваніемъ и торговлею и подавать державамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣты. Выполненіе, контроль, надзоръ, подача добрыхъ услугъ—все это функціи подчиненнаго, служебнаго характера. Вся разница заключається лишь въ томъ, что на безхозяйныхъ пространствахъ комиссія исполняетъ порученіе державъ одна, безъ соучастія мѣстной власти, ибо ея нѣтъ въ организованномъ видѣ, тогда какъ на покровительствуемыхъ или оккупированныхъ земляхъ она должна предварительно соглашаться о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣрахъ исполненія съ мѣстной властью, покровителемъ или оккупантомъ, по нѣкоторымъ же вопросамъ весь контроль отходитъ вполне къ територіальной власти, что имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ регулируемыхъ статьями 8, 9, 20 и др. Комиссія имѣла задачей исполненіе воли державъ и простой контроль за примѣненіемъ отдѣльныхъ частей договора установленными державами: она была подчиненнымъ органомъ державъ выполняющихъ ихъ волю. Права суверенитета на незанятыхъ земляхъ принадлежали не комиссії, а дикимъ, жившимъ на этихъ земляхъ, если они имѣли какое нибудь государственное устройство. Суверенитетъ состоитъ въ способности обязывать себя выраженіемъ своей собственной воли и можетъ принадлежать только государству, какъ монополисту принужденія. Комиссія не могла властвовать на незанятыхъ земляхъ тѣмъ болѣе уже потому, что не имѣла ни своей арміи, ни флота. Она могла лишь при исполненіи своихъ обязанностей обращаться въ случаѣ необходимости за помощью къ военнымъ судамъ державъ, подписавшихъ генеральный актъ и тѣхъ, кои присоединятся къ нему впоследствии; но въ договорѣ добавлялось, что при этомъ „должны, разумѣется, приниматься въ уваженіе инструкціи которыя могутъ быть даны командирамъ судовъ ихъ правительствами“ (стр. 21).

Удачный анализъ, подобный только что изложенному, мы встрѣчаемъ въ разбираемой книгѣ очень часто. Къ сожалѣнію, останавливаться на немъ мы уже не можемъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ авторъ, однако, даетъ врядъ ли вѣрное толкованіе постановленіямъ международныхъ до-

1) См. указанную выше желтую книгу. Paris 1885, p. 122—123.—
Ср. Pillias p. 75—76 и Blanchard p. 158—159.

говоровъ и на этихъ случаяхъ мы должны, конечно, остановиться болѣе подробно.

VIII.

Нельзя понять, положимъ, какимъ образомъ г. Голубевъ можетъ утверждать, что юридически санитарный совѣтъ въ Танжерѣ сталъ дѣйствовать только съ 1840 г. (стр. 5). Самъ же г. Голубевъ указываетъ, что въ силу обычая и традиціи совѣтъ существовалъ съ конца XVIII в. (стр. 4). Развѣ международный обычай не является такимъ же источникомъ права, какъ и международный договоръ?

Далѣе, нельзя не признать ошибочнымъ толкованіе г. Голубевымъ статьи 19 конгоссаго договора 1885 г. Статья 19 постановляетъ: „Коммиссія возникнетъ, какъ только пять изъ державъ, подписавшихъ генеральный актъ конференціи, назначать своихъ делегатовъ“. Г. Голубевъ толкуетъ ее слѣдующимъ образомъ: подъ „пятью державами“, которыя первыя войдутъ въ коммиссію, разумѣлись именно прибрежныя державы, именно Франція, Германія, Англія, Португалія и вновь образованное „независимое государство Конго“ (стр. 209). Толкованіе это рѣшительно ни на чемъ не основано и представляетъ собой личное изобрѣтеніе автора.

Никакъ нельзя также согласиться съ тѣмъ, что выраженіе: *les questions de fond*, встрѣчающееся въ регламентѣ дунайскаго судоходства 1879 г., означаетъ особо важныя дѣла, не входящія въ сферу вѣдѣнія европейской дунайской коммиссіи и специально поручаемыя ей державами (стр. 179). Все это совершенно произвольныя толкованія г. Голубева, корень которыхъ надо искать, думается, въ его стремленіи всячески доказать, что коммиссіи, дѣйствуя въ сферѣ своей компетенціи, всегда постановляютъ рѣшенія по большинству голосовъ. Регламентъ 1879 г. говоритъ въ данномъ отношеніи лишь слѣдующее: „въ основныхъ вопросахъ (*questions de fond*), для которыхъ необходимо единогласіе, рѣшенія, принятыя единогласно присутствующими делегатами, становятся окончательными спустя два мѣсяца послѣ сообщенія ихъ отсутствующимъ делегатамъ“ и т. д. Что, конечно, несовсѣмъ согласно съ теоріей г. Голубева.

Врядъ-ли, далѣе, вѣрно считаетъ г. Голубевъ смѣшанную комиссію, образованную С.-А. С.-Штатами и Мексикой въ 1839—1842 годахъ, судебной комиссіей; онъ приканцевъ (стр. XXVI). Между тѣмъ для передачи спора, возникшаго между государствами, третейскому суду, требуется особое опредѣленное соглашеніе, т. н. компромиссъ, каковаго въ данномъ случаѣ не было. Правильнѣе, значитъ, были воззрѣнія мексиканцевъ, которые предполагали, что задача комиссіи выработать основу соглашенія для государствъ и только.

На страницѣ 588 г. Голубевъ полемизируетъ со мной. Мною было замѣчено, что на основаніи статьи 10 договора 1885 г. нельзя рѣшить, могутъ-ли рейнскіе комиссары постановлять сообща какія либо рѣшеніе или нѣтъ? На этомъ основаніи я колебался, слѣдуетъ-ли признать съѣзды этихъ комиссаровъ за международную комиссію? Г. Голубевъ считаетъ эти съѣзды за комиссію, объясняя, что и совѣщательныя комиссіи не перестаютъ быть комиссіями. Однако даже для того, чтобы быть только совѣщательными, комиссіи должны имѣть право что-нибудь сообща рѣшать, или постановлять. Вовсе нѣтъ основанія утверждать, что рѣшенія комиссіи должны быть всегда обязательны для государствъ. Относительно же рейнскихъ комиссаровъ нельзя установить, могутъ ли они въ какомъ-нибудь отношеніи выступать, какъ цѣлое, заявляя свою общую волю, или хотя бы свои общія мнѣнія.

Невѣрно, далѣе, будто комиссія на Конго „не основывалась на началѣ полного равенства всѣхъ участниковъ соглашения“ (с. 248). Откуда все это, опять-таки, неизвѣстно.

На стр. 526 г. Голубевъ возражаетъ Энгельгардту и др., признающимъ за директоромъ рейнскаго октруа 1804 г. въ нѣкоторомъ отношеніи функціи правообразованія. Между тѣмъ послѣднему дѣйствительно принадлежало право издавать временныя правила судоходства. То обстоятельство, что эти правила нуждались въ утвержденіи договорныхъ правительствъ; отнюдь не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Голубева. И постановленія конгрессовъ и конференцій нуждаются въ ратификаціи со стороны договаривающихся

ся правительствъ. Заключать изъ этого, что функцій право-образованія директоръ не имѣлъ, никакъ нельзя.

Наконецъ, вопреки г. Голубеву (стр. 560), то обстоятельство, что низшіе рыболовные агенты Швейцаріи и Франціи имѣютъ право надзора за обоими берегами Лемана, не дѣлаетъ ихъ международными органами. Международный органъ долженъ обладать еще нѣкоторыми другими существенными признаками, каковыхъ въ данномъ случаѣ не имѣется.

Въ заключеніе надо, однако, еще разъ повторить, что за указанными и нѣкоторыми другими исключеніями, работа проф. Голубева даетъ вполнѣ удовлетворительную, точную и ясную передачу поставленій международныхъ договоровъ.

IX.

Самыя широкія обобщенія, которыя мы находимъ въ диссертациі г. Голубева, касаются юридической конструкціи отдѣльныхъ видовъ международныхъ административныхъ учреждений. Онъ не далъ общаго ученія о международныхъ комиссіяхъ. Онъ не далъ даже опредѣленія понятія международныхъ административныхъ комиссій. Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

Если бы г. Голубевъ остановился на опредѣленіи понятія международной административной комиссіи, онъ, несомнѣнно, не впалъ бы въ нѣкоторыя ошибки. Такъ, напр., онъ, не думалъ бы, что обязанность періодическихъ съѣздовъ комиссаровъ береговыхъ государствъ уже достаточна для того, чтобы признать существованіе совмѣстнаго коллегіальнаго органа контрагентовъ (стр. 558). Съѣздъ можетъ стать коллегіальнымъ органомъ только въ такомъ случаѣ, если онъ хоть сколько нибудь организованъ и имѣетъ право выступать въ какомъ нибудь отношеніи, какъ цѣлое. Если же вся цѣль съѣзда только въ обмѣнѣ мнѣніями между комиссарами разныхъ государствъ, съѣздъ остается именно съездомъ и ничѣмъ болѣе. Считать его административной комиссіей нѣтъ никакого основанія.

Точно также врядъ ли можно согласиться со слѣдующими замѣчаніями г. Голубева: „Идеи... о суверенитетѣ дер-

жавъ... отражаются также на раздѣльности дѣйствій комиссаровъ... благодаря чему иногда трудно бываетъ рѣшить, существуетъ ли комиссія въ качествѣ единого органическаго цѣлаго, или въ видѣ механической суммы комиссаровъ (стр. 522).“ Какое собственно значеніе слѣдуетъ придавать выраженіямъ: органическое цѣлое и механическая сумма, авторъ не поясняетъ. Думается, что комиссія, состоящая изъ представителей самостоятельныхъ государствъ, скорѣе можетъ уподобляться механической суммѣ делегатовъ. Органическимъ же цѣлымъ могутъ быть лишь социальныя или политическія образованія, выросшія органически изъ общественной жизни, а не искусственно созданныя правомъ. Въ этомъ случаѣ опять-таки сказывается то обстоятельство, что, г. Голубевъ не установилъ опредѣленія понятія международной административной комиссіи.

Не остановился авторъ, какъ слѣдуетъ, и на названіяхъ изучаемыхъ имъ образованій. Темой своей онъ избралъ международныя административныя комиссіи, между тѣмъ въ работѣ изучаются и международные совѣты, и международныя учрежденія, носящія другія наименованія. При чемъ не объясняется, почему онъ прилагаетъ ко всѣмъ этимъ организаціямъ названіе, усвоенное на практикѣ одному лишь типу? Благодаря отсутствію общаго ученія, остается невыясненнымъ и то, какое значеніе имѣли для данной работы отдѣльныя разсматриваемые въ ней учрежденія и типы учрежденій? Совершенно невыяснены взаимныя отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу, и пр.

Наконецъ, и это самое главное, авторъ не далъ совершенно необходимыхъ крупныхъ обобщеній относительно организаціи и дѣятельности комиссій. Между тѣмъ вопросы, которымъ слѣдовало бы дать обработку, намѣчаются такъ легко и съ такою опредѣленностью, это: личный составъ комиссій (представители государствъ и частныхъ лицъ), бюро комиссій (предсѣдатель и пр.), органы комиссій, собранія, постановка рѣшеній, обязанности комиссій, юридическая природа комиссій и ихъ членовъ, мѣсто въ международной организаціи, отношеніе къ союзнымъ государствамъ и пр.

Г. Голубевъ сознавалъ, повидимому, потребность дать теорію изучаемыхъ установленій, но въ ту минуту, когда надо было, такъ сказать, воспарить и взглянуть на далекіе горизонты, говоря проще, когда надо было дать наиболѣе широкія обобщенія и сопоставленія, онъ вспомнилъ школьные уроки и ограничился повтореніемъ нѣкоторыхъ общихъ ученій о международномъ правѣ. Попытка освѣтить такимъ образомъ международныя административныя комиссіи оказалась, однако, неудачной. Эти общія ученія оказались неудачно формулированными, недостаточно доказанными и, что самое главное, весьма мало согласованными съ основнымъ содержаніемъ книги. Проф. Голубевъ повторилъ въ нихъ школьные уроки и повторилъ притомъ совсѣмъ напрасно, такъ какъ работа его именно идетъ противъ нѣкоторыхъ принятыхъ ученій.

Всѣ эти общія ученія отнесены къ предисловію, которое обработано слабѣе остальныхъ частей книги. Если бы еще это были вопросы, допускающіе общее поверхностное изложеніе, бѣда была бы не велика. Предисловія нерѣдко посвящаютъ именно красивымъ опытамъ болѣе или менѣе популярнаго характера. Но проф. Голубевъ затронулъ въ предисловіи важные основные вопросы науки, требующіе спеціальнаго и самаго внимательнаго изложенія...

Кромѣ всего этого, слѣдуетъ указать и на то обстоятельство, что мѣсто юридическихъ ученій нерѣдко занимаютъ въ критикуемомъ трудѣ историческія и политическія обобщенія и разсужденія. Они иногда, несомнѣнно, интересны и поучительны. Авторъ подчасъ мастерски вскрываетъ въ нихъ истинную подкладку современной международной политики. Но все это, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ замѣнить собой отсутствія той спеціальной юридической теоріи, которую можно было искать въ монографическомъ трудѣ.

Х

Несмотря на указанные недостатки, мы нерѣдко находимъ у автора удачную критику ученій современныхъ специалистовъ и весьма интересныя и поучительныя теоріи по разнымъ вопросамъ, затронутымъ изслѣдованіемъ. Нѣ-

сколько странно только, что авторъ помѣщаетъ многое изъ того, что имѣетъ наибольшую цѣнность, въ примѣчаніяхъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ излишней скромности, заставляющей его старательно ступшевывать свои теоріи, выдвигать воззрѣнія другихъ интернаціоналистовъ и называть наиболѣе цѣнныя главы — „общими замѣчаніями“.

Хорошо говоритъ авторъ о новыхъ задачахъ науки международнаго права и о новомъ содержаніи ея системы (стр. ХХХІV—ХХХVІ):

„Отрицаніе значенія международной организаціи или невниманіе къ ней объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что доселѣ въ наукѣ довольно прочно держится взглядъ на международное право какъ на продуктъ воли независимаго государства. При конструированіи международноправовыхъ отношеній и при начертаніи системы исходятъ изъ представленія объ изолированномъ воображаемомъ государствѣ, которое вступаетъ въ сношенія съ другими государствами; съ точки зрѣнія этого обособленнаго государства и излагаютъ всѣ институты международнаго права. Волю этого государства выражаютъ дипломатическіе агенты и спеціальные представители, командированные ad hoc на международныя собранія; это государство, дѣйствуя внѣ своей территоріи, считается лишь съ тѣми нормами, которыя оно признало въ заключенныхъ имъ договорахъ, и обязательная сила установленныхъ имъ соглашеній покоится на его волѣ; реализація этой воли подкрѣпляется принужденіемъ, монополистомъ котораго оно является; такимъ образомъ средства для проведенія воли государства въ международный оборотъ заключаются въ фактическомъ, дипломатическомъ и военномъ воздѣйствіи на иностранныя державы, а высшей санкціей права является война, какъ крайній и при этомъ порядкѣ единственно мыслимый способъ защиты нарушенныхъ интересовъ въ случаѣ неудачи взаимныхъ переговоровъ. При такомъ пониманіи международнаго права правоотношенія государства суммируютъ въ правѣ вести самостоятельныя сношенія съ другими державами посредствомъ назначаемыхъ имъ агентовъ, заключать при ихъ помощи трактаты, объявлять въ случаѣ крайности по собственному свободному рѣшенію войну и заключать миръ. Такое конструированіе международнаго права есть въ настоящее время анахронизмъ, пережитокъ старины. Подобныя воззрѣнія были вполне понятны въ ХVІІ и ХVІІІ вѣкахъ, когда еще не сложились элементы международной организаціи въ прочную и опредѣленную форму и когда государственная власть была не столько охранительницей народнаго благосостоянія, сколько оберегательницей внѣшней и внутренней безопасности, и ничуть неудивительно, что въ эти два столѣтія ограничивали международное право ученіемъ о правахъ государства, осуществляемыхъ имъ во внѣшнихъ его сношеніяхъ и что древнѣйшими и наиболѣе обработанными отдѣлами науки являются именно вопросы о посольскомъ правѣ и о войнѣ; вполне понятно, что первые

ислѣдователи брались за тѣ вопросы, которые имѣли наиболѣе практическаго значенія для ихъ времени, и что изученіе международнаго права началось съ этихъ двухъ институтовъ, особенно настоятельно выдвигавшихся самою жизнью и характерныхъ для международнаго строя новаго времени. Но въ наше время, когда довольно явственно сказывается въ жизни тенденція къ организаціи международнаго общенія, построеніе системы по старинной схемѣ не соотвѣтствовало бы болѣе живой дѣйствительности; въ этомъ и лежитъ отчасти причина отсталости международноправовыхъ теорій. Еще проф. Коркуновъ призывалъ къ освобожденію доктрины международнаго права отъ оковъ естественно-правовыхъ воззрѣній, которыя налагаютъ на науку международнаго права своеобразный отпечатокъ устарѣлости, и къ ревностному, тщательному и глубокому изученію реально существующихъ между государствами правоотношеній¹⁾. Точно также проф. Казанскій указывалъ на игнорированіе практики, какъ на причину невѣрнаго истолкованія международноправовыхъ явленій: „вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы черпать знанія изъ договора и обычая, интернаціоналисты, къ сожалѣнію, думаютъ построить систему международнаго права, исходя изъ теорій своихъ предшественниковъ. Поэтому когда все движется впередъ, международное право продолжаетъ питаться воззрѣніями XVII и XVIII вѣковъ“²⁾. Благодаря этому, гдѣ не находится какихъ-либо теоретическихъ разсужденій у старинныхъ ученыхъ, гдѣ приходится выводить нормы права изъ трактатовъ, изъ фактовъ, тамъ легко проходятъ мимо извѣстнаго вопроса, какой бы теоретическій интересъ онъ ни представлялъ собою. Въ настоящее время на смѣну отжившихъ свое лучшее время институтовъ выступаютъ многообѣщающія новыя учрежденія и только тотъ удовлетворитъ потребности нашего времени, кто на первый планъ выдвинетъ новыя ученія о международномъ союзѣ, объ органахъ коллективнаго управленія, о соглашенияхъ и союзахъ всемірнаго характера и о мирныхъ способахъ рѣшенія международныхъ несогласій. Слѣдуетъ въ интересахъ самаго дѣла рѣшительно порвать съ традиціонной систематизаціей и обратить главное вниманіе на то, что международное право есть продуктъ воли международнаго союза и что творцомъ правопорядка не является отдѣльное государство; исходной точкой надо брать международный союзъ, а не воображаемое самодовлѣющее государство; центръ тяжести съ ученія о суверенитетѣ надо перенести на ученіе о международномъ общеніи, разбивающее устарѣвшее нынѣ представленіе о государствѣ, какъ о рѣшающемъ факторѣ международной жизни; наконецъ надлежитъ указать, что есть на лицо особыя международныя органы, отличныя отъ органовъ государства, ведущихъ его внѣшнія сношенія“.

Въ словахъ г. Голубева заключается очень убѣдительный и вполне отвѣчающій условіямъ времени призывъ къ

1) Коркуновъ. Межд. право и его системы. Юридическая Лѣтопись 1891 № 10.

2) Казанскій. Договорныя рѣки. Казань 1895, т. I, ст. III.

теоретикамъ не отставать отъ практики и справедливо отмѣчается необходимость самостоятельно работать надъ новыми образованіями международного права. Нѣкоторое преувелеченіе заключается только въ томъ значеніи, которое г. Голубевъ приписываетъ такъ называемому международному союзу. Къ этому вопросу мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ.

Удачны также замѣчанія объ успѣхахъ международной администраціи въ началѣ XX вѣка (стр. XLII—XLIII):

„За послѣдніе годы намѣчается усиленіе среди экономистовъ, политиковъ и международниковъ интереса къ изученію матеріальнаго административнаго права; за послѣднее десятилѣтіе не проходитъ года безъ того, чтобы наука не обогатилась какимъ-либо новымъ историческимъ, юридическимъ или соціологическимъ изслѣдованіемъ по вопросамъ о регулированіи въ международныхъ отношеніяхъ экономическихъ задачъ управленія, интересовъ культуры, науки и просвѣщенія и охраны общественнаго здравія; укажемъ, напр., хотя бы на работы о борьбѣ съ повальными болѣзнями, о рабочемъ вопросѣ, о внѣшнихъ государственныхъ займахъ, о колонизаціи, о различныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и т. п. Благодаря этому все яснѣе и яснѣе обнаруживается процессъ зарожденія отдѣльныхъ институтовъ административнаго права въ XIX вѣкѣ, отчетливѣе обрисовывается генезисъ его развитія и накапливается матеріаль для теоретическаго истолкованія всего института въ цѣломъ. Проблема международной администраціи все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе и ученыхъ, и политиковъ, и мыслящихъ людей, не какъ логическая проблема далекаго грядущаго и лучшаго будущаго, а какъ животрепещущій вопросъ современности, какъ соціальное явленіе первостепенной важности: въ этомъ институтѣ можно явственно различать симптомы приближенія какого-то новаго, пока еще невѣдомаго вполнѣ строя международныхъ отношеній, зарождающагося на нашихъ глазахъ, обнаруживающагося на всѣхъ концахъ вселенной и безостановочно принимающаго конкретную опредѣленную форму и организацію. Поэтому врядъ ли надо доказывать, какую принципиальную важность представляетъ собою вопросъ о международной административной организаціи вообще, вопросъ никакъ никогда доселѣ еще не изученный монографически“.

Дѣйствительно, на нашихъ глазахъ въ этой области зарождаются явленія, которыя сулятъ въ будущемъ болѣе значительныя перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя вызывались великими войнами и внутренне государственными переворотами.

Очень хорошо, далѣе, сжатое обозрѣніе опредѣленій понятія „уніи“ въ современномъ международномъ правѣ (стр. 665—666):

„Въ литературѣ для обозначенія всеобщихъ союзовъ примѣняется обыкновенно терминъ „унія“ (union). Iellinek отъ простыхъ неорганизованныхъ административныхъ союзовъ (Verwaltungsbündnisse) отличаетъ союзы организованные *Verwaltungsvereine* для преслѣдованія отдѣльныхъ задачъ управленія (S. 158), или уній (Unionen), со своими собственными самостоятельными органами, отъ уній, преслѣдующихъ международныя цѣли, невыполнимыя силами одного государства, онъ отличаетъ уній, защищающія интересы государственные (S. 159), относя къ дослѣдней категоріи герм. тамож. союзъ въ 1867--1871 годы. Еллинекомъ впервые былъ отмѣченъ признакъ организованности, характерный для понятія уній. Напротивъ, Муанье, Деканъ и Рено выдвигали впередъ признакъ всемірности соединенія; первый изъ нихъ говорилъ объ „*unions universelles*“, органы которыхъ имѣютъ не только международное, но и всемірное значеніе и въ этомъ отношеніи отличаются отъ другихъ административныхъ организацій (*créations administratives*), обслуживающихъ лишь ограниченное число государствъ, каковы комиссіи на Дунаѣ и Рейнѣ (р. 7); что Муанье не придавалъ особеннаго значенія признаку организованности, видно изъ того, что онъ въ свою работу помѣстилъ и союзъ для улучшенія участи больныхъ и раненыхъ воиновъ, который никакими международными постоянными органами не располагаетъ. Деканъ также видитъ главную особенность въ томъ, что задача состоитъ въ реализаціи „*d'un progrès intéressant toutes les nations civilisées*“ (р. 702). Рено подъ „*unions*“ понимаетъ договоры, заключенные „*entre un assez grand nombre d'états*“, отличая ихъ отъ конвенцій между 2—3 государствами объ ихъ спеціальныхъ интересахъ; при этомъ онъ добавляетъ, что иногда унія выражается въ существованіи „*des organes communs*“ (р. 15), слѣдовательно не придаетъ рѣшающаго и безусловнаго значенія признаку организаціи. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Левье, видящій характерную особенность „уній“ не столько въ значительномъ числѣ участниковъ, сколько въ допущеніи въ союзъ всякаго желающаго того государства (р. 17), и считающій менѣе абсолютнымъ критеріемъ (*criterium moins absolu*) наличность международнаго бюро уній (р. 18). — Бри указалъ на спеціальнѣе характеръ уній, отличая ихъ (*völkerrechtliche Specialverbindungen*) отъ международнаго общенія въ собственномъ смыслѣ слова (*Völkerrechtsgemeinschaft*); этотъ признакъ включаетъ также въ опредѣленіе уній (*Verwaltungsgemeinschaften*) Листъ, понимающій ихъ какъ длящіяся соединенія группы государствъ, открытыя для другихъ державъ и направленныя „*zur gemeinsamen Förderung abgegrenzter gemeinsamer Interessen*“ (Liszt. *Völkerrecht*. Berlin 1904. 146). Казанскій отмѣтилъ административное содержаніе и всеобщее значеніе уній и отвѣтилъ главное мѣсто среди элементовъ всеобщаго союза признаку организаціи его, въ отличіе отъ всеобщихъ административныхъ соглашеній вообще.—Графъ Комаровскій придаетъ главное значеніе тому, что уній регулируютъ интересы общества въ его цѣломъ и культурномъ значеніи этого слова и безотносительно къ его политической раздробленности на государства“ (Объ основной задачѣ международнаго права въ Отчетѣ

Московского университета за 1897 годъ. Москва 1898. 50.—Только пу:
 темъ комбинаціи всѣхъ этихъ признаковъ можно дать понятіе уніи:
 1) это административный союзъ государствъ, 2) направленный на дости-
 жение социально-культурныхъ интересовъ, 3) ограниченный предѣлами
 известной функціи международнаго управленія, 4) располагающей само-
 стоятельной организаціей и 5) состоящей изъ весьма значительнаго
 числа державъ, имѣющей тенденціей стать всемірнымъ и распростра-
 нить свое дѣйствіе на территоріи всѣхъ вообще государствъ. Это опре-
 дѣленіе даетъ возможность не смѣшивать уніи 1) съ частными союзами
 двухъ—трехъ державъ для преслѣдованія общекультурныхъ цѣлей,
 2) съ мѣстными союзами, вродѣ рѣчныхъ, обусловленныхъ самою при-
 родою объекта, находящагося въ общемъ пользованіи у нѣсколькихъ
 державъ, 3) съ политическими союзами государствъ, 4) съ органами
 выполняющими задачи государственныя, вродѣ хотя бы кассы долга
 въ Египтѣ, наконецъ 5) съ всеобщими административными договорами
 вообще. На одномъ признакѣ всемірности соглашенія совершенно не-
 возможно построить точнаго опредѣленія, а одинъ признакъ организо-
 ванности не даетъ базиса для различенія мѣстныхъ и частныхъ, всеоб-
 щихъ и всемірныхъ соединеній. Въ этомъ отношеніи слишкомъ широ-
 ко понимаетъ терминъ „уніи“ Reinsch, относя къ нимъ „unions for spe-
 cial and local purposes“ (р. 618) самаго разнообразнаго содержанія, какъ
 мѣстные союзы небольшой группы державъ, такъ и органы управленія
 въ нецивилизованныхъ странахъ; онъ не придаетъ значенія ни при-
 знаку организованности, ни признаку всеобщности. Все это результатъ
 теоретической безпринципности. Слѣдуя такому пониманію уніи, можно
 подвести подъ понятіе ея всякій договоръ и всякое соглашеніе между
 государствами, какъ бы ни малъ былъ кругъ участниковъ, каковы бы ни
 преслѣдовались цѣли и каково бы ни было соотношеніе между сою-
 зомъ и его членами. Но терминъ „унія“ имѣетъ техническое значеніе
 и онъ можетъ быть прилагаетъ лишь къ тѣмъ соглашениямъ, рядъ
 которыхъ открылъ собою въ 1864 году договоръ объ организаціи гео-
 дезической уніи“.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить удачное разсмотрѣніе во-
 проса объ административной природѣ всеобщихъ союзовъ
 (стр. 680 и т. д.)

Несомнѣнно новое, важное и убѣдительно составяетъ
 ученіе г. Голубева о томъ, что комиссіи постановляютъ
 свои рѣшенія по большинству голосовъ (стр. XXVI—XXVII,
 674—678). Въ этомъ отношеніи я охотно принимаю ту поправ-
 ку, которую дѣлаетъ проф. Голубевъ къ теоріи, ранѣе защищав-
 шейся мною. Она имъ доказана теоретически и обоснована
 на цѣломъ рядѣ примѣровъ. Формулировать ее, думается, на-
 до слѣдующимъ образомъ. Въ дѣлахъ административнаго ха-
 рактера, не связанныхъ съ наложеніемъ на государство какихъ

либо обязательствъ, комиссіи принимаютъ рѣшенія по большинству голосовъ. Приведу главное относящееся сюда мѣсто (стр. 674—678):

„Возникаетъ вопросъ, можетъ ли современное государство связать свободу своихъ дѣйствій въ будущемъ предоставленіемъ международной комиссіи выполненія административныхъ функцій съ правомъ постановлять обязательныя для всѣхъ союзниковъ рѣшенія по началу большинства голосовъ членовъ комиссіи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный. Государство признавая надъ собою власть международного административнаго учрежденія, дѣйствующаго въ его предѣлахъ, самостоятельнаго отъ него и вырабатывающаго независимую отъ него волю, слѣдовательно учрежденія, стоящаго надъ государственными властями, тѣмъ не менѣе остается государствомъ сувереннымъ. Если въ матеріальномъ отношеніи воля государства ограничивается волею, самостоятельно принятою административнымъ мѣстомъ, то въ формальномъ отношеніи эта воля особаго отъ державъ органа высказывается лишь по яному уполномочію всѣхъ союзниковъ вообще и даннаго государства въ частности. Государство добровольно ограничиваетъ себя въ вопросахъ матеріальнаго и техническаго характера, поручая выполненіе ограниченныхъ и спеціальныхъ задачъ управленія независимому отъ него учрежденію и заранее признавая для себя обязательной волю большинства собранія; въ концѣ концовъ формальное основаніе обязательности рѣшенія комиссіи коренится въ волѣ сувереннаго государства, предоставившаго, въ силу начала самоограниченія, матеріальное формулированіе обязательной для него воли международному органу, отличному отъ его собственныхъ органовъ ¹⁾. Комиссія возникаетъ въ силу международного со-

¹⁾ Точно также матеріально ограничиваетъ волю государства третейское рѣшеніе, формально не нарушающее суверенитета. Только незнакомствомъ съ устройствомъ и дѣятельностью межд. адм. комиссій можно объяснить часто встрѣчающееся и въ литературѣ, и въ протоколахъ межд. съѣздовъ уподобленіе власти адм. комиссій власти третейскаго суда (*rouvoir arbitral*), употребляемое для того, чтобы отличить проявленія этой власти отъ постановленій правотворящей власти; но если послѣдствія третейскаго приговора и адм. рѣшенія одинаковы, то

глашенія, по свободному рѣшенію контрагентовъ. Ея функціи заключаются въ исполненіи установленнаго державами права, изъ предѣловъ котораго она не можетъ выходить; самостоятельно она вѣдаетъ незначительные, маловажные и второстепенные вопросы, нерѣдко ограничиваясь лишь регулированіемъ конкретныхъ случаевъ, констатированіемъ совершившагося факта, опредѣленіемъ количества слѣдуемыхъ къ уплатѣ денегъ и т. п.; при совершеніи этихъ дѣйствій для нея обязательно выполненіе предписанныхъ формальностей и соблюденіе предусмотрѣнныхъ условій. Власть делегирована ей лишь для извѣстныхъ предметовъ, для точно опредѣленныхъ случаевъ и эта делегація всегда можетъ быть взята обратно; коммиссія дѣйствуетъ подъ контролемъ конференціи, которой она подчинена въ служебномъ отношеніи и которая остается высшей и рѣшающей инстанціей по дѣламъ правотворящаго характера и въ вопросахъ ею за собою оставленныхъ въ свое исключительное вѣдѣніе. Коммиссія въ случаѣ возникновенія непредусмотрѣнныхъ въ союзномъ актѣ вопросовъ и дѣлъ можетъ дѣйствовать лишь съ разрѣшенія всѣхъ союзниковъ. Каждое государство не теряетъ возможности такъ или иначе вліять на функціонированіе коммиссіи, имѣя право быть въ ней представленнымъ и право участвовать во всѣхъ ея дѣйствіяхъ: для этого достаточно присутствія въ коммиссіи хотя бы одного делегата отъ даннаго государства. Подчиняясь рѣшеніямъ коммиссіи, свободно дѣйствующей въ сферѣ своей компетенціи и не представляющей своихъ заключеній на одобреніе и ратификацію державъ, государство тѣмъ не мѣше сохраняетъ свой суверенитетъ, оставаясь единственно дѣеспособнымъ въ вопросахъ правотворящаго и высшаго правительственнаго характера которые оно резервируетъ за собой, не давая возможности рѣшать эти вопросы вопреки его волѣ; эти вопросы рѣшаются конференціей, постановленія которой идутъ на утвержденіе державъ и могутъ быть опротестованы со стороны каждаго изъ участниковъ соглашенія; на конференціи воля большинства не можетъ принудить юридическимъ путемъ несогласное государство подчиниться

полномочія, задача и роль суда и адм. мѣста совершенно различны; по этому смѣшеніе суд. власти съ адм. властью было бы принципиально ошибочно и повело бы къ невѣрнымъ заключеніямъ,

общему рѣшенію. Рѣшеніе комиссіей предоставленныхъ ей дѣлъ административнаго характера по началу большинства голосовъ есть естественный для международного административнаго учрежденія способъ постановленія рѣшеній. Въ случаѣ неполнаго представительства это представляется вполне логичнымъ, такъ какъ здѣсь исчезаетъ самая необходимость требовать единогласія, умѣстная развѣ лишь при полномъ представительствѣ: даже единогласіе всѣхъ членовъ подобной комиссіи не можетъ всегда и безусловно выразить правдиво и вѣрно реальнаго настроенія всѣхъ заинтересованныхъ державъ. При началѣ полнаго представительства это предоставленіе комиссіи свободнаго установленія своей собственной воли не есть точно также что-либо ненормальное, такъ какъ извѣстная доля свободнаго усмотрѣнія должна быть предоставлена даже низшему административному органу, иначе немислимо никакое дѣйствование въ предѣлахъ установленныхъ нормъ и невозможно осуществленіе на дѣлѣ административныхъ мѣръ. Воля комиссіи вырабатывается, юридически говоря, помимо воздѣйствія державъ и она становится волей обязательной для данной державы, независимо отъ того, принималъ или нѣтъ представитель этой державы участіе въ ея образованіи, присутствовалъ ли онъ на засѣданіи или нѣтъ, голосовалъ ли онъ за или противъ даннаго рѣшенія“.

Соображенія г. Голубева окончательно выясняютъ вопросъ. Не имѣя возможности подробно остановиться на другихъ, быть можетъ, столь же важныхъ и интересныхъ вопросахъ, разсмотрѣнныхъ г. Голубевымъ, отмѣтимъ все же ихъ, хотя бы въ краткомъ перечнѣ.

Нельзя не присоединиться къ тѣмъ соображеніямъ, которыя высказываются г. Голубевымъ относительно нежелательности порученія международнымъ комиссіямъ функціи правообразованія (стр. 401—403),

Заслуживаетъ вниманія ученіе автора относительно достоинствъ и недостатковъ полнаго и неполнаго представительства въ комиссіяхъ (стр. 673—674).

Хорошо разсмотрѣнъ вопросъ о сравнительномъ значеніи государства и особой комиссіи въ качествѣ надзирающаго органа (стр. 670—672).

Интересны соображенія автора относительно формы международныхъ административныхъ актовъ (стр. XXVIII).

Недурны замѣчанія относительно „взаимодѣйствія между международной политикой и международной администраціей, а также относительно значенія хозяйственныхъ интересовъ въ международной жизни (стр. 469 и др.). Экономическіе споры,—говоритъ между прочимъ г. Голубевъ,—главный предметъ разбирательства въ международномъ третейскомъ судѣ, экономическія задачи преслѣдуются международными органами (стр. XXXI).

Хорошо, наконецъ, оцѣнена роль дипломатическаго и консульскаго корпуса на востокѣ (стр. 509 и др.) и охарактеризована эгоистическая международная политика разныхъ государствъ, особенно Англій. Въ общемъ, повторяю, книга г. Голубева даетъ немало цѣннаго для общей теоріи права народовъ. Въ то же время немало можно сдѣлать и возраженій по поводу разныхъ ученій автора.

XI

Отмѣчу сначала вкратцѣ разные спорные пункты, а затемъ остановлюсь спеціально на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ теорій автора.

Можно ли утверждать, что договоры государствъ „ни въ чемъ не ограничиваютъ принудительнаго верховнаго властвованія государствъ въ предѣлахъ ихъ территорій (стр. XVIII)? Вѣдь, вся суть договоровъ состоитъ въ ограниченіи самостоятельности государствъ. Начало международного общенія вырастаетъ именно изъ договоровъ.

Опредѣленіе понятія международного управленія въ смыслѣ международной администраціи врядъ ли можно считать удачнымъ. Проф. Голубевъ говоритъ (стр. 702): „Понимаемое въ этомъ узкомъ и спеціальномъ смыслѣ международное управленіе можно опредѣлить какъ совмѣстное осуществленіе государствами всѣхъ цѣлей, какія ставятся международнымъ общеніемъ, кромѣ изданія нормъ и отправленія правосудія“. Но подъ это опредѣленіе подходитъ и политическая дѣятельность государствъ, къ администраціи, обыкновенно, не относимая.

На стр. 703 г. Голубевъ пишетъ: „цѣлью правосудія является охрана порядка, а средствомъ для этого служитъ под-

веденіе правонарушеній подь общія нормы и выводъ отсю-
да юридическихъ послѣдствій“. Это утвержденіе ошибочно,
такъ какъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ гражданское
правосудіе, цѣль котораго разрѣшеніе споровъ о правѣ, а не
преслѣдованіе правонарушителей.

На страницѣ LXII мы читаемъ, что въ международ-
ныхъ третейскихъ судахъ „въ матеріальномъ отношеніи дѣ-
ло идетъ объ интересахъ частныхъ лицъ“. Съ этимъ положе-
ніемъ опять таки нельзя согласиться. Для охраны правъ
частныхъ лицъ имѣется другой видъ процесса: процессъ
гражданскій и процессъ уголовный. Международный же тре-
тейскій судъ разрѣшаетъ споры между государствами, хотя,
конечно, подобныя споры могутъ быть вызваны отказомъ со
стороны государства въ правосудіи и въ достаточной охра-
нѣ иностранцамъ.

Совершенно невѣрно, далѣе, г. Голубевъ называетъ ней-
трализацію рѣкъ, каналовъ и т. п. вѣчной (стр. XI). Извѣстенъ
только вѣчный нейтралитетъ государствъ. Нейтралитетъ
же указанныхъ путей сообщенія устанавливается всегда на
время дѣйствія договоровъ, создавшихъ свободу междуна-
роднаго передвиженія по нимъ, а не на вѣки.

Невѣрно и то, будто третейскій судъ въ началѣ XIX
ст. былъ однимъ изъ средствъ замираній въ Америкѣ, Азии
и Африкѣ, и лишь въ концѣ столѣтія сталъ прививаться въ
Европѣ (стр. XXIX). На чемъ основывается это утвер-
жденіе, рѣшительно нельзя даже догадаться.

Невѣрно, будто центральный органъ на международ-
ныхъ рѣкахъ рѣшаетъ споры союзниковъ (стр. 549), или
будто порученіе комиссіи составленія регламентовъ дается
всякій разъ особымъ постановленіемъ союзниковъ (стр. 558).
Самъ г. Голубевъ приводитъ не одинъ примѣръ того, что со-
ставленіе регламентовъ всходитъ въ обычныя обязанности
комиссій. Таково большинство рѣчныхъ комиссій.

На стр. 389 г. Голубевъ пишетъ: „Если долговыя обя-
зательства находятся у мѣстныхъ подданныхъ, то государ-
ство можетъ измѣнить односторонне условія займа путемъ
изданія соотвѣтственнаго закона и подданный долженъ по-
виноваться новому порядку ликвидаціи займа, если только
этотъ порядокъ установленъ законнымъ образомъ и въ долж-

ной формѣ. Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ находится государство-должникъ по отношенію къ кредиторамъ иностранцамъ: эти отношенія опредѣляются лишь договоромъ, въ который вступили при заключеніи займа обѣ стороны, и иностранные подданные, не связанные узами подданства съ своимъ должникомъ, могутъ отказаться признать измѣненія въ условіяхъ займа, сдѣланныя безъ ихъ согласія. Откуда взято, что къ кредиторамъ иностранцамъ государство стоитъ въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ къ своимъ подданнымъ, совершенно не понятно. Въ области отношеній частнаго права государство въ принципѣ стоитъ совершенно въ тѣхъ же отношеніяхъ какъ къ своимъ подданнымъ, такъ и къ иностранцамъ; не даромъ же послѣдніе называются нерѣдко *subditi temporarii*.

Врядъ ли возможно также согласиться съ утвержденіемъ проф. Голубева, что теперь, благодаря проф. Декану, внесень въ теорію нейтралитета элементъ положительный и активный. Современное право войны возлагаетъ на нейтральныя государства нѣкоторыя положительныя обязанности, но эти обязанности для понятія нейтралитета не существенны. Лучшее доказательство въ томъ, что нарушеніе этихъ обязанностей нарушеніемъ нейтралитета не является.

Вызываетъ недоумѣніе утвержденіе г. Голубева, что, благодаря „матеріальной“ дѣятельности государствъ, увеличивается число „культурныхъ“ соединеній между ними (с. VII). Что собственно означаетъ въ этомъ предложеніи выраженіе „матеріальная“ дѣятельность государствъ? Противоплагается ли она „формальной? И почему она вызываетъ непременно культурныя соединенія.

Въ заключеніе остановлюсь на нѣкоторыхъ основныхъ взглядахъ автора, а именно на вопросахъ о договорѣ, какъ источникѣ международнаго права, о частномъ лицѣ, какъ субъектѣ международнаго права, о международномъ союзѣ и о постановкѣ рѣшеній на международныхъ конференціяхъ по большинству голосовъ.

XII

Проф. Голубевъ различаетъ международный договоръ, являющійся источникомъ международнаго права, и между-

народную сдѣлку, устанавливающую лишь субъективныя права заключившихъ ее государствъ. Вотъ что онъ пишетъ по этому вопросу (стр. XII):

„Понятіе соглашенія (Vereinbarung) разработано въ нѣмецкой литературѣ, соглашенію противопоставляютъ сдѣлку (Vertrag)“.

„При заключеніи сдѣлки, хотя воля обоихъ контрагентовъ и направлена на осуществленіе одной и той же внѣшней цѣли, однако воля одного изъ нихъ по своему содержанию отлична отъ воли другого, даже противоположна ей. Сдѣлка покоится на компромиссѣ, на взаимной уступкѣ, на примиреніи противоположныхъ интересовъ, она знаменуетъ собою завершеніе борьбы интересовъ двухъ сторонъ, она создаетъ субъективныя права и не имѣетъ правотворящаго значенія“.

„Напротивъ соглашеніе есть изъявленіе воли двухъ или нѣсколькихъ государствъ съ тождественнымъ, одинаковымъ содержаниемъ, направленное на удовлетвореніе не взаимно уничтожающихъ интересовъ, а наоборотъ интересовъ совпадающихъ. Каждый контрагентъ обязывается къ совершенію такихъ же точно дѣйствій, какъ и другой его сотоварищъ, каждый изъ участниковъ соглашенія желаетъ того же самого результата, какъ и всѣ остальные контрагенты. Въ соглашеніи регулируются общіе интересы, устанавливаются извѣстныя правила поведенія для цѣлаго ряда случаевъ, извѣстный *modus vivendi* на будущее время, иначе говоря, объективный порядокъ и постоянныя правовыя нормы. Соглашеніе мы находимъ всюду, гдѣ государство или оказывается или считаетъ себя неспособнымъ достигъ намѣченную имъ цѣль изолированно и обособленно отъ другихъ государствъ“.

Это различіе между соглашеніемъ и сдѣлкой не выдерживаетъ, однако, критики. На дѣлѣ соглашенія основываются не только на тождественныхъ интересахъ сторонъ, но и на различныхъ и даже на примиреніи противоположныхъ интересовъ. Это можно констатировать на множествѣ такихъ международныхъ актовъ, которые всѣми, и въ томъ числѣ г. Голубевымъ, единогласно, считаются именно соглашеніями, или договорами. Въ связи съ этимъ при заключеніи дого-

вора воля одного изъ договаривающихся можетъ быть по своему содержанию отлична отъ воли другаго, даже противоду государствами А. и Б., государство А. желаетъ обезпечить свои почтовые интересы, государство Б. свои, а эти интересы могутъ быть и всегда на дѣлѣ бываютъ различными въ зависимости отъ хозяйственнаго, политическаго, культурнаго и т. д. состоянія каждаго изъ государствъ. При заключеніи же торговыхъ договоровъ интересы договаривающихся могутъ быть даже противоположными. Противоположными, значить, являются и стремленія, и воля договаривающихся сторонъ. Если же, тѣмъ не менѣе, договоры все таки заключаются, въ основаніи ихъ лежатъ взаимныя уступки, компромиссъ между сторонами. Наконецъ, какъ могутъ быть различны интересы договаривающихся, такъ могутъ быть различны и обязанности, налагаемыя на разныхъ контрагентовъ соглашеніемъ. Каждый торговый договоръ представляетъ намъ доказательство этого. Подавляющее большинство договоровъ покоются именно на примиренныхъ интересахъ. Если бы выкинуть ихъ изъ международнаго права, отъ него почти ничего не осталось бы.

Нельзя установить различіе между сдѣлкой и договоромъ и на томъ признакѣ, что соглашеніе создаетъ правила поведенія для цѣлаго ряда случаевъ, а сдѣлка предусматриваетъ одинъ какой либо случай. Въ дѣйствительности можетъ быть и такъ, и иначе. Какъ законъ государства, такъ и междугосударственный договоръ могутъ имѣть въ виду не только цѣлые ряды случаевъ, но и отдѣльный какой нибудь случай. Примѣровъ нѣтъ основанія приводить. Кромѣ того, почему непременно междугосударственный актъ, имѣющій въ своемъ основаніи тождественные интересы государствъ, долженъ регулировать цѣлый рядъ случаевъ, а покоющійся на интересахъ примиренныхъ только одинъ случай? И какая можетъ быть связь между тождественными или примиренными интересами, на которыхъ основывается междугосударственный актъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, имѣетъ онъ лишь обязательственное значеніе, или является также и правообразующимъ? Всѣ утвержденія г. Голубева

по этимъ вопросамъ недостаточно согласованы не только съ фактами дѣйствительности, но и между собой.

Понятіе общаго дѣйствія (Gesammtact), спору нѣтъ, весьма полезно для теоріи права, но считать, что международный договоръ именно и есть Gesammtact—никакъ нельзя. Словомъ, попытку г. Голубева установить различіе между сдѣлкой и соглашеніемъ врядъ ли можно считать удачной. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы согласились со всѣми утверженіями его, все же осталось бы невыясненнымъ, что же такое представляетъ собой международная сдѣлка? Международный договоръ есть институтъ международного публичнаго права, ну а международная сдѣлка? Отвѣта нѣтъ.

Все это не значитъ однако того, что мы должны отбросить понятія о междугосударственной сдѣлкѣ, какъ вовсе не нужное. Каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ международнымъ правомъ, ясно, что имѣются два основныхъ рода междугосударственныхъ актовъ, но различіе между ними можно поставить въ связь лишь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что государство въ международныхъ отношеніяхъ есть не только публичноправовое, но и частноправовое лицо, имѣетъ не только публичныя, но и частныя права. Здѣсь и надо искать отвѣта на вопросъ о томъ, что такое сдѣлка и что такое договоръ, или соглашеніе.

Если подъ соглашеніемъ, какъ уже объяснено, понимать международный договоръ, то различіе между сдѣлкой и соглашеніемъ въ томъ, то первая установленіе гражданскаго права, второе публичнаго со всѣми послѣдствіями сего. Сдѣлка имѣетъ въ виду гражданскіе интересы, договоръ — публичные. Сдѣлка устанавливаетъ субъективныя права договаривающихся лицъ, т. е., государствъ. Договоръ устанавливаетъ объективный порядокъ, изъ котораго могутъ родиться субъективныя права всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя являются дѣятелями международной жизни. Международный договоръ творитъ право для тѣхъ лицъ, которыя подчинены государствамъ, его подписавшимъ. Продажа Россіей ружей Бердана Абиссиніи имѣла въ своемъ основаніи сдѣлку этихъ двухъ государствъ. Почтовыя сношенія между разными государствами покоются на договорѣ. Словомъ, договоръ есть особое установленіе международного права;

онъ занимаетъ то мѣсто въ немъ, какое законъ занимаетъ въ правѣ національномъ, а сдѣлка имѣетъ то же самое значеніе въ международномъ, какъ обязательство въ національномъ гражданскомъ правѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что г. Голубевъ употребляетъ выраженія договоръ и сдѣлка далеко не всегда въ тѣхъ значеніяхъ, которыя онъ имъ самъ приписываетъ. Это немало подрываетъ его ученіе. Особенно часто называетъ онъ международные договоры сдѣлками. На стр. 467 выраженіе „сдѣлка“ употреблено въ примѣненіи къ соглашенію Турціи и великихъ державъ относительно финансоваго контроля надъ тремя европейскими вилайетами Турціи. На стр. 549 выраженіе „сдѣлки, основанныя на взаимныхъ уступкахъ“, примѣнено къ договорамъ, регулирующимъ международное рѣчное судоходство и т. д.

XIII.

Въ связи съ ученіемъ о международномъ договорѣ и о международной сдѣлкѣ стоитъ ученіе проф. Гулубева относительно субъектовъ международного права. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

„Въ международномъ правѣ правовыя нормы связываютъ лишь несоподчиненные субъекты, т. е. независимыя другъ отъ друга политическія тѣла, являющіяся субъектами установленныхъ ими правъ“ (стр. LX).

„Договоръ между государствами всегда обращается къ отдѣльнымъ государствамъ, вступившимъ въ соглашеніе, но никогда не къ отдѣльнымъ лицамъ“ (стр. LXI).

„Однимъ словомъ иныхъ субъектовъ права, кромѣ государствъ, въ международныхъ отношеніяхъ не существуетъ, субъектомъ права не является общество, какъ мы это видѣли. Не являются субъектами права въ области международныхъ соціальныхъ отношеній и отдѣльныя частныя лица, и соединенія частныхъ лицъ, вродѣ союзовъ, обществъ и компаній“ (стр. LX).

„Отдѣльные же индивиды, какъ таковые, могутъ быть лишь объектами права въ сферѣ международныхъ отношеній“ (стр. LX).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ проф. Голубевъ ссылается на проф. Цитовича и на проф. Шалланда и только. Относительно же противоположныхъ взглядовъ Кауфмана ограничивается однимъ замѣчаніемъ (стр. LXI)!

Разбирать вопросъ о субъектахъ международнаго права я не буду. Это завело бы меня слишкомъ далеко. Замѣчу только, что лучшимъ опроверженіемъ воззрѣній г. Голубева по данному вопросу является именно его настоящая диссертация. Дѣйствительно, во множествѣ случаевъ г. Голубевъ приводитъ въ ней примѣры предоставленія международными договорами правъ органамъ и подданнымъ государствъ; таковы договоры о рѣчномъ судоходствѣ, объ управленіи иностранными поселеніями на востокѣ, договоры о рыболовствѣ, для борьбы съ рабствомъ и т. д., и т. д.

Желая выпутаться изъ этого противорѣчія, г. Голубевъ предлагаетъ намъ слѣдующее довольно запутанное разсужденіе. Разсмотримъ его подробно.

„Международная охрана права все болѣе и болѣе превращается въ охрану правъ человѣка по всей землѣ“ (стр. LXI).

Что такое понимаетъ онъ подъ, „международной охраной правъ“, — не поясняется. Эта международная охрана права, оказывается, превращается въ охрану правъ человѣка по всей землѣ. Смыслъ послѣдняго утвержденія можетъ быть только одинъ: международное право все болѣе и болѣе охраняетъ права человѣка по всей землѣ. Какъ будто, полное отрицаніе того, что человѣкъ какъ таковой, можетъ быть лишь объектомъ права въ международныхъ отношеніяхъ, но согласиться съ этимъ безъ оговорокъ г. Голубевъ никакъ не можетъ.

„Однако“, говоритъ онъ, „въ юридическомъ отношеніи частныя лица въ международной сферѣ зависятъ отъ тѣхъ государственныхъ властей, въ вѣдѣніе которыхъ входятъ тѣ отношенія, которыя они завязываютъ; черезъ посредство этихъ властей отдѣльные лица получаютъ возможность пользоваться извѣстными правами“ (стр. LXI). Чуть не каждое слово вызываетъ здѣсь вопросы.

Что это за государственныя власти, дѣйствующія въ международной сферѣ? Какія отношенія входятъ въ ихъ вѣдѣніе?

Какимъ образомъ черезъ ихъ посредство (?) отдѣльные лица получаютъ возможность пользоваться извѣстными (?) правами? Въ особенности же, что такое обозначаетъ собою выраженіе „пользоваться правами“? Вѣдь быть субъектомъ правъ значитъ не только имѣть возможность пользоваться извѣстными правами. Надо ли думать, что дѣеспособность отдѣльныхъ лицъ, а равно остальныхъ основныхъ права, кромѣ права пользованія (*ius utendi*), входящія въ правоспособность, находятся уже внѣ вѣдѣнія государственныхъ властей и частныя лица для обладанія ими не нуждаются въ посредствѣ сихъ властей. Наконецъ, и это главное, почему первое предложеніе противопоставляется второму при помощи союза: „однако“? Развѣ то обстоятельство, что государственный власти даютъ возможность отдѣльнымъ лицамъ пользоваться извѣстными правами, можетъ уничтожить силу перваго утвержденія, признавашаго международную охрану человѣка? Прочтемъ, однако, еще нѣсколько непосредственно слѣдующихъ строкъ:

„Государственный власти остаются связанными лишь наличностью нормъ, а также постоянныхъ третейскихъ судовъ и административныхъ комиссій, но и эти органы дѣйствуютъ въ силу сообщаемыхъ же государствами установленныхъ нормъ и, если и дѣйствуютъ самостоятельно, то не могутъ переступать указанныхъ имъ границъ“ (стр. LXI).

Изъ этого предложенія мы, какъ будто, почерпаемъ увѣренность, что субъектами международного права являются не только государства, но и государственный власти. Дѣйствительно, въ другихъ мѣстахъ г. Голубевъ говоритъ, напр., что договоры иногда сами указываютъ, какіе органы должны ихъ примѣнять (стр. XXIV), что въ международныхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ не только право, но и органы отдѣльныхъ государствъ и т. д. (стр. LXI).

Но самое главное это то, что въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Голубевъ идетъ на уступки и по отношенію къ вопросу объ отдѣльныхъ лицахъ, какъ субъектахъ международного права. Онъ даже прямо утверждаетъ, что субъектами международного права, но только посредственными, могутъ быть и частныя лица. „Общія юридическія нормы обязательны непосредственно для отдѣльныхъ государствъ и посредственно для ихъ органовъ и поданныхъ“ (стр. 702).

Изъ послѣдняго положенія вытекаетъ съ одной стороны, что отдѣльныя лица являются и для г. Голубева субъектами права, а съ другой — что для нихъ и для органовъ государствъ международное право дѣйствуетъ лишь посредственно. Что означаетъ это послѣднее выраженіе авторъ въ точности не говоритъ, но смыслъ его выясняется повидимому, въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Признавая вполнѣ, что нормы международного административнаго права не дѣйствуютъ непосредственно по отношенію къ частнымъ лицамъ и что, напр., постановленія почтоваго союза получаютъ силу по отношенію къ отдѣльнымъ гражданамъ, только благодаря введенію ихъ въ составъ почтоваго законодательства“ и т. д. (стр. 726).

Однако, если понять эту оговорку въ томъ смыслѣ, что международный договоръ, обращающійся со своими статьями къ частнымъ лицамъ, для своего дѣйствія долженъ превратиться въ договорныхъ странахъ въ законъ, то опроверженіемъ настоящаго ученія является опять таки сама книга г. Голубева, цитирующая такое множество договоровъ. Любопытно было бы знать, сколько именно изъ этихъ международныхъ договоровъ приняло форму законовъ? Отвѣтъ долженъ быть только одинъ: случаи этого рода представляютъ очень рѣдкое исключеніе.

Заклченіе изъ всего сказаннаго можетъ быть только таково: ученіе, которое начинается съ утвержденія, что отдѣльное лицо является въ международныхъ отношеніяхъ объектомъ права и кончается признаніемъ его субъектомъ права, хотя и съ разными оговорками, врядъ ли можно считать удачнымъ. Врядъ ли было основаніе вводить его въ изслѣдованіе, посвященное совершенно другому вопросу, вопросу о международныхъ административныхъ комиссіяхъ. Къ украшенію работы оно отнюдь не служитъ.

XIV.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ изслѣдованія является также явное преувеличеніе значенія и искаженіе юридической природы такъ называемаго международного общенія или союза, которому приписывается личность, воля

и способность къ дѣйствованію. Иногда вмѣсто междуна-
роднаго союза фигурируетъ Европа. Вотъ что пишетъ авторъ:
„Въ совѣтахъ Китая, Марокко и другихъ странъ Европа вы-
ступаетъ какъ единое цѣлое для дѣйствованія взаимнѣ тер-
риторіальныхъ властей и при томъ не какъ совокупность
правительствъ, а какъ союзъ различныхъ европейскихъ на-
родностей“ (стр. 446). „Въ этихъ учрежденіяхъ вырабаты-
вается воля Европы, понимаемой не въ видѣ географической
единицы, а какъ единое культурное и правовое цѣлое“
(стр. 2). „Несмотря на антагонизмъ политическихъ интере-
совъ великихъ державъ, Европа подъ ихъ водительствомъ
выступаетъ въ нецивилизованныхъ странахъ какъ единое
цѣлое“ (стр. 498). „Несмотря на несходство политическихъ
интересовъ наиболѣе могущественныхъ державъ, всѣ евро-
пейскія государства проводятъ соединенными силами общія
и тождественныя мѣропріятія“ (стр. 498).

„Благодаря этому, развивается идея о солидарности ин-
тересовъ и о единствѣ дѣйствій, другими словами идея о
международномъ союзѣ европейскихъ державъ. По отношенію
къ мѣстной державѣ этотъ союзъ является организаціей
высшаго порядка и если юридически соглашеніе этого союза
съ нею есть добровольный договоръ двухъ равноправныхъ
контрагентовъ, то фактически оно налагается до извѣстной
степени принудительно на некультурную державу“ (стр. 499).

„Создаваемые вмѣшательствомъ институты являются въ кон-
цѣ концовъ проявленіемъ властвованія международнаго со-
юза надъ отдѣльною страной и ограниченіемъ ея суверени-
тета въ пользу международнаго общенія“ (стр. 500).

Въ другомъ мѣстѣ г. Голубевъ идетъ еще дальше и
находитъ, что все вообще „международное право есть про-
дуктъ воли международнаго союза“ (стр. XXXVI).

Въ связи съ этими теоріями можно поставить также
утвержденія г. Голубева, что въ XIX вѣкѣ сказывается го-
сподство идеи о братствѣ культурныхъ народовъ всего міра
(стр. XI) и проч.

Всѣ эти, такъ называемыя, возвышенныя теоріи совер-
шенно не вяжутся съ остальнымъ строго положительнымъ
содержаніемъ книги и съ тѣмъ трезвымъ и реальнымъ по-
ниманіемъ самыхъ основъ международной политики и меж-

дународнаго права, которое мы нерѣдко находимъ въ ней. Онѣ кажутся крупной нелогичностью въ устахъ автора, который отлично знаетъ, что на востокѣ дѣйствуетъ отнюдь не Европа, а отдѣльныя государства, изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ свои интересы и часто враждуетъ со всеми остальными. Хорошо извѣстно г. Голубеву и то, что договоры заключаются вовсе не международнымъ союзомъ, а отдѣльными государствами другъ съ другомъ. Споры нѣтъ, всѣ эти громкія утвержденія употребляются въ наукѣ международного права, и трудно удержаться отъ того, чтобы не отдать дань, такъ называемому, „идеалистическому“ направленію. Но, если ужъ повторять ихъ, слѣдуетъ точно выяснить то значеніе, которое имъ придается съ точки зрѣнія положительнаго направленія въ наукѣ международного права. Они могутъ имѣть значеніе отнюдь не юридическихъ обобщеній, въ которыхъ формулировалось бы содержаніе правилъ и установленій дѣйствующаго права, а обобщеній такъ сказать фактическаго, философско-историческаго, или политическаго характера, въ которыхъ нашли бы себѣ выраженіе нѣкоторыя политическія и соціальныя стремленія нашего времени, нѣкоторыя вождедѣнія, притомъ весьма спорныя, относительно будущаго.

Наконецъ, также въ связи съ вышеизложенными воззрѣніями автора стоитъ ученіе его о томъ, что международныя административныя комиссіи стоятъ надъ государствами и ихъ органами. Онъ именно пишетъ:

„Не всегда замѣчаютъ, какъ будто, международное значеніе исполнительныхъ органовъ и ихъ характеръ самостоятельныхъ организацій, стоящихъ надъ органами активной внѣшней администраціи отдѣльныхъ государствъ, т. е. надъ послами, консулами и комиссарами“ (стр. ХХХІІІ). „Воля особаго международного органа должна разсматриваться, какъ обязательная воля учрежденія, стоящаго надъ тѣми государствами, которыхъ отношенія она регулируетъ“ (стр. ХХІІІ).

Ни въ книгѣ проф. Голубева, нигдѣ вообще нѣтъ никакихъ данныхъ положительнаго права, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать нѣчто подобное. Правда, международныя комиссіи имѣютъ право окончательно рѣшать нѣкоторые вопросы, но право это поставлено всегда въ

очень узкія границы и относится къ области чисто исполнительной администраціи, во всякомъ случаѣ нѣтъ ни одного случая, когда международнымъ комиссіямъ предоставлялось бы право повелѣвать государствамъ. А вѣдь только въ такомъ случаѣ можно было бы говорить, что комиссіи стоятъ надъ государствами и ихъ органами. Всѣ эти искаженія дѣйствительно существующихъ отношеній нельзя не признать крупными недостатками работы.

XV

Наконецъ, остановимся на возраженіяхъ автора противъ допустимости рѣшенія вопросовъ на международныхъ конференціяхъ по большинству голосовъ. Существующее положеніе дѣла изображено имъ невѣрно, или, по крайней мѣрѣ недостаточно полно. Онъ пишетъ:

„Разсмотрѣніе практики современныхъ правотворящихъ съѣздовъ въ уніяхъ показываетъ, что большинство голосовъ допускается по общему правилу при рѣшеніи вопросовъ внутренней организаціи собранія, или научныхъ вопросовъ, или при подачѣ совѣтовъ правительствамъ и только; кромѣ того въ видѣ исключенія допускается принципъ большинства при толкованіи основнаго акта уніи, при рѣшеніи неважныхъ второстепенныхъ дѣлъ технического характера, не имѣющихъ не только правотворящаго, но и юридическаго характера, да и то въ послѣднемъ случаѣ лишь при условіи отсутствія протеста того или другаго государства въ теченіе извѣстнаго срока; такимъ образомъ въ сущности здѣсь рѣшеніе большинства предоставляется на свободное утвержденіе участниковъ и не имѣетъ само по себѣ обязательной силы; такъ обстоятъ дѣла въ почтовой уніи“. „Но здѣсь участники конференціи или даже всѣ союзники въ видѣ неорганизованнаго цѣлаго выполняютъ функціи или административныя, или до извѣстной степени судебныя и дѣйствуютъ, слѣдовательно, взамѣнъ административной комиссіи или третейскаго суда, но не составляютъ конференцію въ точномъ смыслѣ слова“ (XXIII).

Въ дѣйствительности международные конгрессы и конференціи административнаго характера принимаютъ обыкновенно всѣ свои постановленія по большинству голосовъ присутствующихъ государствъ съ правомъ veto для каждаго изъ нихъ. Право veto не предоставляется только въ двухъ случаяхъ: по вопросамъ устройства самаго собранія и отношенія собранія къ другимъ союзнымъ органамъ. Теорети-

ческія возраженія автора противъ этой практики также не выдерживаютъ критики. У него мы читаемъ:

„Поэтому учитывать эти исключенія изъ общаго правила при построеніи теоретическаго опредѣленія конференціи невозможно, тѣмъ болѣе распространять ихъ на практику политическихъ и вообще правотворящихъ конференцій. Если же допустить постановленіе рѣшеній по большинству голосовъ, но оставить право veto и право ратификаціи за каждымъ участникомъ конференціи, то это практически не достигаетъ цѣли, такъ какъ государство и при этомъ способъ рѣшенія останется высшей рѣшающей инстанціей; кромѣ того это было бы неправильно въ теоретическомъ отношеніи, такъ какъ устройство и дѣлопроизводство конференцій діаметрально противоположны строю, составу, объему власти и способамъ дѣятельности административныхъ и третейскихъ комиссій, которыя выражаютъ свою собственную самостоятельную волю и составляютъ нѣчто цѣлое и единое“ (стр. XXIV).

„Въ томъ то и заключается все формальное отличіе конференцій отъ исполнительныхъ органовъ международнаго общенія, что на нихъ вырабатывается общая воля въ смыслѣ воли всѣхъ обязанныхъ, тогда какъ въ органахъ второго рода—самостоятельная общая воля членовъ извѣстной коллегіи“ (Стр. XXVI).

На это можно возразить многое. То обстоятельство, что при примѣненіи права veto рѣшающей инстанціей остаются государства, говоритъ въ пользу, а не противъ подобной практики. Рѣшеніе по большинству голосовъ при правѣ veto составляетъ въ то же самое время значительное облегченіе дѣятельности конференцій. Наконецъ, примѣненіе рѣшеній по большинству голосовъ,—конечно государствъ, а не ихъ делегатовъ, вовсе не означаетъ, что рѣшающее значеніе получаетъ воля членовъ коллегіи. Рѣшающее значеніе остается за государствами.

Въ заключеніе нашего отзыва слѣдуетъ остановиться на языкѣ работы.

XVI.

Диссертація написана, въ общемъ, хорошимъ русскимъ языкомъ, а не тѣмъ жалкимъ претенціознымъ ученымъ воляпюкомъ, которымъ пишутъ нѣкоторыя современныя quasi свѣтила правовѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи нельзя не сдѣлать весьма серьезныхъ упрековъ г. Голубеву.

Всего болѣе, конечно, приходится сожалѣть о тѣхъ случаяхъ, когда неправиленъ юридическій языкъ, когда непра-

вильнымъ является употребленіе юридическихъ терминовъ, Величайшая точность и послѣдовательность въ употребленіи установившагося юридического словоупотребленія является первымъ условіемъ успѣшности всякаго изслѣдованія. Между тѣмъ, что видимъ мы у г. Голубева?

Съ одной стороны, онъ составляетъ иногда новыя мало понятныя выраженія. Какой смыслъ имѣютъ, напр., выраженія „актъ государственнаго уполномочія“, или „государственный приказъ“, каковыя мы находимъ на стр. LXI? Не являются ли они въ данномъ случаѣ просто синонимами закона? Но въ такомъ случаѣ почему же просто не употребить этого послѣдняго выраженія? Что такое означаетъ въ устахъ автора „международная охрана права“ (стр. LXI, LIX), неудачное выраженіе, употребленное впервые Коркуновымъ? У проф. Кордунова оно стояло въ связи съ его общей теоріей международного права, а у проф. Голубева?

Съ другой стороны, авторъ нерѣдко употребляетъ общепринятыя термины совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ слѣдуетъ. Можно ли, напр., говорить, что союзъ былъ построенъ по типу конференціи (стр. 568)? Союзъ есть организованное соединеніе государствъ, а конференція одинъ изъ органовъ международного публичнаго права. Какимъ же образомъ союзъ можетъ быть организованъ по типу конференціи? Можно ли говорить, что отдѣльныя лица подвѣдомственны государству (стр. LX)? Государство не вѣдомство, а политическій союзъ. Лица могутъ состоять въ подданствѣ государства, но никакъ не въ вѣдомствѣ его. Можно ли говорить о субъектахъ въ международныхъ отношеніяхъ? Всѣмъ извѣстно, что имѣются субъекты права, но что такое субъекты въ отношеніяхъ? Встрѣчаются, также, смѣшенія понятій: правительство и государство (стр. LIX), международное право и международныя сношенія и т. д.

Имѣется, далѣе, и злоупотребленіе иностранными словами: дирекція дороги вмѣсто управленіе, кондиціи вмѣсто условія (стр. 155), превентивныя мѣры вмѣсто предупредительныя мѣры, транспортъ вмѣсто провозъ (с. IX) и т. д. Всѣ эти: компенсировать, трансформировать (с. VII), формировать (с. IX), утилизировать (с. IX) и т. д. можно было бы

съ успѣхомъ замѣнить русскими словами, что, послужило бы только къ облегченію чтенія книги.

Нерѣдки и цѣлыя фразы, очень неудачно построенныя, напр.: „Международное право не есть какъ ни внѣшнее предписаніе государству чужой ему воли, такъ и ни одно-стороннее предписаніе государствомъ себѣ самому извѣстныхъ правилъ поведенія“ (стр. XVI). Или „истинно международными органами не могутъ быть признаваемы только тѣ органы, которые построены по типу конференцій, каковы напр. смѣшанныя тарифныя комиссіи; есть мѣстные органы международного союза, надѣленные административными полномочіями и построенные по иному типу“ (стр. 134). Или „Этотъ комплексъ нормъ является такимъ образомъ прежде всего внѣшнимъ управленіемъ государства, нежели международной администраціей въ собственномъ смыслѣ слова“ (с. 714). И т. д.

Встрѣчаются, наконецъ, и опечатки, нарушающія смыслъ, напр., въ одно слово „отправительствъ“ (стр. 271), незанятыхъ вмѣсто занятыхъ (стр. 217) и пр. Въ большинствѣ случаевъ они впрочемъ исправлены самимъ авторомъ.

XVII.

Общее заключеніе изъ всего сказаннаго можетъ быть только одно: проф. Н. Н. Голубевъ заслуживаетъ искомой имъ степени доктора международного права.

Авторъ взялъ для своей диссертациі крупный, интересный и важный какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи институтъ современнаго международного права. Въ основу своего изслѣдованія онъ положилъ богатѣйшія литературныя и положительно-правовыя данныя. Причемъ, въ общемъ далъ правильное толкованіе постановленіямъ международныхъ договоровъ и обычаевъ, удачно разрѣшивъ нѣкоторыя бывшіе доселѣ спорными вопросы, и сумѣлъ извлечь изъ всемірной литературы все то, что она могла дать по данной темѣ.

Изслѣдованіе его является не только самостоятельнымъ, но и первымъ монографическимъ трудомъ о международныхъ административныхъ комиссіяхъ, Пользуясь отчасти трудами лицъ, изслѣдовавшихъ отдѣльныя комиссіи, г. Го-

Голубевъ установилъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ обобщеній, которыя открываютъ передъ нами область малоизвѣстныхъ доселѣ юридическихъ установленій и отношеній и освѣщаютъ нѣкоторые новые пути для работы надъ дальнѣйшей организаціи международнаго общенія.

Историческіе и политическіе экскурсы автора нерѣдко показываютъ въ немъ разносторонне образованнаго и вдумчиваго наблюдателя международной жизни.

Широко задуманная, богатая фактами, богатая и идеями работа г. Голубева не лишена однако весьма серьезныхъ недостатковъ: и что касается формы ея, и что касается содержанія. Самый главный изъ нихъ тотъ, что г. Голубевъ не далъ общаго ученія о международныхъ комиссіяхъ. Обобщенія его не идутъ далѣе теоретической обработки отдѣльных типовъ комиссій, если конечно не считать немногихъ общихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ началѣ и въ концѣ диссертации, передъ очеркомъ литературы международной администраціи. Самой слабой частью работы является, несомнѣнно, введеніе, въ которомъ авторъ излагаетъ свое ученіе о международномъ правѣ вообще. Можно положительно пожалѣть о томъ, что эта часть вошла въ диссертацию. О другихъ недостаткахъ работы я подробно говорилъ на предшествующихъ страницахъ. Они не могутъ, по моему крайнему разумѣнію, помѣшать признать въ работѣ полезный вкладъ въ бѣдную все еще русскую литературу международнаго права.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи В. Колкунова „Къ вопросу о выработкѣ выносливыхъ къ засухамъ расъ культурныхъ растений“, представленномъ для соисканія степени магистра агрономіи.

Представленная г. Колкуновымъ работа состоитъ изъ двухъ частей.

Первая часть, опубликованная въ 1905 г., посвящена „Анатомо-физиологическому изслѣдованію степени ксерофильности нѣкоторыхъ злаковъ“.

Авторъ ставитъ себѣ задачею опредѣлить, отъ какихъ особенностей анатомическаго строенія растений зависитъ количество той воды, которая испаряется растеніями въ періодѣ вегетаціи. Предварительныя изслѣдованія убѣждаютъ автора, что различныя сорта и виды злаковъ отличаются между собою не группировкою тканей, а измѣненіями величины анатомическихъ элементовъ тканей, т. е. величины ихъ клѣтокъ. Это обстоятельство, въ виду неодинаковой выносливости различныхъ растений къ засухамъ, навело автора на мысль, что быть можетъ недостатокъ воды только въ тѣхъ случаяхъ переносится растеніями удовлетворительно, когда ткани ихъ составлены изъ возможно мелкихъ элементовъ. Для рѣшенія этого вопроса г. Колкуновъ производитъ сначала количественное анатомическое изслѣдованіе строенія злаковъ, опредѣляя—для различныхъ сортовъ пшеницы (Эльзасская, Кубанка, Улька, Туркестанскія горная и поливная, Банатка, Ноэ, Костромка, Украинка), *Avena elatior*, *Beckmannia erucaeiformis*, Проса Оренбургскаго, *Phragmites communis*, Овса

датскаго, Могара, *Setaria glauca*, *Echinochloa Crus Galli*, *Setaria erythrosperma*, *Zea Mays*, *Molinia coerulea*, *Phleam pratense*, *triticum repens*, *Bromus inermis* и *Br. arvensis*—величину устьиць, а для первыхъ 12—13 растений также количество устьиць на единицу поверхности, количество клѣтокъ эпидермиса, діаметръ клѣтокъ паренхимы и для первыхъ двухъ сортовъ пшеницы еще длину нерваціи листьевъ на 1 кв. см. поверхности. Наблюденія выясняютъ автору, что при сравненіи различныхъ растений другъ съ другомъ необходимо считаться съ этажомъ листьевъ, строеніемъ каждаго отдѣльнаго листа и индивидуальными особенностями отдѣльныхъ экземпляровъ, тогда какъ выборъ анатомическаго признака для характеристики мелко-или крупно-клеточности различныхъ растений не имѣетъ существеннаго значенія, т. е. здѣсь можно пользоваться любымъ признакомъ, такъ какъ всѣ элементы строенія измѣняются аналогичнымъ образомъ. Параллельно съ анатомическими изслѣдованіями г. Колкуновъ производитъ учетъ количества испаряемой растениями воды, сначала, въ теченіе цѣлаго вегетационнаго періода въ песчаныхъ культурахъ туркестанскихъ и Эльзасской пшениць, овса датскаго, ульки и просо при 60%, 40 и 30% влажности субстрата, а потомъ, по методу срѣзанныхъ листьевъ на 1 кв. сант. поверхности для всѣхъ выше перечисленныхъ сортовъ и видовъ злаковъ; кромѣ того, опытами съ Банаткой, Костромкой, Ноэ, украинской и туркестанской пшеницами и *Setaria glauca* авторъ пытается учесть роль остей и колоса въ испареніи воды растениями.

Перечисленные изслѣдованія привели г. Колкунова къ заключенію, что величина испаренія у различныхъ представителей сем. злаковъ измѣняется вообще параллельно величинѣ ихъ анатомическихъ коэффициентовъ (р. 71) и что длина устьиць злаковъ можетъ служить мѣрою потребности растений въ водѣ и выносливости къ засухамъ (р. 78). Изложеніе иллюстрировано тремя таблицами анатомическихъ рисунковъ кожицы злаковъ и поперечныхъ разрѣзовъ ихъ листьевъ.

Вторая часть работы, посвященная анатомо-физиологическому изслѣдованію степени ксерофильности расъ свекловицы, была опубликована два года спустя въ 1907 году.

Авторъ изслѣдуетъ здѣсь прежде всего величину клѣтокъ устьиць и мезофилла нижняго листа дикой свеклы и сортовъ культурной свеклы: Салатная, Маммутъ, Эккендорфъ, Вильморень, и убѣждается, что эти элементы всегда согласно другъ съ другомъ варьируютъ у этихъ различныхъ по выносливости къ засухѣ представителей Beta. Сравнительное изученіе величины клѣтокъ мезофилла листа и паренхимы корня, кромѣ того, показало автору, что измѣненія въ строеніи листьевъ тотчасъ же отражаются и на строеніи корня. Сопоставленіе измѣреній величины клѣтокъ мезофилла листа различныхъ разновидностей въ сухой 1903 и влажный 1906 годъ, наконецъ, выяснило г. Колкунову, что погода рѣзко отражается на строеніи листьевъ и, слѣдоват., съ нею неизбежно приходится считаться при изученіи ксерофильности свекловицы. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ авторъ и пользуется въ томъ отношеніи, что, изучая свеклу во влажные и сухіе годы, онъ пытается установить зависимость между анатомическимъ строеніемъ ея и урожайностью (накопленіе сух. вещества ассимиляціонной дѣятельностью) въ разныхъ условіяхъ вегетаціи.

Первыя наблюденія были сдѣланы въ 1903 году въ Черкасскомъ уѣздѣ (поповка 2), когда авторъ убѣдился, что пережившіе сильную засуху экземпляры оказались типичными мелкоклѣточными ксерофитами, а погибшіе экземпляры свеклы имѣли крупноклѣточное строеніе. Эта зависимость между величиною клѣтокъ и выносливостью къ засухамъ, затѣмъ, была подтверждена спеціальными изслѣдованіями г. Колкунова въ 1904 г. на урожаѣ свеклы имѣнія Тального, въ 1905 г. въ им. Поповка и на поляхъ Кіевскаго Политехникума. Во всѣхъ случаяхъ, несмотря на различіе почвъ (черноземъ, суглинокъ, супесокъ), засуху переносили благополучно только мелкоклѣточные индивидуумы сахарной свеклы, а крупноклѣточные недоразвивались и погибали.

Наблюденія надъ свеклой урожая влажнаго 1906 года въ Кіевѣ для различныхъ мѣстъ въ связи съ наблюденіями 1904 г. въ Кіевѣ, гдѣ свекла также не пострадала отъ засухи, наоборотъ, показали автору, что лучшее развитіе было здѣсь присуще крупноклѣтнымъ индивидуумамъ, а мелкоклѣтные во влажные годы отставали въ своемъ ростѣ и накопленіи сухого вещества.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ авторъ пытается показать съ помощью опредѣленій сахаристости, что въ сухіе годы мелкоклѣточные экземпляры обладаютъ повышенной сахаристостью, а во влажные годы сахаристость ихъ также довольно значительна, такъ что для Россіи имѣется возможность выработать выносливую къ засухѣ расу мелкоклѣточной свеклы, которая будетъ давать весьма высокіе урожаи сахара. Для лучшаго обоснованія этого вывода авторъ дѣлаетъ, наконецъ, изслѣдованіе съ помощью плазмолитическаго метода величины осмотическаго давленія въ клѣткахъ различныхъ сортовъ и разновидностей свеклы съ неодинаковой величиною клѣтокъ. Опыты выяснили, что подобно сахаристости величина осмотическаго давленія обратно пропорціональна величинѣ клѣтокъ. Изложеніе демонстрировано тремя таблицами рисунковъ.

На основаніи всѣхъ своихъ вышеперечисленныхъ наблюденій надъ пшеницами и свеклою г. Колкуновъ приходитъ къ выводу, что въ культурѣ мы должны обращать первостепенное вниманіе на величину клѣтокъ растений: съ помощью мелкоклѣтныхъ индивидуумовъ у насъ имѣется средство успѣшно бороться съ неурожаями отъ засухи и др. неблагоприятныхъ условій нашего климата (вѣтры, морозы, захватъ и пр.). Такъ какъ въ культурѣ могутъ имѣть серьезное значеніе только такія расы мелкоклѣточныхъ растений, которыя передаютъ свои признаки стойко по наслѣдству, то г. Колкуновъ въ слѣдующей серіи своихъ изысканій и занялся поисками мелкоклѣточныхъ стойкихъ варіацій среди пшениць. Поиски его повидимому увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ своей третьей работѣ 1908 г. подъ заглавіемъ „Нѣкоторые результаты опытовъ съ мелкоклѣтными пшеницами“ авторъ сообщаетъ данныя транспираціонныхъ коэффиціентовъ и развитія пшениць съ различной величиною клѣтокъ, которыя дѣйствительно убѣждаютъ насъ, что мелкоклѣточность защищаетъ растенія отъ засухи и позволяетъ при недостаткѣ влаги въ болѣе короткій срокъ получить значительный урожай очень цѣннаго зерна богатаго бѣлкомъ (см. Хозяинъ, 1908 г., №№ 27, 28).

Едва ли нужно пояснять здѣсь, что г. Колкуновъ въ резюмированныхъ работахъ затрагиваетъ одинъ изъ самыхъ

важныхъ вопросовъ русской агрономической науки и жизни: борьбу съ засухой. Результаты его работы нельзя не признать весьма цѣнными, такъ какъ они повидимому указываютъ наукѣ и практикѣ вѣрный выходъ изъ положенія, казавшагося почти безвыходнымъ, поскольку борьба съ засухами исчерпывалась приемами улучшеннаго ухода за почвою и мѣропріятіями по сбереженію атмосферныхъ водъ. Несомнѣнно, что выработка расъ растений съ малыми требованіями къ водному питанію можетъ въ свою очередь служить вѣрнымъ средствомъ борьбы съ недостаткомъ влаги въ нашихъ степяхъ и полупустыняхъ.

Принимая во вниманіе всю совокупность фактовъ, представленныхъ г. Колкуновымъ въ доказательство своего вывода о значеніи мелкоклѣточности въ расходѣ воды растеній, можно считать, что его выводъ является въ достаточной мѣрѣ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ согласуется хорошо и съ теоретическими соображеніями, и съ выводами другихъ изслѣдователей вопроса (Зорауэръ, Заленскій и пр). Къ сожалѣнію, какъ въ постановкѣ отдѣльныхъ опытовъ и наблюденій, такъ и въ описаніи полученныхъ результатовъ, г. Колкуновъ допускаетъ слишкомъ много ошибокъ, неточностей и др. дефектовъ, чтобъ фактическую часть его работы можно было признать вполне удовлетворительной. Каждый отдѣльный экспериментъ его вызываетъ многія возраженія, тѣмъ болѣе, что въ общемъ число опытовъ неособенно велико, а сдѣланные опыты сообщены слишкомъ кратко, чтобъ устранить многія быть можетъ напрасныя сомнѣнія въ достовѣрности данныхъ. Существенными дефектами страдаетъ также и литературная часть работы. Особенно бросается въ глаза, на примѣръ, игнорированіе результатами изслѣдованій г. Заленскаго.

Не смотря на указанная здѣсь недостатки, я все же считаю, что за свои работы г. Колкуновъ можетъ быть удостоенъ степени магистра агрономіи. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ идетъ по всѣмъ признакамъ по вѣрному пути, многія стороны дѣла онъ уже успѣшно разъяснилъ и въ будущемъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ еще большіе успѣхи въ разработкѣ труднаго вопроса, если будетъ работать съ такою же настойчивостью, съ какою работалъ до сихъ поръ.

М. М. Хадокихъ.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи В. И. Курдиновскаго — „Объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимыя имущества по закону (по русскому праву)“ Одесса, 1904 г.

Сочиненіе В. И. Курдиновскаго — „Объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимыя имущества по закону (по русскому праву) Одесса, 1904 г.,“ стр. I—IV и 1—389—состоитъ изъ четырехъ главъ и заключенія. Въ первой главѣ излагаются общія понятія о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности; во второй — идетъ рѣчь о легальныхъ ограниченіяхъ въ пользованіи объектомъ права собственности, установленныхъ въ интересахъ публичныхъ; въ третьей—о легальныхъ ограниченіяхъ въ пользованіи объектомъ права собственности, установленныхъ въ интересахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, и въ четвертой—о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности въ юридическомъ распоряженіи вещью. Въ „заключеніи“ сопоставляются легальныя ограниченія права собственности въ русскомъ правѣ съ таковыми въ Западно-европейскомъ правѣ и критически излагается авторомъ содержаніе правилъ о такихъ ограниченіяхъ, помѣщенныхъ въ проектѣ Гражд. уложенія.

Глава первая состоитъ изъ шести параграфовъ. Въ первомъ параграфѣ г. Курдиновскій устанавливаетъ понятіе права собственности.

Приведя ученіе классиковъ-цивилистовъ (Тибо, Савиньи, Пухта, Келлеръ, Арндтсъ, Унгеръ, Вангеровъ, Виндшейдъ) о существѣ права собственности, какъ права, дающаго субъекту полную, исключительную и неограниченную власть надъ

вещью, онъ указываетъ, что это понятіе права собственности не можетъ быть названо общепринятымъ въ наукѣ Гражд. права и не соотвѣтствуетъ явленіямъ общественной жизни. Авторъ кладетъ въ основу своей работы другое ученіе, согласно которому (какъ учили, напр., Дернбургъ, Д. Мейеръ, Ранда, Зоммеръ, Сальковскій) право собственности по своей природѣ не можетъ быть правомъ неограниченнымъ.

Во второмъ §-ѣ первой главы авторъ, развивая понятіе права собственности, опредѣляетъ его границы. Слѣдуетъ отмѣтить, что вопросъ объ естественныхъ границахъ права собственности едва затронутъ въ литературѣ гражданскаго права. Руководствуясь намеками Бринца, Беккера и Фридр. Фрейнда, г. Курдиновскій уходитъ въ изученіе фрагментовъ изъ сочиненій римскихъ юристовъ (Помпонія, Алфена, Ульпіана) и въ словахъ Аристона (приведенныхъ Ульпіаномъ) — „in suo... hactenus facere licet, quatenus nihil in alienum immittat“ — находитъ рѣшеніе вопроса. „Право собственности—говоритъ онъ— есть власть лишь надъ своей, а не надъ своей и въ извѣстномъ отношеніи надъ чужой вещью“; граница права собственности опредѣляется границами объекта права собственности. Право собственности не уполномачиваетъ собственника къ *immissio*, т. е. къ вторженію во владѣніе сосѣда. *Immissio* существуетъ лишь въ силу ограниченій права собственности, установленныхъ закономъ или автономнымъ актомъ. Кромѣ границъ объекта, право собственности, какъ право, находитъ свои естественныя границы въ общихъ предписаніяхъ права. Такъ защита права собственности мыслима лишь въ предѣлахъ закона. Границы права собственности указаны во всѣхъ сборникахъ законовъ на Западѣ, и только Code Civil, Итальянское уложеніе и нашъ т. X ч. I св. законовъ говорятъ о границахъ права собственности въ опредѣленіи понятія послѣдняго.

Не смотря однако на то, что вопросъ о границахъ права собственности такъ просто разрѣшается и принципиально, и въ положительномъ законодательствѣ, — многими учеными, не обратившими вниманія на естественныя границы права собственности, были допущены крупныя ошибки въ исчисленіи ограниченій права собственности. Такъ Фрейндъ

отнесъ къ границамъ права собственности всѣ ограниченія, установленныя въ интересахъ публичныхъ; Дернбургъ права не къ его ограниченіямъ; Шершеневичъ считаетъ постановленія нашего закона о границахъ права собственности за ограниченія права собственности (ст. 423, 424, 442 п. 2, 445 п. 1—3, 446, 447 т. X ч. I). Ему слѣдуетъ и г. Васьковскій.

Въ § 3 первой главы авторъ останавливается на выясненіи природы ограниченій права собственности, говоритъ объ ихъ видахъ и указываетъ на отношеніе легальныхъ ограниченій къ сервитутамъ.

Вопреки мнѣнію Бринца, полагавшаго, что ограниченіе права собственности состоитъ въ изъятіи нѣкоторыхъ полномочій изъ его содержанія, г. Курдиновскій, (слѣдуя Рандѣ, Фрейнду, Нейнеру) утверждаетъ, что ограниченіе состоитъ лишь въ стѣсненіи власти, принадлежащей собственнику, стѣсненіи, не позволяющемъ собственнику въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени осуществлять содержаніе права собственности, причемъ, пока длится ограниченіе, собственникъ не утрачиваетъ своего полномочія, подвергшагося ограниченію. Это вполне соответствуетъ тому свойству права собственности, которое извѣстно подъ именемъ упругости или эластичности. Въ случаѣ отпаденія ограниченія возстановляется сама собою власть собственника; нѣтъ нужды въ новомъ пріобрѣтеніи подлежавшаго ограниченію правомочія. Въ указанномъ признакѣ—отличительная черта ограниченій по сравненію съ границами права собственности. Граница указываетъ, какихъ полномочій нѣтъ въ правѣ собственности; ограниченіе, — какія изъ входящихъ въ право собственности правомочій стѣсняются въ осуществленіи.

Опредѣливъ природу ограниченій права собственности, авторъ дѣлитъ (стр. 22) ихъ на двѣ группы: а) такія ограниченія, которыя устанавливаются автономными актами частныхъ лицъ (договорами, завѣщаніями или давностью), и б) такія, которыя установлены обычаемъ или закономъ. Последнюю группу ограниченій авторъ называетъ законными или легальными ограниченіями (присоединяясь къ мнѣнію Глюка, Тибо, Мюленбруха).

Здѣсь (стр. 28 и слѣд.) г. Курдиновскому пришлось подвергнуть критическому разбору мнѣнія многихъ нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ, выдѣлившихъ въ отдѣльную группу какъ ограниченія въ правѣ юридически распорядиться объектомъ права собственности, такъ и такъ называемые легальные сервитуты (отнесенные не къ легальнымъ ограниченіямъ права собственности, а къ *jura in re aliena*), и тѣмъ сузившихъ кругъ легальныхъ ограниченій. Критическій разборъ указанныхъ мнѣній авторомъ вполне убѣждаетъ читателя въ ихъ несостоятельности.

Въ § 4 первой главы идетъ рѣчь о содержаніи легальныхъ ограниченій. Здѣсь авторъ въ общемъ удачно старается разрѣшить спорный въ теоріи вопросъ о томъ, можетъ ли ограниченіе права собственности состоять въ обязанности что либо дѣлать. При этомъ авторъ беретъ въ качествѣ отправной точки отношенія легальныхъ ограниченій права собственности къ сервитутамъ. Разсмотрѣвъ природу тѣхъ и другихъ, онъ утверждаетъ тождественность ихъ (рѣчь идетъ объ ограниченіяхъ права собственности въ пользова­ніи вещью). Но, рассуждаетъ онъ, содержаніе сервитутовъ тройко: *non facere*, *pati* и *facere*. Очевидно, должно быть тройкимъ и содержаніе легальныхъ ограниченій права собственности. Однако не всякую обязанность *ad faciendum*, лежащую на собственникѣ, онъ считаетъ возможнымъ причислить къ легальнымъ ограниченіямъ права собственности. Онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться такими соображеніями:

1) Обязанность *ad faciendum* тогда только можетъ быть разсматриваема какъ ограниченіе права собственности, когда она установлена какъ при другихъ ограниченіяхъ, съ цѣлью устранить извѣстныя (невыгодныя съ точки зрѣнія общежитія) послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою осуществленіе права собственности во всей полнотѣ его власти, слѣдовательно, лишь въ томъ случаѣ, когда, при установленіи ея, исходнымъ моментомъ является осуществленіе самаго права собственности. Поэтому обязанность собственника платить подати (напр. поземельный налогъ) и нести извѣстныя повинности (напр., дорожную), хотя и представляетъ собою обязанность *ad faciendum*, не можетъ быть раз-

сма­три­ва­е­ма, какъ о­гра­ни­че­ніе пра­ва соб­ствен­но­сти: они уста­нов­ле­ны не съ той цѣлью, что­бы стѣснить соб­ствен­ни­ка въ осу­щест­вле­ніи пра­ва соб­ствен­но­сти.

2) Обязанность *ad faciendum* можетъ быть раз­сма­три­ва­е­ма какъ о­гра­ни­че­ніе пра­ва соб­ствен­но­сти лишь въ томъ слу­чаѣ, когда она носитъ, какъ и при дру­гихъ о­гра­ни­че­ніяхъ, вещ­ный ха­рак­теръ и ле­житъ, слѣд­о­ва­тель­но, не на ли­цѣ соб­ствен­ни­ка, а на са­момъ правѣ соб­ствен­но­сти. По­это­му обя­зан­ность *ad faciendum*, ле­жа­щая на ли­цѣ соб­ствен­ни­ка, не можетъ быть от­но­си­ма къ о­гра­ни­че­ніямъ пра­ва соб­ствен­но­сти. Та­ко­ва, напр., из­вѣст­ная рим­ско­му пра­ву обя­зан­ность соб­ствен­ни­ка воз­ста­но­вить то, из­мѣ­нен­ное имъ, со­сто­я­ніе уча­стка, при ко­то­ромъ сосѣдъ обя­занъ тер­пѣть сто­къ до­жде­вой во­ды, а рав­но и обя­зан­ность воз­на­гра­жде­нія со­сѣда за при­чи­нен­ные ему въ это­мъ слу­чаѣ у­быт­ки.

Нѣко­то­рыя изъ ле­жа­щихъ на соб­ствен­ни­кѣ обя­зан­но­стей об­ла­да­ютъ ука­зан­ны­ми при­зна­ка­ми и дол­жны быть от­не­се­ны къ кру­гу о­гра­ни­че­ній пра­ва соб­ствен­но­сти. Та­ко­вы, напр., из­вѣст­ныя рим­ско­му пра­ву обя­зан­но­сти очи­щать рвы, на­зна­чен­ные для сто­ка до­жде­вой во­ды, воз­ста­но­вить раз­ру­шен­ное зда­ніе, пред­ста­вить сосѣду *cautio* въ томъ слу­чаѣ, если раз­ру­ша­ю­щее­ся стро­е­ніе (*opus*) гро­зитъ ему у­быт­ка­ми. Та­ко­вы же обя­зан­но­сти—вы­стро­ить брант­мау­еръ, ус­тро­ить удоб­ный для сосѣда сто­къ во­ды, дать зем­лѣ из­вѣст­ную куль­ту­ру, раз­ру­шить гро­зя­щій па­де­ніемъ домъ и пр.

Та­кимъ об­ра­зомъ воз­мож­ны, по мнѣ­нію г. Кур­ди­но­вска­го, о­гра­ни­че­нія пра­ва соб­ствен­но­сти, со­сто­я­ція въ обя­зан­но­сти что­ли­бо дѣ­лать. При та­комъ по­ло­же­ніи дѣ­ла пра­вильно по­ло­же­ніе, что со­дер­жа­ніе легаль­ныхъ о­гра­ни­че­ній пра­ва соб­ствен­но­сти то­же, что и сер­ви­ту­товъ, т. е. *non facere, pati et facere*.

Въ § 5 гл. I идетъ рѣчь о ви­дахъ легаль­ныхъ о­гра­ни­че­ній въ поль­зо­ва­ніи вещь­ю. Всѣ о­гра­ни­че­нія это­го ро­да авторъ дѣ­литъ на двѣ груп­пы: о­гра­ни­че­нія, су­щест­вую­ція въ ин­те­ре­сахъ част­ныхъ лицъ, и о­гра­ни­че­нія, ус­та­нов­лен­ныя по со­об­ра­же­ніямъ пуб­лич­на­го по­ря­дка.

Къ пер­вой груп­пѣ авторъ от­но­ситъ всѣ *jura in re ali­ena*, воз­ни­ка­ю­ція по за­ко­ну или по обы­чаю; ко вто­рой—яв­ле­нія смѣ­шан­на­го ха­рак­те­ра, сто­я­ція на ру­бе­жѣ част­на­го и

публичнаго правъ, таковы напр., ограниченія въ пользова-
ніи лѣсами, въ правѣ охоты или рыбной ловли, ограниченія
въ области домостроительства и ограниченія, дающія всѣмъ
и каждому право движенія по сухопутнымъ и воднымъ пу-
тямъ сообщенія и право на бечевникъ.

Въ § 6, I главы авторъ подробно говоритъ о класси-
фикаціи легальныхъ ограниченій права собственности въ
французской, нѣмецкой и русской литературѣ гражданскаго
права; здѣсь подвергаетъ онъ тщательному критическому
разсмотрѣнію мнѣнія юристовъ и ихъ попытки классифика-
ціи [Дирксена, Глюкка, Тибо, Мюленбруха, Вангерова, Бе-
кинга, Беккера, Фрейнда, Арндтса, Виндшейда, Дернбурга,
Пагенштехера, Рота, Ранды, Штоббе, Эрдмана, Франтца,
Неволина, Мейера, Полежаева, Анненкова, Шершеневича,
Побѣдоносцева, Кавелина, Васьковскаго и редакторовъ на-
шего проекта Гражд. Уложенія].

Выводы автора таковы:

Обычнымъ стало дѣленіе ограниченій на двѣ главныя
группы: 1) ограниченія, стѣсняющія собственника въ поль-
зованіи вещью, и 2) ограниченія, стѣсняющія собственника
въ юридическомъ распоряженіи вещью. Ограниченія первой
группы дѣлятся на два класса: а) ограниченія, существу-
ющія въ публичныхъ интересахъ, и б) ограниченія, существу-
ющія въ интересахъ частныхъ лицъ.

Руководствуясь этой классификаціей, г. Курдиновскій
въ слѣдующихъ главахъ изслѣдуетъ историческій ходъ раз-
витія отдѣльныхъ легальныхъ ограниченій права собствен-
ности на недвижимыя имущества, доводя свои изысканія эти
до изложенія законоположеній новѣйшаго времени, сюда от-
носящихся.

Именно во 2-ой главѣ онъ излагаетъ исторію развитія
у насъ ограниченій права собственности на землю правомъ
на публичную дорогу, правомъ свободнаго движенія по вод-
нымъ путямъ и правомъ на бечевникъ; объ ограниченіяхъ въ
пользованіи лѣсами, ограниченіяхъ въ правѣ охоты и рыб-
ной ловли, объ ограниченіяхъ: въ правѣ на нѣдра, въ ви-
дахъ предупрежденія пожаровъ, въ видахъ благообразія
городскихъ зданій и безопасности и благосостоянія обыва-

телей, наконецъ, объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимости въ районѣ крѣпостной линіи.

Въ третьей главѣ авторъ по той же системѣ излагаетъ исторію развитія отдѣльныхъ случаевъ легальныхъ ограниченій въ пользованіи объектомъ права собственности, установленныхъ въ интересахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Здѣсь авторъ говоритъ: объ ограниченіяхъ права собственности 1) правомъ сосѣдства: правомъ имѣть окна на чужой участокъ, объ ограниченіяхъ собственности въ интересахъ сосѣдей по закону 19 февр. 1861 года, объ ограниченіяхъ такихъ въ интересахъ сосѣдей въ Закавказьѣ, объ ограниченіяхъ по закону 3 октября 1737 г. и объ ограниченіяхъ въ правѣ собственности въ интересахъ сосѣдей по обычному праву крестьянъ; 2) объ ограниченіяхъ права собственности правомъ угодій.

Въ IV главѣ, („легальныя ограниченія права собственности въ юридическомъ распоряженіи вещью“) авторъ въ той же системѣ излагаетъ: ограниченія въ распоряженіи княженецкими вотчинами, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи владѣніями однодворцевъ; объ ограниченіяхъ въ распоряженіи земельными владѣніями Малороссійскихъ козаковъ, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи вотчинами духовныхъ владѣльцевъ, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи черными землями, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи крестьянскими землями по закону 20 февр. 1803 года, объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость, вызванныхъ реформами крестьянскаго быта (прикрѣпленіе и освобожденіе крестьянъ), объ ограниченіяхъ въ распоряженіи землями, отданными во владѣніе колонистовъ, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи родовыми, заповѣдными и майоратными имуществами, объ ограниченіяхъ въ распоряженіи имуществами, отведенными малоимущимъ дворянамъ въ Сибирской и Тобольской губерніяхъ на основаніи закона 20 іюля 1848 г. объ ограниченіяхъ въ распоряженіи недвижимостью посредствомъ договоровъ мѣны и найма.

Въ „заключеніи“, отгнѣнивъ, въ краткомъ очеркѣ, причины, вызвавшія у насъ къ жизни различныя легальныя ограниченія права собственности, въ ихъ постепенномъ развитіи, начиная съ XV вѣка, г. Курдиновскій сопоставляетъ

легальныя ограниченія права собственности въ русскомъ правѣ съ таковыми же въ правахъ ряда государствъ Западной Европы; причемъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ (ст. 356 слѣд.).

„И въ западно-европейскомъ правѣ имѣются ограниченія, сходныя съ ограниченіями нашего права. Однородныя причины должны были привести и къ однороднымъ послѣдствіямъ, но такихъ ограниченій не много“. Но конечно, между нашимъ правомъ и западно-европейскимъ и въ этихъ пунктахъ существуетъ сходство не полное. Определенія западно-европейскихъ законодательствъ богаче и разнообразнѣе. Такъ ограниченія въ правѣ охоты и рыбной ловли тамъ полнѣе, чѣмъ въ русскомъ правѣ. Нѣмецкое право знаетъ принудительное образованіе товариществъ собственниковъ въ цѣляхъ облѣсенія почвы, сохраненія дичи и лѣсныхъ богатствъ—институтъ, вовсе неизвѣстный русскому праву. Ограниченія же нѣдра у насъ лишь въ эмбриональномъ, такъ сказать, состояніи. Въ западной Европѣ они—разработанный институтъ; область ихъ примѣненія шире, чѣмъ въ Россіи (они касаются почти всѣхъ земельныхъ владѣній).

Кромѣ ограниченій, сходныхъ съ ограниченіями нашего права, на Западѣ имѣется цѣлый рядъ ограниченій, вовсе не извѣстныхъ русскому праву. Развились они тамъ, съ одной стороны, благодаря мѣстнымъ обычаямъ и мѣстнымъ условіямъ (большей плотности населенія, чѣмъ у насъ, большому развитію городской и промышленной жизни), съ другой стороны, подъ вліяніемъ римскаго права—фактора, почти не участвовавшаго въ созданіи ограниченій права собственности въ нашемъ правѣ.

Приведя цѣлый рядъ такихъ ограниченій въ области какъ пользованія, такъ и распоряженія недвижимостями, г. Курдиновскій заканчиваетъ свою книгу критическимъ разборомъ правилъ проекта нашего Гражд. Уложенія о законныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость, причемъ указываетъ на цѣлый рядъ имѣющихся здѣсь ошибокъ и недочетовъ.

Наибольшая часть сочиненія г. Курдиновскаго, почти двѣ трети, именно 242 страницы (отъ 108 до 350 стр.) посвящены имъ изложенію легальныхъ ограниченій по русскому гражданскому праву. Между тѣмъ именно эта часть сочиненія, не смотря на ея сравнительно обширный объемъ, производитъ впечатлѣніе неполноты и незаконченности изложенія. Прежде всего, въ этомъ отношеніи, авторъ, увлекшись изложеніемъ отдѣльныхъ случаевъ легальныхъ ограниченій права собственности по русскому праву, въ ихъ историческомъ развитіи, удѣляетъ несоотвѣтственно мало мѣста вопросу о положеніи этихъ ограниченій по дѣйствующему праву. Мѣстами (напр., говоря объ ограниченіяхъ въ распоряженіи вотчинами духовныхъ владѣльцевъ, о родовомъ имуществѣ; о малороссійскихъ козакахъ, о правѣ собственности крестьянъ на недвижимость по реформѣ 19 февр. 61 года и др.) г. Курдиновскій, изложивъ законы и указы, тракующіе о данномъ вопросѣ, предоставляетъ самимъ читателямъ разбираться въ томъ, какія изъ нихъ—теперь дѣйствующее право, какія—нѣтъ. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и совершенно не упоминаетъ о нормахъ дѣйствующаго права, помѣщая взамѣнъ того въ текстѣ подробное изложеніе цѣлаго ряда легальныхъ ограниченій права собственности, имѣющихъ нынѣ исключительно лишь историческій интересъ (таковы, напр., ограниченія по закону 3 апр. 1737 г., или въ распоряженіи княженецкими вотчинами; объ однодворцахъ; ограниченія въ распоряженіи черными землями, а равно по закону 20 февр. 1803 г. и др.). Изложеніе сенатской практики, за немногими исключеніями (напр. на стр. 167, 228, 229, 230, 231 и 303), совершенно отсутствуетъ. Спеціальная русская литература указана не всегда полно. Такимъ образомъ, напр., въ изложеніи ученія о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности по русскому праву оставлены безъ разсмотрѣнія слѣдующія сочиненія, изданныя до 1904 года:

Покровскій—Принудительный альтруизмъ (В. Пр. 902, II).

Нефедьевъ—Право на рѣки общаго пользованія 1892.

Флексоръ—Дѣйствующее законодательство по водному праву 1903 г.

Затворницкій—Право городовъ на рѣки (Право 1902 г. № 4).

- Егіазаровъ*—О водовладѣніи въ Закавказьѣ (Кіев. Унив. Изв. 1896 VII).
- Дингельштедтъ*—Законы о водѣ для Крыма 1895.
- Кутыловскій*—Права на нѣдра и отчужденіе земель подъ желѣзныя дороги (Ж. М. Ю. 1902, VII).
- Горенбергъ*—Къ вопросу о правѣ городовъ на площади, улицы, бечевники и др. предметы общаго пользованія (Право 1899 г. № 22).
- Ильяшенко*—Институтъ родовыхъ имуществъ съ точки зрѣнія будущаго гражд. уложенія (Ж. М. Ю. 1900 г. II).
- Любавскій*—Объ уничтоженіи различія между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными (Юрид. Моногр. т. II).
- Его-же*—О мѣнѣ имуществъ (Юрид. Моногр. т. II).
- Соколовъ*—Историческое изложеніе мѣны по русскимъ законодательнымъ памятникамъ. 1880 г.
- Умовъ*—Договоръ найма имуществъ 1872 г.
- Принципъ*—Аренда земельныхъ имуществъ 1874 г.
- Гуссаковскій*—Право на нѣдра земли (Ж. М. Ю. 1903 г. III).
- Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ совсѣмъ упущено изложеніе вопроса объ ограниченіяхъ собственниковъ по водному праву для Крыма, о чемъ хорошо говорится между прочимъ въ сочиненіи *Дингельштедта*—Законы о водѣ для Крыма 1895 г.
- Равнымъ образомъ непріятное впечатлѣніе производитъ неравномѣрность въ изложеніи отдѣльныхъ случаевъ легальныхъ ограниченій, гдѣ авторъ часто очень подробно говоритъ о мелочахъ, ограничиваясь въ то же время простымъ перечисленіемъ указовъ и законовъ по важнымъ и имѣющимъ крупное практическое значеніе въ настоящее время институтамъ права, каковыми напр. являются—водное право, крестьянское землепользованіе и др.
- Къ недостаткамъ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ отнести еще неудачное пользованіе автора примѣчаніями. Нерѣдко (напр. стр. 21—22, 68—69, 150—151, 257 пр. 2; 357 и др.) онъ помѣщаетъ въ примѣчанія продолженіе той же *sedes materiae*, какая изложена имъ въ текстѣ; что далеко не способствуетъ легкости усвоенія вопросовъ, имъ излагаемыхъ. Укажемъ кстати и на то, что мѣстами сочиненіе не свободно отъ ошибокъ и небрежности въ цитатахъ (напр.

на стр. 3, прим. 9-е стр. 4, 17, 188, 222 пропущены цитаты пр. 1, 2). и не точныхъ выраженій (напр на стр. 200 авторъ считаетъ „имуществомъ, легко сохраняемымъ во время пожара“ шкуры, воскъ, медь, вино, хлѣбъ... или на стр. 72—говорить о правѣ собственности на недвижимость, взаимнѣ движимости или на стр. 174—„такимъ образомъ часть Каспійскаго моря была раздѣлена между частными владѣльцами“).

Въ частности, рассматривая первую главу названнаго сочиненія, являющагося, по нашему мнѣнію, наиболее интересной и хорошо составленной частью работы, мы считаемъ нужнымъ указать лишь немного неисправностей, въ общемъ не нарушающихъ хорошаго впечатлѣнія отъ этой части книги. Говоря здѣсь между прочимъ о дѣленіи ограниченій права собственности по источнику на двѣ группы, именно ограниченій, установленныхъ а) автономными актами частныхъ лицъ и б) изданныхъ закономъ и обычаемъ (стр. 22 слѣд.), г. Курдиновскій не считаетъ источникомъ ограниченій права собственности опредѣленія судебной или административной власти. Онъ говоритъ въ примѣчаніи 1 на стр. 22—23 въ этомъ отношеніи, что „едва-ли возможно рассматривать опредѣленіе судебной или административной власти, какъ самостоятельный источникъ ограниченій права собственности. Судья дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона и требованія сторонъ“. Мнѣ не понятно, что собственно хотѣлъ сказать авторъ этими словами. Вѣдь и автономные акты частныхъ лицъ, которыми устанавливаются ограниченія права собственности, тоже совершаются въ предѣлахъ закона и требованій, установленныхъ сторонами; однако это не помѣшало самому же автору признавать акты эти *источниками* ограниченій права собственности. Между тѣмъ не только въ Римѣ, но и въ настоящее время состоявшіяся въ окончательной формѣ рѣшенія, т. е. когда по нимъ не возможны болѣе ни апелляція, ни кассація, создаютъ новые титулы правъ для интересовъ, и слѣдовательно ими могутъ быть созданы, и дѣйствительно создаются, между прочимъ, новыя ограниченія права собственности для одной изъ тяжущихся сторонъ. Въ этомъ отношеніи, напр., и теперь, какъ въ Римѣ, судья при искахъ о раздѣлѣ можетъ *устанавливать* сервитуты и другія ограниченія права собственности, ранѣе не существовавшія.

На стр. 60 авторъ справедливо замѣчаетъ, что „легальными сервитутами должны быть названы тѣ легальныя ограниченія въ пользованіи объектомъ права собственности, которыя обладаютъ и другими признаками, свойственными сервитутамъ“. Сюда онъ же самъ (въ прим. 2 стр. 60) относитъ по нашему праву право пожизненнаго пользованія родителями бло-гопріобрѣтенными имѣніями и капиталами бездѣтно-умершихъ сыновей и дочерей (ст. 1141, 1145 т. X ч. I св. зак.). По этому слѣдовало бы, очевидно, автору помѣстить и рассмотреть эти случаи легальныхъ ограниченій права собственности въ главѣ III его сочиненія, спеціально трактующей о легальныхъ ограниченіяхъ въ пользованіи объектомъ права собственности. Между тѣмъ авторъ нигдѣ о случаяхъ такого пожизненнаго пользованія (ст. 1141, 1145 cit.) не упоминаетъ.

Во II главѣ своей книги, гдѣ излагаются случаи легальныхъ ограниченій въ пользованіи объектомъ права собственности, установленные въ интересахъ публичныхъ, авторъ говоря о возникновеніи у насъ права на публичную дорогу и относя это возникновеніе лишь къ 17 вѣку, заявляетъ (стр. 114), что „ближайшей причиной, вызвавшей этотъ вопросъ къ жизни, несомнѣнно, было образованіе на Руси права собственности. Известно, что право собственности на землю развилось у насъ, главнымъ образомъ, въ Московскую эпоху, которая была, по вѣрному замѣчанію Морошкина, „періодомъ творенія русской недвижимой собственности“ ...Мало этого, право собственности распространилось тогда въ пространствѣ. Вотчинниковъ на Руси было много. Земля дѣлилась между государемъ, бѣлыми и черными владѣльцами. Понятное дѣло, что въ это время невозможно уже было русскому народу двигаться всюду и по всѣмъ направленіямъ свободно, стихійно, подобно рѣкѣ. Онъ сталкивался съ границами вотчинныхъ владѣній. А между тѣмъ, не только для потребностей власти, движенія войскъ и т. д., но и для потребностей зарождавшейся на Руси промышленности и торговли, въ интересахъ просто внутренняго общенія—были нужны дороги. Государство начинало въ это время жить внутреннею жизнью. Поднялись вопросы внутренняго управленія и между ними вопросъ о дорогахъ“.

Изъ текста очевидно такимъ образомъ, что и самъ г. Курдиновскій не вѣритъ своему заявленію, будто бы бли-

жайшей причиной, вызвавшей къ жизни вопросъ о правѣ на публичную дорогу, „было образованіе на Руси право собственности“; иначе онъ не приводилъ бы ниже цѣлаго ряда новыхъ „ближайшихъ причинъ“. Между тѣмъ безспорно, что „ближайшей такой причиной“ здѣсь является не возникновеніе права собственности, а прикрѣпленіе всѣхъ подданныхъ Московскаго государства къ землѣ, когда вмѣстѣ съ имѣній. Мало того, при этомъ и ограниченія въ правѣ пользованія, про которыя говоритъ здѣсь авторъ, были установлены не только для собственниковъ-вотчинниковъ, но вообще для поземельныхъ владѣльцевъ (напр. помѣщиковъ); слѣдовательно образованіе права собственности, такъ вытѣняемое здѣсь авторомъ въ качествѣ ближайшей причины возникновенія правъ на публичную дорогу, на самомъ дѣлѣ не только не имѣло такого значенія, но и прямо затушевывалось общимъ и растяжимымъ представленіемъ о *землевладѣніи* вообще.

Излагая далѣе тотъ же институтъ, г. Курдиновскій обратилъ мало вниманія на значеніе писцовыхъ наказовъ 1683 и 1684 г.г. для выясненія вопроса объ отношеніи права на дорогу къ праву частной собственности придорожныхъ землевладѣльцевъ. На стр. 118 авторъ пишетъ,— „Эти же указы (писцовые указы 1683 и 1684 г.г.) опредѣляютъ, *хотя и не совсемъ ясно*, отношеніе права на дорогу къ праву частной собственности: „а будетъ случиться черезъ чью дачу дорога или впредь кому учинить надобно дорога: и тѣхъ дорогъ въ чети и въ дачи не класть“; „землю межевать, размѣривая по дачамъ, не кладя въ дачи дорогъ“.

Непонятно, въ чемъ именно видитъ здѣсь авторъ „неясность“ текста источниковъ? На дѣлѣ приведенные имъ писцовые указы 1683 и 1684 г. совершенно опредѣленно *выдѣляютъ* полотно большихъ дорогъ отъ помѣстій и вотчинъ придорожныхъ владѣльцевъ, т. е. совершенно устраняютъ ихъ изъ области частныхъ поземельныхъ владѣній. Любопытно все, что именно въ такомъ смыслѣ г. Курдиновскій самъ же толкуетъ межевые законы на стр. 132.

И далѣе, въ изложеніи исторіи развитія по нашему праву вопроса о большихъ дорогахъ, авторъ часто совершенно ошибочно толкуетъ приводимыя имъ мѣста источни-

ковъ. Такъ на стр. 110—120, говоря о чрезвычайныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость, предпринятыхъ какъ средство борьбы съ разбоями въ срединѣ 17 вѣка, г. Курдиновскій ссылается на указъ 1662 г., которымъ гоударь велѣлъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, командированнымъ въ Смоленскъ на государеву службу: „въ Смоленскомъ уѣздѣ во всѣхъ станахъ и въ деревняхъ, гдѣ сыщутъ, дать сѣнныхъ покосовъ половину, а другую половину сѣнныхъ покосовъ оставить тамошнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ“.

Очевидно, указъ говоритъ о реквизиціи сѣна на военныя нужды и ничего болѣе.

Равнымъ образомъ неправильные выводы изъ приводимыхъ имъ источниковъ права дѣлаетъ авторъ на стр. 126, гдѣ онъ утверждаетъ, что какъ видно изъ постановленій межевого законодательства Екатерины II о дорогахъ „собственники должны, въ извѣстныхъ случаяхъ, поступиться въ пользу государства частью своей земли, и — при томъ даромъ, безъ всякаго вознагражденія“.

Между тѣмъ приведенные имъ же на стр. 125 выдержки изъ этихъ Екатерининскихъ межевыхъ инструкцій 13 февр. и 25 мая 1766 года и др. предписываютъ „наполнять“ пропорціи, на дороги, исключенныя у придорожныхъ хозяевъ, изъ примѣрныхъ оказавшихся излишнихъ земель. Здѣсь въ достаточной мѣрѣ ясна уже идея допустимости обращенія необходимой для дороги полосы земли только за личное и справедливое вознагражденіе (экспроприація).

На стр. 133 авторъ утверждаетъ, что „полотно подъ публичной дорогой считается (нашими узаконеніями въ ихъ исторической послѣдовательности) какъ бы принадлежащимъ на правѣ собственности частнымъ лицамъ“. Въ подтвержденіе этого авторъ ссылается на межевые законы, указывая, что въ нихъ (стр. 133) „относительно *нѣкоторыхъ* частей земельныхъ владѣній, тоже подлежащихъ исключенію изъ числа настоящихъ дачъ“, указано, что онѣ оставляются владельцамъ. „При расчисленіи земель по крѣпостямъ“, говорится въ межевыхъ законахъ, — „не полагать въ число настоящихъ дачъ земель неудобныхъ къ пашнѣ и сѣннымъ покосамъ, какъ то: рѣкъ, рѣчекъ, овраговъ, болотъ, прудовъ,

водороинъ и другихъ неудобныхъ мѣсть, но оставляеть оныя владѣльцамъ, въ чьихъ дачахъ окажутся, сверхъ надлежа-щей имъ по крѣпостямъ пропорціи, показывая на планахъ и въ межевыхъ книгахъ, сколько десятинъ подъ какимъ изъ сихъ мѣсть находится (М. З. ст. 718)“.

Основываясь на этомъ мѣстѣ, гдѣ именно не указаны въ числѣ неудобныхъ земель, оставляемыхъ за собственни-комъ, земли подъ дорогами, авторъ полагаетъ, что „состави-тели межевыхъ законовъ относили это постановленіе и къ тѣмъ полосамъ земли, которыя отходили подъ публичныя дороги, ибо они разсматривали и эти земли, какъ земли не-удобныя: „при исчисленіи земли по дачамъ и крѣпостямъ, пространство оной, большими и проселочными дорогами за-нимаемое, въ счетъ не полагать и къ удобнымъ землямъ онаго не причислять (З. М, ст. 405)“ (стр. 133). Но во 1-хъ, здѣсь не говорится и о томъ, чтобы полосы дорогъ зачисля-лись землевладѣльцамъ въ число оставляемыхъ за ними не-удобныхъ земель. Во вторыхъ, такое толкованіе автора про-тиворѣчитъ тому же, что самъ онъ говоритъ немного выше (стр. 132), указывая, что „Межевыя законы предписываютъ: дорогъ въ чети и въ дачи не класть“, „землю межевать, размѣривая по дачамъ, не кладя въ дачи дорогъ“, „выклю-чать изъ числа настоящихъ дачъ на большія и проселочныя дороги“ столько-то, и исключенное количество земли „на-полнять изъ оказавшихся примѣрныхъ земель“.

Въ § 2 гл. II, говоря объ ограниченіяхъ права собствен-ности правомъ движенія по воднымъ путямъ, авторъ удѣ-ляетъ очень мало мѣста вопросу о томъ, кому принадле-жать по дѣйствующему праву судоходныя рѣки въ собствен-ность—государству или береговымъ владѣльцамъ, и то объ этомъ говоритъ онъ почему-то не въ текстѣ а въ примѣча-ніи (на стр. 150—151 пр. 3). Въ результатѣ, его заявленія и полемика противъ Анненкова и Васьковскаго здѣсь мало убѣдительны, какъ идущія противъ смысла ст. 406 т. X ч. I. св. законовъ, по сравненіи ея со ст. 408—410 и 435¹—435². Ст. 674 т. X ч. I оставлена имъ совершенно безъ упоми-нанія.

Въ томъ же § г. Курдиновскій совершенно не говоритъ объ очень важномъ вопросѣ—именно объ ограниченіяхъ права

собственности береговыхъ владѣльцевъ *Черноморскаго* побережья.

Вообще ученіе объ ограниченіяхъ права собственности въ области воднаго права авторомъ разработано слабо, безъ обращенія вниманія на имѣвшуюся у насъ до 1904 года спеціальную литературу; мало того, онъ совсѣмъ не говоритъ о водномъ правѣ (съ точки зрѣнія ограниченій права собственности въ интересахъ сосѣдей) для Крыма (см. ст. 235).

Глава IV сочиненія г. Курдиновскаго даетъ основаніе цѣлому ряду замѣчаній. Такъ въ § 2 этой главы („Ограниченія въ распоряженіи вотчинами служилыхъ людей“) авторъ излагаетъ почти исключительно тотъ же самый вопросъ, что и въ § 5 той же главы, т. е. исторію ограниченій въ распоряженіи вотчинами духовныхъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, излагая здѣсь (въ § 2) исторію ограниченій духовныхъ владыкъ въ приобрѣтеніи недвижимостей, поскольку при этомъ проявлялась политика Московскаго государства, „чтобы земля изъ службы не выходила“, и чтобы „убытка на службѣ не было“ (стр. 272—275), авторъ совершенно не приводитъ здѣсь указаній источниковъ, изъ которыхъ видно было бы развитіе установившихся въ дѣйствующемъ правѣ иныхъ основаній для такихъ ограниченій. Здѣсь онъ ограничивается простымъ лишь замѣчаніемъ, что существующее въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ запрещеніе монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и церквамъ *приобрѣтать* недвижимость „вызывается не ограниченіемъ права собственности, а ограниченіемъ правоспособности приобрѣтателя“ (стр. 275 и прим. 6). Въ то же время г. Курдинов. развившееся параллельно запрещеніе монастырямъ и другимъ духовнымъ владѣльцамъ, запрещеніе *отчуждать* имѣющееся у нихъ недвижимое имущество продолжаетъ считать (стр. 283—284) легальнымъ ограниченіемъ права собственности означенныхъ учреждений.

Въ § 3 гл. II излагая исторію развитія ограниченій въ правѣ на нѣдра, авторъ на стр. 198 приведя знаменитый указъ Екатерины II отъ 28 іюня 1782 г., отмѣнившій начало „горной свободы“ для земли частныхъ владѣльцевъ, забылъ указать дѣйствующую *нынѣ* ст. 425 т. X ч. I, въ основу которой вошелъ этотъ указъ 1782 года.

Равнымъ образомъ и въ § I А гл. III-й, на стр. 222 г. Курдиновскій не приводитъ ст. 448 т. X ч. I, устанавливающей право прохода и проѣзда черезъ казенныя дачи арендаторамъ казенныхъ угодій.

Наконецъ, такой же пропускъ правилъ дѣйствующаго законодательства имѣется въ § 2 той же III главы сочиненія, здѣсь именно авторъ вовсе не упоминаетъ про ст. 466 т. X ч. I, нормирующую право угодій для губерній Черниговской и Полтавской.

Изложеніе авторомъ „ограниченій въ распоряженіи земельными владѣніями Малороссійскихъ козаковъ“ (стр. 279 282) по содержанию своему является сплошнымъ недоразумѣніемъ. Прежде всего, г. Курдиновскій считаетъ Малорос. козаковъ находившимися „въ военномъ состояніи“ до 1 янв. 1874 года, „когда лишь они, послѣ введенія всеобщей воинской повинности, слились съ массой крестьянскаго населенія“. Съ этой точки зрѣнія онъ пишетъ про указъ имп. Николая I отъ 25 іюня 1832 года (легшій въ основу дѣйствующихъ законоположеній о Малорос. козачествѣ) слѣдующее (стр. 279) „И вотъ 25 іюня 1832 года, желая, съ одной стороны, облегчить Малороссійскихъ козаковъ въ платежѣ податей, а съ другой стороны—утвердить ихъ въ „военномъ состояніи“, центральная власть надѣляетъ ихъ разными льготами, и между прочимъ, объявляетъ тѣ земли, которыя дошли къ козакамъ отъ ихъ предковъ, малороссійскихъ же козаковъ, или отъ козаковъ же „по куплѣ или иначе“—„козачьими“ т. е. „подвергающимися владѣльца оныхъ исполненію возложенныхъ на сословіе сіе обязанностей“. Такія земли должны были „навсегда оставаться“ у козаковъ. Въ виду этого, козаки лишены были права отчуждать ихъ „кому-либо иному, кромѣ людей своего состоянія“.—Далѣе, ссылаясь на мнѣніе Госуд. Совѣта отъ 11 іюня 1845 г. и законъ 1 дек. 1858 г., авторъ утверждаетъ, что Малорос. козакамъ и до настоящаго времени запрещается отчуждать „козачьи земли“ лицамъ не козачьяго происхожденія, кромѣ случаевъ уничтоженія этимъ путемъ мелкой черезполосицы. При этомъ онъ замѣчаетъ (стр. 282): „Закономъ 1 декабря 1858 года и ограничилось ослабленіе силы правилъ 25 іюня

1832 г. Правила эти дѣйствуютъ и понынѣ въ сводѣ законовъ (св. зак. IX изд. 1899 г. ст. 698, 699, 700).“

По поводу сказаннаго г. Курдин. прежде всего замѣтимъ слѣдующее:

Указомъ 25 іюня 1832 г. Николай I именно освободилъ Малорос. козаковъ отъ военной службы въ спеціальныхъ козачьихъ полкахъ и замѣнилъ эту повинность обязанностью поставлять рекрутовъ, по 5 человекъ съ тысячи жителей „на укомплектованіе кавалерійскихъ полковъ арміи“ (2 П. С. З. № 5458). Этимъ онъ фактически уравнивалъ Малор. козаковъ, въ отношеніи воинской повинности, съ государственными крестьянами. Постепенно такое уравниваніе распространялось и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ въ 1834 году было предписано вѣдать дѣла о Малороссійскихъ козакахъ „въ отношеніи гражданскомъ по общимъ правиламъ о государственныхъ крестьянахъ, съ соблюденіемъ особыхъ правъ ихъ, означенныхъ въ сводѣ законовъ о состояніяхъ“ (2 П. С. З. № 6727 ср. 2 П. С. З. № 44034; 1866 г.; ст. 920 т. IX гл. I по прод. 1886 г.).

Такимъ образомъ, Малорос. козаки съ 1832 года не были „утверждены въ военномъ состояніи“, какъ думаетъ авторъ; напротивъ, они съ этого времени утратили свою войсковую организацію и стали постепенно приравняться къ государственнымъ крестьянамъ.

Невѣрно заявленіе г. Курдин. (стр. 280). что „только козакъ могъ быть (по закону 1832 г.) собственникомъ козачьей земли“, и что „козакъ, при переходѣ въ другое состояніе, при которомъ невозможно исполненіе обязанностей козака, терялъ право владѣть козачьей землею: она должна была перейти во владѣніе козака“. Равнымъ образомъ не точно его указаніе, что (см. 281) „это постановленіе (запрещающее не-козакамъ надѣлать козачьей землею) не распространяется, согласно точному смыслу закона 25 іюня 1832 г. (ст. 2) на козаковъ, пріобрѣвшихъ службой или инымъ образомъ дворянское достоинство.“

Статья 2 закона 25 іюня 1832 г. гласитъ текстуально совсѣмъ иное, а именно: „Отнынѣ земли сія (т. е. которыя дошли къ козакамъ отъ предковъ ихъ Малороссійскихъ же козаковъ) должны навсегда оставаться козачьими т. е. под-

вергающими владѣльца оныхъ исполненію возложенныхъ на сословіе сіе обязанностей, не смотря на то, хотя бы онъ пріобрѣлъ службой или инымъ образомъ права другого сословія“.

Затѣмъ г. Курдиновскій, доведя изложеніе законоположеній о Малорос. козакахъ до закона 1 декабря 1858 г. (стр. 282), обрываетъ здѣсь свои изысканія, не упоминая совсѣмъ ни о дѣйствующемъ законодательствѣ по этому вопросу вообще, ни о новомъ законѣ 17 мая 1899 г. въ частности. Благодаря этому, имъ совершенно не выяснено, какія же земли считаются по дѣйствующему праву неотчуждаемыми у Малорос. козаковъ?

Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи по дѣйствующему законодательству (до 1905 года) различается три вида козачьихъ земель, именно,—потомственныхъ козачьи земли, старозаимочныя и земли, благопріобрѣтенныя отъ стороннихъ лицъ не—козаковъ.

1) *Потомственные козачьи земли*, дошедшія къ козакамъ отъ ихъ предковъ и предоставленныя въ пользованіе козацкимъ обществамъ изъ числа казенныхъ земель, въ видахъ обезпеченія исправнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, находятся въ наслѣдственномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ (по закону 17 мая 1899 г.—въ собственности). Послѣдніе могутъ отчуждать такія земли только лицамъ своего сословія; обращеніе на нихъ взысканія за долги частныхъ лицъ безусловно воспрещается (стр. 763 и прим. 1 т. IX св. закон.: ст. 2 П. С. З. №5458 и 9326)

2) *Старозаимочныя земли*. Относительно этого вида земель въ дѣйствующемъ законодательствѣ имѣются указанія въ примѣч. 3 къ ст. 763 т. IX св. закон. по прод. 1890 г. и въ законѣ 17 мая 1899 года. По точному смыслу этихъ правилъ право свободнаго распоряженія и отчужденія какъ лично, такъ и цѣлымъ обществомъ козаковъ, признается только по отношенію къ тѣмъ заимочнымъ землямъ, на которыя у ихъ вотчинниковъ имѣются „законные документы о полной принадлежности имъ такой земли въ собственность“ въ силу пріобрѣтенія изъ частнаго владѣнія или Высочайшаго пожалованія въ прежнее время въ вотчину, или удостоеніе отъ мѣстнаго управленія государств. имущест-

вами о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежит къ разряду казенныхъ, лишь предоставленныхъ козакамъ, за ихъ службу и въ обезпеченіе окладныхъ сборовъ, въ потомственное пользованіе.

3) Земли, пріобрѣтенныя Малорос. козаками по купчимъ крѣпостямъ отъ дворянъ или разночинцевъ, составляютъ личную собственность ихъ владѣльцевъ и подлежатъ свободному отчужденію не только козакамъ же, но и частнымъ лицамъ (ст. 765 т. IX св. зак. по прод. 1890 г.)

Ничего этого г. Курд. не указалъ.

Изложеніе авторомъ вопроса объ ограниченіяхъ права собственности на недвижимости, вызванныхъ положеніями 19 февр. 1861 года, страдаетъ неполнотой (стр. 296—303). Такъ здѣсь ни слова не сказано: 1) объ установленіи Положеніями 19 февр. предѣльныхъ размѣровъ подворныхъ участковъ, обладаніе которыми допустимо на отдѣльный дворъ, въ отдѣльности а) для губерній юго-западнаго края (отъ 4^{1/2} до 9 десятинъ, смотря по мѣстности—см. ст. 88 мѣстн. полож. губ. юго-зап., ст. 102, IV по изд. 1902 г.) в) для сѣверо-западнаго края (не болѣе 3 подворныхъ участковъ на одного крестьянина—ст. 84 мѣстн. полож. сѣв.-зап. кр.; ст. 150, IV по изд. 1902 г.) с) и для Закавказья (13^{1/2}—30 десят., смотря по мѣстности—ст. 83 мѣстн. полож. Закавказ. края; ст. 298, IV по изд. 1902 г.).

2) Авторъ (стр. 300) не упоминаетъ объ установленіи Положеніями minimum'a дробленія подворныхъ участковъ для Малороссіи, Бессарабіи, Закавказья и Привислинскаго края (ст. 69, IV по изд. 1902 г.).

3) Имъ не указанъ законъ 8 іюня 1893 года о земельныхъ передѣлахъ, которымъ была ограничена крестьянская община въ свободѣ своей пользованія и распоряженія надѣломъ. Какъ извѣстно, закономъ этимъ были опредѣлены обязательный порядокъ и условія передѣловъ общинной надѣльной (полевой) земли; причемъ въ то же время самыя передѣлы были поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ и назначенъ наименьшій (12 лѣтъ) срокъ, въ который могутъ быть производимы передѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ ограничиваетъ право сельскихъ сходовъ на отобраніе надѣловъ изъ общинной земли у отдѣльныхъ до-

мохозяевъ, въ промежутокъ времени между передѣлами, немногими точно перечисленными въ самомъ законѣ случаями.

При изложеніи исторіи ограниченій въ распоряженіи землями, отданными во владѣніе колонистовъ, г. Курдиновскій не упоминаетъ важнаго по содержанию манифеста 1763 года, которымъ было установлено, что на землѣ, отводимой колонистамъ, каждой семьѣ нарѣзывается въ нераздѣльное потомственное владѣніе участокъ земли, называвшейся дворомъ—хозяйствомъ, размѣромъ въ 60—64 десят. Участки такіе, составляя семейную, не личную собственность, не подвергались раздѣлу послѣ смерти домохозяина. Наслѣдство должно было переходить къ одному сыну, большей частью къ младшему (миноратъ).

На стр 318—328 авторъ ошибочно относитъ правила нашего законодательства относительно заповѣдныхъ наследственныхъ имѣній къ случаямъ легальнаго ограниченія права собственника въ юридическомъ распоряженіи вещью. По прямому смыслу ст. 485 т. X ч. 1 св. закон. такое имѣніе почитается собственностью всего рода, для коего оно учреждено; владѣльцы же заповѣдныхъ, наследственныхъ имѣній являются не собственниками послѣднихъ, а лишь пожизненными пользователями доходами съ имѣній, подобно владѣльцамъ майоратовъ (стр. 328) или малоимущимъ дворянамъ-землевладѣльцамъ Симбирской и Тобольской губ. по закону 20 іюля 1848 года (стр. 333).

Не смотря на всѣ указанные недостатки и погрѣшности, рассматриваемое сочиненіе имѣетъ научное значеніе въ нашей юридической литературѣ. Заслугой автора является помѣщенное въ первой главѣ книги установленное имъ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ литературой вопроса, ясное и точное разграниченіе понятій границъ и ограниченій права собственности, т. е. той области ученія о правѣ собственности, въ которой со стороны цѣлаго ряда ученыхъ юристовъ допущены были крупныя ошибки. Руководящія начала, установленныя здѣсь авторомъ, дѣлаютъ на будущее время такія ошибки невозможными.

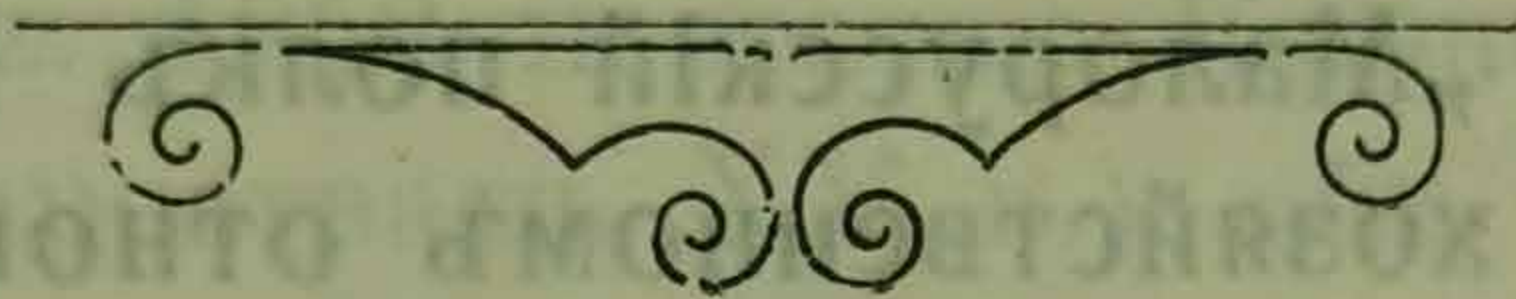
Дальнѣйшія изысканія г. Курдиновскаго въ области ученія о юридической природѣ и свойствахъ ограниченій права собственности показываютъ его основательное и серь-

езное знакомство съ многочисленной литературой предмета, хорошеі аналитическій умъ и умѣніе удачно разбираться въ сложныхъ и спорныхъ вопросахъ права, каковымъ, напр., здѣсь является вопросъ о томъ, можетъ-ли ограниченіе права собственности состоять въ обязанности что либо дѣлать. (§ 4 гл. 1 особенно стр. 51—56) или критика проекта гражд. Улож..

Конечно, главы II, III и IV его сочиненія много выиграли бы, если бы авторъ обратилъ болѣе вниманія на дѣйствующее наше положительное право, сенат. практику и ученія юристовъ по вопросамъ о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимости. Однако и то, что тамъ имѣется, представляетъ собою значеніе для исторіи развитія этихъ институтовъ въ нашемъ законодательствѣ. Всѣ помѣщенные въ этихъ главахъ очерки развитія отдѣльных видовъ легальныхъ ограниченій написаны г. Курдиновскимъ самостоятельно. Правда, г. Курдиновскій имѣлъ такихъ предшественниковъ, какъ Неволинъ и Побѣдоносцевъ, посвятившихъ довольно много страницъ вопросу объ ограниченіяхъ права собственности по русскому праву. Но специальныхъ изслѣдованій по этому вопросу какъ извѣстно у насъ нѣтъ, да и на Западѣ очень мало. Кромѣ того, въ сочиненіи Неволина (Исторія Росс. граждан. законовъ) данъ лишь историческій сводъ постановленій нашего законодательства о легальныхъ ограниченіяхъ, послужившій основаніемъ и для разсужденій Побѣдоносцева (въ его Курсѣ Гражд. права) по тому же вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за 50 лѣтъ, которые прошли со времени изданія книги Неволина, накопились новыя данныя въ нашемъ законодательствѣ; кое-что сдѣлано Сенатомъ и научными изслѣдованіями. Наконецъ, въ то время, когда писалъ свою „Исторію» Неволинъ, не былъ выясненъ вопросъ о природѣ границъ и ограниченій права собственности, не опредѣлены виды легальныхъ ограниченій права собственности, едва затронутъ вопросъ объ ихъ классификаціи, даже не оцѣнены многія историческія явленія въ области нашего гражданского права,—что, впрочемъ, можетъ быть сказано и по отношенію къ нашему времени. Въ книгѣ г. Курдиновскаго все это въ значительной степени устранено. Въ ней собранъ большой историческій

матеріаль, какъ изъ изданій историческихъ актовъ, такъ въ особености изъ полныхъ собраній законовъ, который критически разработанъ и освѣщенъ авторомъ съ новой точки зрѣнія, выдвинутой имъ въ первой главѣ сочиненія. Всюду авторъ дѣлаетъ свои выводы, опираясь исключительно на документальныя данныя, благодаря чему, его книга еще болѣе выигрываетъ въ своемъ содержаніи.

С. П. Никоновъ.

ОТЗЫВЪ

Заслуженнаго орд. проф. И. А. Линниченко

о представленной на соисканіе награды золотой медалью работѣ на тему: „Малорусскій полкъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ“.

Работа подъ девизомъ „въ дѣянніи начало бытія“ состоитъ изъ предисловія и 12 главъ. Въ предисловіи авторъ указываетъ на полную неразработанность занимающаго его вопроса въ исторической литературѣ. Данной темы касались лишь Максимовичъ въ краткой статьѣ, да Лазаревскій—труды котораго однако имѣютъ главнымъ образомъ характеръ матеріала. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что за недостаткомъ времени и за крайней сложностью вопроса онъ остановился главнымъ образомъ на первомъ отдѣлѣ темы. Перечисляя источники своей работы, авторъ замѣчаетъ, что главными его источниками (помимо печатнаго матеріала) были архивные документы, извлеченные имъ изъ Архива Малороссійской Коллегіи (хранящагося въ Харьковскомъ университетѣ) и документы Румянцевскаго музея. Въ обширномъ приложеніи авторъ прилагаетъ сдѣланную имъ копію рукописи—Справная книга Прилущкаго полка и обширныя выписки, частью *in extenso*, изъ Архива Малороссійской Коллегіи.

1-я глава труда посвящена общему вопросу объ административномъ устройствѣ Старой Малороссіи. Разсмотрѣвъ вопросъ о причинахъ усиленной колонизаціи южной Руси XVI вѣка, авторъ останавливается надъ вопросомъ объ административномъ дѣленіи въ Польшѣ, преимущественно на вопросѣ о старостахъ. Старостинское устройство, по мнѣнію ав-

тора, и было прототипомъ позднѣйшаго административно—военнаго строя Малороссіи—старосты часто были не только финансовыми прикащиками королей, но имѣли и рядъ функций—военныхъ, полицейскихъ и судебныхъ. Мысль эту, очень удачную, какъ устанавливающую преемственную историческую связь новаго устройства освободившейся изъ подъ власти Польши Малороссіи, съ существовавшимъ въ ней до этого административнымъ строемъ, авторъ могъ-бы, пожалуй, иллюстрировать болѣе детальнымъ сравненіемъ полковаго и старостинскаго управленія, но нужно сказать, что вопросы административнаго строя Польши въ исторической литературѣ очень мало разработаны. О староствахъ мы имѣемъ лишь старую статью въ *Bibl. Wirsz.* 1858 и статью Кутшебы (трактующую впрочемъ лишь о староствахъ XV в.), объ одномъ изъ южныхъ староствъ—монографію М. Грушевскаго—Барское староство, о Пинскомъ староствѣ работу А. Грушевскаго, да статью болѣе повѣствовательнаго характера Антонія Ролле. Такимъ образомъ автору пришлось-бы сдѣлать очень обширную и трудную работу по исторіи собственно польскихъ староствъ. Но нужно сказать, что и проведенныхъ авторомъ примѣровъ аналогіи функций достаточно для признанія его мысли вполне вѣроятной.

Въ примѣчаніи авторъ вскользь касается вопроса о происхожденіи козаковъ, преимущественно съ цѣлью опровергнуть этническую теорію А. В. Стороженка, думавшаго видѣть въ *Севрукахъ* потомковъ древнихъ Сѣверянъ. Справедливо отвергая эту теорію, авторъ склоняется болѣе всего къ теоріи происхожденія козачества проф. Леонтовича. Также критически разсматриваетъ авторъ и вопросъ о реформѣ Ружинскаго; по его мнѣнію, съ этого времени козачество становится сословіемъ, доступъ въ которое былъ закрытъ для другихъ сословій.

Въ административномъ дѣленіи Малороссіи со временъ Хмельницкаго проводится военное начало. Въ обширномъ примѣчаніи авторъ полемизируетъ съ Максимовичемъ по вопросу о времени происхожденія отдѣльных полковъ и многочисленными историческими справками доказываетъ неправильность многихъ датъ Максимовича. По автору, до Хмельницкаго были только военные отряды, дѣленіе-же на

территориально административныя единицы появляется только съ Хмельницкаго. До 1653 г. не было гетманщины, какъ цѣлой единицы, а слѣдовательно и не могло быть территориально-полкового дѣленія. Малороссія соединилась съ Великокороссіей на правахъ вассальнаго Государства. Формированіе лѣвобережной Украины оканчивается Журавскимъ мирьемъ 1676 г. Полки появляются на мѣстахъ старыхъ староствъ. Въ обширномъ примѣчаніи авторъ разбираетъ критически вопросъ о времени происхожденія и продолжительности существованія отдѣльныхъ полковъ, при чемъ указываетъ на разное въ разные періоды число полковъ. Число козаковъ въ отдѣльныхъ полкахъ въ разное время тоже разное, а общій подсчетъ населенія былъ сдѣланъ только при Скоропадскомъ.

Полковое дѣленіе было основано тоже на военномъ началѣ. Полки дѣлились на сотни, число которыхъ въ отдѣльныхъ полкахъ въ разное время было не одинаково. Сотни состояли изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ; военное начало въ нихъ выражалось въ куреняхъ. Въ хозяйственномъ отношеніи сотни дѣлились на староства, державства и войтовства; села—на войтовства и атаманства (но послѣдніе термины часто смѣшивались)

Замѣтимъ, что въ раннихъ актахъ Южной Руси войтовства никогда не смѣшиваются съ атаманствами—первыя свидѣтельствуютъ о существованіи нѣмецкаго права, атаманы и десятники—права русскаго. Интересно было-бы рѣшить, отъ какихъ причинъ зависѣло это смѣшеніе.

Взаимныя отношенія этихъ единицъ опредѣлялись натуральнымъ хозяйствомъ гетманщины. Всякая единица въ своихъ дѣйствіяхъ была совершенно самостоятельна. Централизація появилась здѣсь частью вслѣдствіе вліянія военнаго начала въ управленіи, затѣмъ подъ вліяніемъ Великокороссіи.

Полковая старшина (глава 2-я) распредѣляла между собою функціи польскихъ старостъ, но власть полковой старшины покоилась на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ власть польскихъ старостъ—послѣдніе были личными слугами короля, его прикащиками, и старались освободиться отъ другихъ функцій, кромѣ военныхъ (замѣтимъ однако, что существовало два рода старостъ — гродовыхъ и не гродовыхъ—пер-

вые съ юрисдикціей, вторые—безъ нея; староства въ Польшѣ были доходной статьей, такъ какъ старосты давали королю только кварту, т. е. $\frac{1}{4}$ доходовъ, да и этой $\frac{1}{4}$ часто не уплачивали; староство было и почетнымъ званіемъ, давая мѣсто въ сенатѣ; интересно, что староства существовали еще въ 19 вѣкѣ—такъ сенаторъ (польскій) Илинскій получилъ староство отъ Павла, (см. его записки, переведенныя нами).

Власть старшины основана на началѣ военномъ, главное его дѣло военное, но мало по малу она захватываетъ и другія функціи управленія—финансы, торговлю, хозяйственныя отношенія (такимъ образомъ, должности старость и полковниковъ развивались въ обратныхъ отношеніяхъ); захватъ этотъ на первыхъ порахъ объясняется военными нуждами. Гетманы, стремясь централизовать Малороссію, старались превратить полковниковъ въ своихъ слугъ, замѣщать высшіе уряды своими родственниками и слугами, но населеніе хотѣло имѣть выборныхъ полковниковъ; вслѣдствіе партійныхъ интересовъ, гетманы старались смѣщать неугодныхъ имъ полковниковъ. Послѣ 1709 года полковниками стали назначаться и великорусскіе офицеры, полковое управленіе приняло характеръ бюрократическій; появляются полковыя коллегіи, полковники дѣлятъ свою власть съ другими полковыми чинами, самоуправленіе сотенъ и городовъ стало стѣсняться.

Въ главѣ 3-й авторъ разсматриваетъ юридическія основанія полковничьей власти, составъ полкового управленія, компетенцію полковыхъ урядовъ.

Древнѣйшій способъ пріобрѣтенія полковничьяго званія—избраніе; съ 1638 г.—назначеніе гетманомъ, съ Хмельницкаго опять избраніе; позже—назначеніе царемъ—съ 1727 года съ общаго со всѣми совѣту (т. е. генеральной старшины). Авторъ указываетъ еще на случай перехода полковничества по завѣщанію и стремленіе сдѣлать эту власть наследственною. Полковники получали гетманскія и царскія инструкціи объ управленіи—трактаты. Должность полковника сначала—до ласки, но рано становится доживотной (здѣсь авторъ отмѣчаетъ Московское вліяніе).

Лишеніе званія—по приговору Козацкой рады, затѣмъ по суду, съ Мазепы—волею императора. Характеръ доживотной власти полковники потеряли въ 30-хъ годахъ 18-го в.

Содержаніе—сначала 100 злотовъ, затѣмъ мельницы, съ Самойловича—натурой, съ 1672 г. ранговья земли; (авторъ указываетъ на стремленіе полковниковъ обратить ихъ въ собственность) и часть сборовъ добровольныхъ съ населенія (ральяцы), съ 1732—особыя суммы вмѣсто ральяцевъ.

Помощники полковника—обозный, судья, асауль, хорунжий. Урядомъ судьи становятся окончательно съ 1722 г., съ 1763 г. устанавливаются 3 разряда судей—городскихъ, земскихъ и подкоморскихъ (автору слѣдовало бы указать на заимствованіе терминовъ изъ Польши). Писаря сначала личные писцы полковника; съ 1722 г. писарство становится должностью избирательной (авторъ возражаетъ Миллеру, смѣшивающему писарей полковыхъ и магистратскихъ). Замѣстителями полковниковъ являлись наказные полковники (терминъ авторъ производитъ отъ наказа полковниками).

Полковая рада, избиравшая и отрѣшавшая полковниковъ, переходитъ въ полковичью раду, а съ 1722 года въ полковое присутствіе (83). Кромѣ урядовъ, подчиненныхъ полковнику, были и не подчиненные ему—зависимые отъ центра (гетмана и московскаго правительства)—воеводы и компаніи. Воеводы не имѣли права вмѣшиваться въ инья дѣла, кромѣ военныхъ, но однако часто злоупотребляли своей властью. Охочекомонные полки зависѣли только отъ гетмана, ихъ роль полицейская.

Авторъ указываетъ и на вліяніе духовенства на полковое судопроизводство (но были и обратные случаи,—переносъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ духовенству въ свѣтскій судъ—напримѣръ, дѣла о разводѣ; на причины этого нами было указано въ спеціальной статьѣ) ¹⁾.

Въ главѣ 4-й разсматривается сотенное и мѣстное самоуправленіе. Авторъ указываетъ, что нѣкоторыя сотни были нѣкогда полками. Число сотенъ по полкамъ разное. Сотня, какъ военно-территориальная единица, состояла изъ мѣстечекъ и сель, независимыхъ отъ сотенныхъ властей, власть сотенной старшины распространялась только надъ козаками. Сотенное управленіе—по типу генеральнаго и полковаго управленій. Сотники входятъ въ полковую раду, участвуютъ

¹⁾ Брачные разводы въ древней Польшѣ и Юго-Западной Руси.

въ выборахъ полковника. Позже они становятся въ полное подчиненіе полковникамъ. Въ 17 и началѣ 18 вѣка, власть сотниковъ—выборная, позже—назначеніе генеральной канцеляріей.

Хотя города и села имѣли самоуправленіе, но рано, вслѣдствіе финансовыхъ причинъ, подпадаютъ въ зависимость полковыхъ и сотенныхъ властей; сельское населеніе до Хмельницкаго было въ массѣ крѣпостнымъ и не пользовалось самоуправленіемъ, съ Хмельницкаго крестьяне устраиваются по типу самоуправленія, на полномъ нѣмецкомъ правѣ. Правильнаго различія между мѣщанами и сельчанами не было (противъ Лазаревскаго авторъ указываетъ на терминъ мѣщане еще въ 17 вѣкѣ, 111).

Въ главѣ V-й разсматривается вопросъ объ управленіи городовъ и мѣстечекъ, насколько къ нимъ имѣли отношенія полковыя власти.

Города дѣлились на привилегированные (магистратовые) и непривилегированные (ратушные; авторъ указываетъ, что первыхъ было болѣе 10).

Вначалѣ малороссійскія власти покровительствуютъ первымъ. Отношенія мѣняются съ Скоропадскаго; съ 18 вѣка магистраты подпадаютъ сильному давленію со стороны полковыхъ властей; со второй половины 18 вѣка эту-же участь испытываютъ и ратушные, города. Управленіе въ городахъ—на выборномъ началѣ. Мѣщане имѣли право землевладѣнія и поэтому проникаютъ въ шляхетство. Но вслѣдствіе отсутствія мѣстной городской аристократіи, управленіе городское не имѣло силы. Съ Богдана Хмельницкаго войты выборные—до ласки. Остальныя выборныя должности—годовыя. Войтъ—судья (съ лавниками) и управитель (съ райцами). Войты утверждались—Кіевскій—царемъ, остальные—гетманомъ, и дѣлали отчеты о своей дѣятельности. Войты получали жалованье денежное, писаря городскіе—кормъ. Самостоятельныя во внутреннемъ управленіи города подпадаютъ съ Брюховецкаго подъ сильное вліяніе старшины, полковники стараются замѣстить войтовства своими кандидатами, берутъ съ войтовъ подписки въ послушаніи. Города падаютъ вслѣдствіе бѣгства мѣщанъ въ козаки, крестьяне и подъ протекціи. Полковая старшина налагаетъ руку на городскія доходныя земли.

Въ главѣ VI авторъ (131) дѣлаетъ очеркъ дѣятельности полковой канцеляріи. Завѣдываетъ ею полковый писарь; канцелярскіе служителя получали жалованье и доходы со сдѣлокъ. Канцелярія дѣлилась на нѣсколько отдѣленій; позже судебный писарь эмансипируется изъ подъ власти полкового писаря. Формы дѣлопроизводства или выработаны жизнью, или заимствованы изъ Польши и Великороссіи. Переписка увеличивается съ централизаціей. Въ 18 в. появляются ордера, рапорты, доношенія, промеморіи, инструкціи; ордера вытѣсняють универсалы. Въ канцеляріи существовалъ рядъ книгъ—входящихъ и исходящихъ бумагъ, декретовая, черная (уголовныхъ дѣлъ), реестровыя, нотаріальныя, куда вносились вѣновыя записи, завѣщанія, купля, продажа; существовали полковые архивы и разсылные (есаульники).

Съ учрежденіемъ полковыхъ канцелярій, улучшается и полковая отчетность, заводятся прихода-расходныя книги; другія финансовыя книги (жалованья полковымъ чинамъ, сказки о службахъ—авторъ замѣчаетъ, что Лазаревскій не воспользовался этимъ важнымъ матеріаломъ); записи цѣнъ базарныхъ, полицейская отчетность. Но, замѣчаетъ авторъ, отчетность вообще особеннымъ развитіемъ не отличалась, не было ни сознанія необходимости строгой отчетности, ни сроковъ для представленія отчетовъ. Исключеніе представляла судная отчетность съ 1722 года и отчеты полковой скарбовой коммиссіи. До Скоропадскаго полковая канцелярія—личный органъ полковника, съ Скоропадскаго—бюрократически коллегіальный органъ, съ 1722 г. полковые чиновники заняли вообще твердое и опредѣленное положеніе, и явилась возможность жаловаться на полковниковъ. На обратное положеніе городовъ авторъ указывалъ раньше, съ Румянцева полковыя канцеляріи сдѣлались только передаточнымъ исполнительнымъ органомъ. Дѣятельность полковой власти стала контролироваться Генеральной Канцеляріей.

Въ главѣ VII, авторъ говоритъ о военно-административномъ укладѣ молорусскаго полка. Вначалѣ авторъ дѣлаетъ краткій общій очеркъ этого уклада (замѣчу, что его правильнѣе было-бы включить въ первую главу). Первоначально полковая канцелярія сравнительно незначительна: воен-

ная и сословно—(козацко) судебная, затѣмъ она расширяется, обнимая всѣ стороны полковой (территориальной единицы) жизни, хотя и носить характеръ случайный. Расцвѣтъ полковничьей власти начинается съ Многогрѣшнаго—въ сферу компетенцій полковой власти втягиваются еще полиція, торговля и промышленность, помѣстные дѣла, судъ, финансы и полковое хозяйство.

Далѣе авторъ переходитъ къ детальному разсмотрѣнію функцій полковой старшины. Глава VIII посвящена военному дѣлу. Козачество знало только военную повинность; козачество само пополнялось (рѣдко дозволялось оказывать зажиточныхъ мѣщанъ). Число козаковъ колебалось. Полки дѣлились на пѣхоту и конницу (число—въ компутахъ).

Козаки сидѣли на своихъ земляхъ и являлись на службу по первому зову, получали жалованье (съ 1654 года по 30 золотыхъ или 3 руб.), позже жалованье отмѣняется, и козаки дѣлятся на выборныхъ и подпомощниковъ, доставлявшихъ козакамъ необходимое для поставки вооруженныхъ воиновъ. Козаки кромѣ того держали сторожу, собирали вѣсти, въ городахъ составляли гарнизоны. Полки имѣли артиллерию; въ 18 вѣкѣ существовали цѣлыя деревни пушкарей и армашей. Лишились полки артиллеріи послѣ Мазепы. Объ управленіи заботились города, имѣвшіе свою артиллерию. Но городскія укрѣпленія были вообще въ плохомъ видѣ. Съ Мазепы поправка крѣпостей легла исключительно на козачество, и крѣпости подчинялись руководству великорусскихъ офицеровъ. Великорусскія войска содержались на счетъ полкового населенія (консистентскія дачи). Собирали провіантъ провіантскіе коммисары. Съ 1751 г. натура была переведена на деньги. Полковая старшина должна была заботиться о помѣщеніи для великорусскихъ войскъ. Содержаніе этихъ войскъ разоряло города. Съ 1782 г. козаки преобразованы въ гусарскіе и пикинерскіе полки.

Въ главѣ 9-й авторъ разсматриваетъ *полицейскія* функціи полкового старшины.

Отстраненіе полковыхъ властей отъ военнаго дѣла превратило полковую старшину въ полицейское учрежденіе. Полицейскія функціи магистратовъ и сельскихъ учреждений

переходятъ къ старшинѣ. На нихъ возлагается ловля великорусскихъ бѣглыхъ крестьянъ; съ 1722 г. возникаютъ дѣла о паспортахъ—одно изъ средствъ закрѣпощенія—частные паспорта не признавались. Полковья канцеляріи должны были заботиться о поимкѣ дезертировъ, бѣглыхъ монаховъ. Войска посылались слѣдить за порядкомъ на ярмаркахъ, выборахъ старшины, усмирять бунты (иногда съ участіемъ драгуновъ). На полковую старшину возлагалась и пожарная полиція.

Полиціи благоустройства почти не существовало (хотя авторъ и даетъ краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ упорядоченію строительнаго дѣла).

Заботы о благоустройствѣ городовъ начинаются лишь съ 18 вѣка; но полковая канцелярія удѣляла имъ мало мѣста, онѣ были возложены, главнымъ образомъ, на городскія общины. Точно также заботы о путяхъ сообщенія лежали, главнымъ образомъ, на городахъ (авторъ подробно останавливается на особенномъ значеніи путей сообщенія для городовъ и старшины); съ пониженіемъ значенія городовъ починку путей сообщенія возлагаютъ, главнымъ образомъ, на мѣщанъ (авторъ подробно излагаетъ ходъ дѣла починокъ). Почтовые сообщенія производились за счетъ городовъ и мѣстечекъ; почтовая и подводная повинность обслуживала, главнымъ образомъ, интересы государства; установленіе правильнаго почтоваго сообщенія принадлежитъ почину Московскаго правительства; подводная повинность регулируется только съ Д. Апостола. Авторъ выражаетъ мнѣніе, что существовали и мѣстныя почты. Правильная внутренняя почта появляется съ 1736 года по указу Сената. Полковая канцелярія однако тяготилась почтовымъ дѣломъ и входила въ постоянныя пререканія съ городами по этому поводу.

Заботы о народномъ здоровіи были незначительны (причины 205); Московское правительство предписывало рядъ мѣръ для борьбы съ чумою и эпизоотіей (но болѣе правильная борьба съ послѣдней начинается съ Д. Апостола). Лѣкарей было мало, глазные лѣкаря и цырульники появляются лишь съ 18 вѣка. Санитарной частью завѣдывали городовые атаманы (съ 1649 г.), надзѣравшіе за очисткой городовъ, скотобойнями, поправками колодцевъ (въ примѣчаніи

авторъ полемизируетъ съ профессоромъ Кистяковскимъ по поводу правъ, по которому судится Малороссійскій народъ). Шпитали—до 18 вѣка частные, съ 1718 г. превращаются въ богадѣльни и переходятъ въ вѣдѣніе городского самоуправленія. Въ шпиталяхъ воспитываются призрѣваемые дѣти, устраиваются школы. Полковая старшина заботится о церкви, но вмѣшивается и въ церковныя дѣла, борется съ развратомъ, пьянствомъ и суевѣріями.

Въ главѣ X (239) авторъ разсматриваетъ отношеніе полковыхъ властей къ торговлѣ и промышленности. Съ 1669 г. на полковое начальство возлагается обязанность слѣдить за внѣшней торговлей и контрабандой. Болѣе близкое отношеніе имѣютъ полковыя власти къ торговлѣ внутренней (надзоръ за складами, ярмарками—послѣднія открываются въ дни опредѣленные генеральной канцеляріей, а съ 18 вѣка съ согласія генеральной скарбовой комиссіи), постройкой гостинныхъ дворовъ; устраиваются полковыя важницы, мѣры для хлѣба, локтей, ведеръ, гарнцевъ (хранятся въ магистратахъ и ратушахъ); завѣдываютъ перепиской товаровъ, запрещаютъ продавать вредные товары, устанавливають цѣны, заводятъ особыя книги для записи продажи (подписи свидѣтелей), устанавливаютъ порядокъ на ярмаркахъ, разбираютъ на нихъ уголовныя дѣла (остальныя дѣла разбираются урядниками), охраняютъ купцовъ во время пути. Въ пользу старшины идутъ особые сборы, индукта, эвекта, съ 18 вѣка появляются полковыя сборщики—коммисары и съ 1728 года полковая счетная (скарбовая) комиссія.

Старшина заботится о поднятїи ремесель. Цехи основываются съ согласія полковника, но находятся въ вѣдѣніи городского управленія. Цеховыя книги скрѣпляются полковниками. Съ Скоропадскаго на полковую старшину стали возлагать заботы о промыслахъ (конскіе заводы, разведеніе овецъ). Мануфактура переходитъ въ вѣдѣніе великорусскихъ чиновъ. Старшина заботится о поднятїи земледѣлія (выдаетъ зерно изъ казенныхъ магазиновъ), собираетъ свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ; съ тридцатыхъ годовъ 18 вѣка частное селитровареніе находится въ вѣдѣніи Бергъ-Коллегіи.

Глава XI разсматриваетъ земельныя дѣла. Пожалованіе землею дѣлается гетманомъ и полковникомъ за военныя

заслуги (на правѣ ленномъ вѣчистомъ, но давалось и лицамъ, въ войскѣ не служившимъ надданіе, маетности универсальныя и грамотныя—последнія по грамотамъ Московскаго правительства); новые полковники подтверждали старыя наданья; благодаря этому и 10 л. давности образуется вѣчистая собственность, утверждаемая Московскимъ правительствомъ. Практиковалось и надданіе дикимъ полемъ и осаживаніе слободъ. Заемка идетъ сначала свободно, но затѣмъ разрѣшается только шляхетству, козачеству и духовенству; на это выдавались полковниками листы, вносимые въ особыя полковыя книги. Полковники слѣдили за переходомъ земель въ другія руки. Купля-продажа земли вносилась въ магистратскія книги. Купчія—за подписью полковника. Въ 18 вѣкѣ могоричниковъ замѣнили чинами полковой канцеляріи. Старшина завѣдывала и дѣлами о размежеваніи. Если спорная мѣстность была на границахъ двухъ полковыхъ территорій, являлись уполномоченные обоихъ полковниковъ. Но не было опредѣленныхъ лицъ, производившихъ размежеваніе, и не было твердыхъ правилъ для его производства. Межевыя учрежденія появляются только съ 1763 года.

Глава XII трактуетъ о полковомъ судѣ. До 1648 г. существовалъ только полковый судъ, съ Хмельницкаго судья—полковникъ, затѣмъ появляется полковый судья, зависимый отъ полковника, производящій судъ въ качествѣ личнаго порученія полковника; рѣшеніе утверждалось полковникомъ. Со времени Многогрѣшнаго и Самойловича судья получаетъ бѣольшую самостоятельность и становится постояннымъ. Судья становится, главнымъ образомъ, сословнымъ козацкимъ судьей (по этому вопросу авторъ полемизируетъ съ Миллеромъ). Опредѣленнаго мѣста для суда не было; (авторъ подробно останавливается на вопросѣ, почему судъ производился въ ратушѣ). Въ 17 вѣкѣ на полковомъ судѣ присутствуетъ громада. Авторъ опровергаетъ мнѣніе Багалѣя о соотвѣтствіи громады и копы. Судъ производился, главнымъ образомъ, по праздникамъ. Громада являлась, главнымъ образомъ, въ качествѣ свидѣтеля, но сама не судила (въ этомъ ея существенное отличіе отъ копы); въ примѣчаніи авторъ споритъ съ Левицкимъ о значеніи словъ *зацный*, *зацные люди*.

Громада иногда смягчала приговоръ, заступалась за осужденнаго; этого достигало иногда и духовенство. Заступничество это исчезло съ 1709 года, замѣнившись просьбою вліятельныхъ лицъ. На Ратушномъ судѣ засѣдали войты, бурмистры, райцы, иногда воины, но если судился козакъ, то полковникъ посылалъ своего представителя въ судъ. Позже козацкая старшина затираетъ остальныхъ судей (въ примѣчаніи авторъ спорить съ Лазаревскимъ о судѣ надъ бунчуковыми товарищами). Составъ полковаго суда: полковникъ, судья, полковой писарь (вмѣсто полковника—его замѣститель). Въ 17 вѣкѣ на полковничьемъ судѣ присутвуютъ и городскіе чины—*Зацные*, т. е., главнымъ образомъ, бывшіе чиновники. Судъ административный не отличался отъ суда въ собственномъ смыслѣ. Далѣе авторъ разсматриваетъ судебный процессъ; рѣшеніе постановлялось по Статуту или Магдебургскому праву. До 1722 г. за разъясненіемъ запутанныхъ дѣлъ обращались къ генеральному судѣ. Уголовныя и гражданскія дѣла могли удовлетворяться согласно желанію сторонъ. Татная вира шла полковнику—вмѣсто платы осужденный могъ отработать. Судъ производился публичный (далѣе авторъ разбираетъ вопросъ объ апелляціи). Универсалъ 1722 года окончательно укрѣпляетъ полковый судъ съ коллегіальнымъ устройствомъ; наибольшей порядокъ въ судоустройство ввелъ Д. Апостоль. Полковый судъ становится и апелляціонной инстанціей для сотенныхъ судовъ; отъ полковаго суда апелляція шла къ генеральному судѣ; съ 1728 года смертная казнь утверждается гетманомъ. Для суда Великоруссовъ съ Малороссами учреждается смѣшанный судъ (Укажемъ, что авторомъ не ясно указаны взаимныя отношенія сотенныхъ и полковыхъ судовъ, — какія дѣла рѣшались первыми).

Съ 18 вѣка является стремленіе создать шляхетскій судъ. По реформѣ 1763 года судъ дѣлится на уголовный и гражданскій—городскій и земскій; составъ суда исключительно шляхетскій (полки дѣлились на судебные повѣты). Земскіе судьи—выборные отъ бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей (тутъ слѣдовало бы сравнить эти суды съ соотвѣстственными польскими). Дѣла по межеванію переходятъ въ подкоморскій судъ. При судѣ институтъ возныхъ—выбор-

ныхъ (замѣтимъ, иногда называвшихся просто выборными) функціи, которыя авторъ подробно описываетъ.

Изъ обзора труда автора видно, какъ онъ богатъ содержаниемъ, и какую массу разнообразныхъ вопросовъ затрагиваетъ. Если авторъ остановился главнымъ образомъ на 1-ой части темы, то вина этого лежитъ главнымъ образомъ на мнѣ—тема очень сложна и одолѣть ее, въ то ограниченное время, которое было предоставлено автору, особенно при той тщательности, съ которой обработанъ каждый отдѣльный вопросъ, было крайне затруднительно.

Трудъ автора имѣетъ серьезныя научныя достоинства. Авторъ основательно ознакомился со всей литературой вопроса, внимательно изучилъ источники печатные и прибавилъ къ нимъ рядъ новыхъ, никѣмъ еще не затронутыхъ рукописныхъ источниковъ, извлеченныхъ имъ изъ разныхъ архивовъ. Авторъ работаетъ вполне самостоятельно и обладаетъ несомнѣнными хорошими научно-критическими способностями. Ни одного положенія своихъ предшественниковъ онъ не принимаетъ на вѣру, а разбираетъ его критически, очень часто дополняя или опровергая фактами чужіе выводы, и съ многими его выводами нельзя не согласиться.

Скажу болѣе, если бы авторъ прибавилъ къ своему изслѣдованію общую главу, широкими штрихами резюмирующую его выводы, я бы безъ всякаго колебанія принялъ его для защиты на степень магистра Русской исторіи.

Въ виду такихъ серьезныхъ достоинствъ труда, честь имѣю ходатайствовать передъ факультетомъ о награжденіи его автора золотой медалью и просить о напечатаніи даннаго труда въ Запискахъ Университета ¹⁾.

Засл. орд. проф. И. А. Линниченко.

¹⁾ Историко-филологическій факультетъ присудилъ автору означенной работы золотую медаль. По вскрытіи конверта съ девизомъ авторомъ оказался студентъ 3-го курса Юридическаго факультета Михаилъ Слабченко,

О Т З Ы В Ъ

Заслуженнаго ордн. профессора И. А. Линниченко

о представленной въ 1909 г. на соисканіе золотой медали работъ подъ девизомъ „Kuwen ein Herth“ на тему „Кіевская земля въ эпоху Литовско-русскаго государства“.

Въ предисловіи къ своему обширному изслѣдованію авторъ излагаетъ систему, которой станеть держаться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вслѣдствіе разнообразія во внутреннемъ строѣ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ сложилась Кіевская земля, онъ предпочелъ разбить свое изложеніе на рядъ отдѣльныхъ очерковъ по повѣтамъ, предпославъ имъ общую часть, содержащую попытку разрѣшенія общихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ отдѣльные очерки (ист. политическую, церковную, состояніе обороны и управленія); наконецъ въ третьей части авторъ обѣщаетъ изложить вопросъ о населеніи Кіевской земли (его этнографическомъ составѣ, экономическомъ положеніи, общественномъ бытѣ и правовыхъ отношеніяхъ).

Изложеніе свое авторъ начинаетъ съ политической исторіи Кіевской земли изслѣдованіемъ вопроса о времени присоединенія Кіева къ Литвѣ. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, спорный. Сильный ударъ укоренившемуся мнѣнію о завоеваніи Кіева Гедиминомъ нанесъ проф. В. Б. Антоновичъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Очерки Исторіи Бел. Княж. Литовскаго“; подвергнувъ тщательному изслѣдованію рассказъ пространной (которую нашъ авторъ почему-то иногда называетъ „широкой“) лѣтописи. В. Б. Антоновичъ въ концѣ своего изслѣдованія приходитъ къ выводу, что Кіевъ завоеванъ не Гедиминомъ, а Ольгердомъ въ 1362.

Возражая проф. Антоновичу, покойный проф. Н. П. Дашкевичъ отстаиваетъ завоеваніе Кіева Гедиминомъ, но отодвигаетъ дату присоединенія Кіева къ Литвѣ съ 1321 г. на 1333. Авторъ подвергаетъ тщательному анализу аргументацію проф. Антоновича, Дашкевича, Грушевскаго, дѣлая иногда вѣсскія замѣчанія, напр. относительно значенія Межигорской рукописи (на которой основывается проф. Н. П. Дашкевичъ) какъ источника, о времени основанія гор. Снепорода и Черкасы (противъ Дашкевича и Грушевскаго, правильно устанавливаетъ дату „*Notagii Vladimiri ducis kijoviensis—1388*, а не 1333 (правильная дата этой грамоты, помѣщенной Кромеромъ въ *Inventarium archivi Regii* была уже доказана мною въ примѣчаніи къ одной рецензії, но мое замѣчаніе автору извѣстно не было).

Въ результатъ своего изслѣдованія авторъ старается установить дату завоеванія Кіева Литвою — 1356—7 годомъ— въ связи съ завоеваніемъ Литвою Сѣверщины. Укажемъ, что Густинская лѣтопись относитъ завоеваніе Подольской земли Литвою къ 1362 г., но не говоритъ, чтобы тогда же Ольгердъ захватилъ и Кіевъ. Выраженіе этой лѣтописи общее и неопредѣленное „Сей же Ольгердъ и инья русскія державы во власть свою прія, и Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взял“.

Во гл. 2-ой авторъ разсматриваетъ исторію Кіевской земли при первыхъ Литовскихъ князяхъ. Авторъ старается установить даты правленія Владиміра Ольгердовича—съ 1367—1394. Въ очеркѣ внутренней дѣятельности Владиміра Ольгердовича отмѣтимъ доказательства подлинности грамоты его Бехамъ. Основываясь на грамоты А. З Р., авторъ доказываетъ, что Влад. Ольгердовичъ былъ похороненъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Авторъ признаетъ (противъ проф. В. Б. Антоновича) достовѣрность извѣстія объ отравленіи Скиргайла въ Кіевѣ, присоединяясь къ мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, что это отравленіе было дѣло рукъ Влад. Ольгердовича. Дату его смерти авторъ относитъ къ 10/1 1396, исправляя при этомъ ошибку Е. Е. Голубинскаго, считавшаго Скиргайла католикомъ (по мнѣнію автора, проф. Голубинскій смѣшалъ Скиргайла съ Коригойломъ.) Далѣе авторъ старается опредѣлить

личность убитого въ сраженіи на Ворсклѣ 1399 г. кн. Ивана Борисовича Кіевскаго и, вопреки всѣмъ другимъ изслѣдователямъ, дѣлаетъ предположеніе, что онъ могъ быть сыномъ Бориса Коригайла.

По смерти Ивана Борисовича, по мнѣнію автора, Кіевскій столъ занялъ его сынъ Іоаннъ Владиміръ Іоанновичъ (Разборъ данныхъ Любечскаго синодика). Андрея Вруцкаго авторъ считаетъ сыномъ Іоанна Владиміра и полагаетъ, что онъ занялъ Кіевскій столъ по смерти Іоанна Владиміра, съ 1408 г. перешелъ въ Друцкъ.

Съ 1408 г. въ Кіевѣ сидитъ Олелько Владиміровичъ по 1422 г., а съ 1422 по 1433 Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій (*capitaneus*), а затѣмъ по 1435—Иванъ Владиміровичъ Ольгердовичъ въ качествѣ удѣльнаго князя. Въ примѣчаніи авторъ старается доказать подлинность грамоты Олелька Владиміровича Доминиканамъ противъ Вольфа и Малышевскаго, доказывавшихъ ея подложность. Авторъ приводитъ ссылку на эту грамоту въ вырокѣ Сигизмунда Кіевскимъ мѣщанамъ 1511 г.—Кіевляне не возражаютъ противъ этой грамоты, а само содержаніе ея говоритъ не въ пользу притязанія Доминиканцевъ.

Съ 1430—38 Кіевъ признавалъ въ качествѣ верховнаго Господаря Свидригайла (хотя въ 1432 г. Кіевъ на короткое время занимаетъ Ягайло). Кіевъ сталъ его главной военной квартирой. По автору, послѣ пораженія подъ Вилькомиромъ въ 1436 г. Свидригайло нашелъ себѣ пріютъ въ Кіевѣ. Но авторъ, основываясь на собранныхъ у Коцебу данныхъ, ошибается. С. бѣжалъ не въ Кіевъ, а въ Полоцкъ, а 24 Сентября былъ въ Витебскѣ. (An. Lewicki, *Powstanie Swidrygielly* 257—9); этого числа онъ писалъ Русдорфу, сознаваясь, что потерпѣлъ пораженіе. Характеризую Свидрагайла, авторъ возстаетъ противъ тѣхъ черныхъ красокъ, которыми польскіе хронисты старались изобразить личность этого Литовско-русскаго князя; по мнѣнію автора, С. отличался прямо-той, довѣрчивостью, искренностью, великодушіемъ, постоянствомъ въ дружбѣ и незлопамятностью. Слабыми сторонами его характера онъ признаетъ крайнюю раздражительность и отсутствіе талантовъ организатора и полководца. По его мнѣнію, С. прослѣдовалъ двѣ основныя цѣли: защиту рус-

ской національности и русской религии. Жаль, что автору осталось неизвѣстнымъ специальное изслѣдованіе проф. Левицкаго о Свидрагайлѣ, основанное на обширномъ актовомъ матеріалѣ. Левицкій даетъ очень неблагоприятную характеристику этого Литовскаго князя: *S. należy do tych osobistosci, u których ambicya osobista i nie tylko ambycia pokrywa sie paszczykiem zasad, но однако и самъ Левицкій замѣчаетъ, что вѣроятно С. долженъ былъ имѣть какія нибудь симпатичныя черты, если сумѣлъ вызвать такія симпатіи среди Русскихъ, Литовцевъ и даже Поляковъ (51). Послѣ Свидригайла Кіевскій столъ переходитъ опять къ Олельку Владиміровичу, занимавшему его 14 л. (передъ тѣмъ Кіевомъ на короткое время овладѣлъ Михаилъ Сигизмундовичъ). Авторъ указываетъ на его колонизаторскую дѣятельность и защиту православной церкви (О. не допустилъ въ своемъ удѣлѣ утвердиться уніи). Передъ смертью онъ постригся въ монашество. Датой его смерти авторъ считаетъ конецъ 1455 г. —противъ Максимовича, принимавшаго дату 1484. Отмѣтимъ здѣсь еще исправленіе авторомъ даты грамоты Арх. Сангушковъ № 37—съ 1442 на 1434 г. По смерти Олелька Кіевъ былъ отданъ его сыну Семену (отмѣтимъ мнѣніе автора, что причиною, почему Казиміръ не удовлетворилъ просьбы дѣтей Олелька о раздѣлѣ дѣдины, былъ поворотъ Литовской политики въ сторону большой централизаціи).*

Авторъ отмѣчаетъ колонизаторскія заботы Семена О—ча, указываетъ однако на увеличеніе имъ бремени податей (для военныхъ цѣлей) и заботы о православной церкви. Скончался Семень О—гъ въ 1470 г. Въ примѣчаніи авторъ хотя и признаетъ грамоту Андрея Боголюбскаго Печерскому монастырю подложной, но находитъ возможнымъ пользоваться ею какъ источникомъ для того времени, въ которое она впервые появилась т. е. для XV в. и думаетъ, что первый кто ее подтвердилъ, былъ Семень Олельковичъ.

Затѣмъ авторъ передаетъ дѣло о назначеніи М. Гаштольда Кіевскимъ воеводой (съ 1470 г. Кіевская земля стала воеводствомъ). По поводу казни Михаила Олельковича, обвиненнаго въ заговорѣ на жизнь Казиміра, авторъ утверждаетъ, (вопреки проф. В. Б. Антоновичу 1) что казнь была тайной, 2) что она совершилась не въ 1482, а въ 1481 г. (но

мы не совсѣмъ понимаемъ фразы автора:—*сомнительное происхожденіе рукописи Нарбутта, довольно хорошо освѣдомленной объ этомъ дѣлѣ*).

Въ дѣлѣ М. Глинскаго авторъ отмѣчаетъ сочувствіе ему Кіевлянъ и Кіевского духовенства (архим. Вассіана), возражая проф. Антоновичу по вопросу объ участи Остафія Дашковича во главѣ своихъ повѣтовъ въ дѣлѣ Глинскаго,—такъ какъ Дашковичъ былъ тогда только намѣстникомъ Кричевскимъ; впрочемъ сочувствіе Кіевлянъ Глинскому было только пассивнымъ, такъ какъ только одинъ Мозырь отворилъ ему ворота (противъ проф. Антоновича).

На дѣлѣ Глинскаго авторъ заканчиваетъ свой краткій обзоръ политической исторіи Кіевской земли, хотя и самъ замѣчаетъ, что послѣднимъ актомъ въ политической исторіи Кіевской земли было отраженіе ея отъ Литвы къ Польшѣ. По его мнѣнію, политическая исторія Кіевской земли, питавшаяся проявленіями революціоннаго характера, прекращается съ исчезновеніемъ этихъ революціонныхъ проявленій. Авторъ, очевидно, этимъ хочетъ сказать, что съ превращеніемъ въ воеводство Кіевская земля перестаетъ быть политической единицей—сначала Кіевская земля была вассальнымъ княжествомъ, а затѣмъ становится провинціей Литовскаго государства.

Во гл. III, указавъ на то, что въ разсматриваемый имъ періодъ Кіевская земля составляла то вассальное княжество, то провинцію Литовско-русскаго государства, авторъ останавливается на вопросѣ, какія связи соединяли Кіевскую землю съ центромъ въ оба момента ея существованія, и какой компетенціей обладали правительственные органы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и наконецъ, какія связи соединяли отдѣльные повѣты Кіевской земли съ центромъ, и какія компетенціи принадлежали этимъ правительственнымъ органамъ.

Кіевскіе князья даютъ великому князю клятву въ вѣрности и клятву въ помощи. Они участвуютъ въ великокняжеской радѣ (авторъ указываетъ на три документа великокняжеской канцеляріи, подписанные Кіевскими князьями и на три случая, когда Кіевскіе князья принимаютъ участіе въ военныхъ операціяхъ Вел. Княжества). Правъ внѣшнихъ

сношеній Кіевскій князь, по мнѣнію автора, не имѣлъ. Въ отношеніи внутренняго управленія авторъ, вопреки проф. Грушевскому, считаетъ Кіевскихъ князей совершенно самостоятельными. Они имѣли даже право чеканить собственную монету (хотя съ Татарской тамгой), имѣли свою раду, именовали себя „Божьей милостью“ „Государь—отчичь“, вообще обладали властью военной, судебной, административной и финансовой.

Отмѣтимъ здѣсь полемику автора съ проф. Грушевскимъ по вопросу о самостоятельности власти Кіевского князя. Г. считаетъ ее весьма ограниченной властью великаго князя, въ доказательство чего приводитъ актъ отмѣны послѣднимъ постановленія Кіевского князя, отнявшаго у Юршича имѣніе. Авторъ приводитъ актъ, доказывающій, по его мнѣнію, право Кіевского князя лишать бояръ ихъ вотчинъ, и вмѣшательство великаго князя въ случаѣ, приводимомъ Грушевскимъ, объясняетъ особымъ вниманіемъ великаго князя къ заслугамъ Юрши. Но у обоихъ авторовъ въ данномъ случаѣ въ распоряженіи только по одному акту, почему этотъ споръ можетъ быть разрѣшенъ только аналогіей съ практикой великихъ князей въ отношеніи другихъ удѣльныхъ князей.

Земля дѣлилась на намѣстничества и воеводства (хотя въ нѣкоторыхъ волостяхъ Кіевской земли сидѣли и родственники Кіевского князя въ качествѣ его вассаловъ). Ставшая воеводствомъ Кіевская земля дѣлится на повѣты и волости. —1-ое административное дѣленіе бѣльшей величины, центромъ котораго является господарскій замокъ, 2-е—административное дѣленіе меньшей величины, не всегда имѣвшее такой центръ (волостями назывались и частныя обширныя имѣнія—термины эти не отличались вообще устойчивостью).

Воеводы, какъ замѣстители удѣльныхъ князей, сохраняли въ своемъ положеніи нѣкоторыя ихъ прерогативы—участіе въ великокняжеской радѣ, военачальство, верховный надзоръ въ предѣлахъ своей волости. Намѣстники стояли во главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ. Этотъ терминъ былъ затѣмъ замѣненъ терминами—старосты и державцы (1-е—въ южныхъ повѣтахъ, 2-е—сѣверныхъ). Кіевскому воеводѣ подчинены ополченіе не только Кіевского повѣта, но и другихъ повѣ-

товъ Кіевской земли; они были комендантами крѣпостей, хотя надзоръ за замковыми сооруже́ніями лежалъ на городничихъ.

Воевода издаетъ уставныя грамоты, регламентирующія не только свѣтскую, но и духовную жизнь своей области. Въ дальнѣйшемъ авторъ детально разбираетъ административную, хозяйственную и финансовую компетенцію воеводъ, между прочимъ раздачу земель до воли господарской (съ утвержденія Господаря), вводъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Однако не всѣ роды податей находились въ завѣдываніи воеводы—медовую дань собирали ключники, непосредственно назначаемые господаремъ. Подати натурой и деньгами поступали въ *скарбъ*, который авторъ приравниваетъ, едва ли основательно, къ *ключу*. Собираемыя средства шли на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Что касается права на *грабежъ* въ экстренныхъ случаяхъ, то изъ приводимаго авторомъ примѣра едва ли можно сдѣлать утверждаемый имъ выводъ (Судья оправдалъ Алексѣя, такъ какъ деньги пропали не по его винѣ). Затѣмъ авторъ перечисляетъ разные разряды пошлинъ, мыто и т. д.

Судебная власть воеводы распространялась безусловно лишь на господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ, не пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ; лишь въ 4 случаяхъ (*termini castrensens*—разбой, гвалтъ, поджогъ, изнасилованіе) воевода судилъ всѣхъ, кромѣ состоящихъ подъ Магдебургскимъ правомъ.

Воевода могъ дѣла разбирать лично, или замѣнять себя довѣреннымъ лицомъ.

Наконецъ Кіевскимъ воеводамъ были предоставлены права сносятся съ Кромскими и Заволжскими ханами.

Далѣе авторъ разсматриваетъ штатъ Кіевского воеводы, но отдѣлить, что шло на содержаніе штата, что самому воеводѣ, не представляется возможнымъ, хотя авторъ и перечисляетъ рядъ сборовъ, шедшихъ на воеводу. Подобно воеводамъ, старосты и намѣстники имѣли въ своихъ повѣтахъ власть судебно-административную и хозяйственную, а нѣкоторые (Путивльскій и Черкасскій старосты) и политическія полномочія—въ отношеніи Татаръ; на содержаніе старостъ шли разные сборы и сверхъ ординарное вспоможеніе.

Въ спорѣ между проф. Антоновичемъ, Любавскимъ и Леонтовичемъ объ отношеніяхъ отдѣльныхъ повѣтовъ къ воевод-

ству, авторъ примыкаетъ къ мнѣнію Любавскаго о главенствѣ Кіевскаго воеводы надъ всей Кіевскою землею (въ примѣчаніи онъ указываетъ, что, вопреки проф. Антоновичу, Кіевскому воеводѣ подчинялись въ военномъ отношеніи не 2, а 4 повѣта); воеводы вводили во владѣніе пожалованными имѣніями не въ одномъ Кіевскомъ повѣтѣ, а и въ другихъ; въ военномъ отношеніи старосты подчинялись воеводѣ; для „лѣпшей твердости“ воеводы прикладывали свою печать на нѣкоторые акты старостъ, и вообще воеводы являлись высшей въ іерархическомъ отношеніи инстанціей въ отношеніи старостъ, слѣдя за дѣйствіями послѣднихъ и отмѣняя ихъ несообразныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого Кіевская земля, ставъ воеводствомъ, не распалась на составныя части, а продолжала оставаться единой, и если внутри своей волости старосты были также самостоятельны, какъ воеводы въ своемъ повѣтѣ, то въ іерархическомъ отношеніи они находились къ нему въ подчиненіи.

Въ гл. IV авторъ разсматриваетъ способы защиты Кіевской земли. Перечисляя рядъ набѣговъ Татаръ съ конца XIV в. для доказательства того, какъ опасно было положеніе Кіевскаго населенія даннаго періода, авторъ указываетъ разные способы его защиты—дипломатическіе переговоры, упоминки, сторожевые посты на Татарскихъ шляхахъ (Черный и Муравскій). Перечисляя города, какъ важнѣйшее средство обороны, авторъ указываетъ на плохое состояніе укрѣпленій, недостатокъ боевыхъ припасовъ, неохоту мѣстнаго населенія поддерживать укрѣпленія. Военной службой обязаны были мѣщане, слуги (авторъ указываетъ, когда, и почему, количество послѣднихъ сократилось) бояре, наемные жолнеры (изрѣдка), поселенія инородцевъ (Татары) на границахъ; частная инициатива въ защитѣ выражалась въ артеляхъ промышленниковъ для защиты уходовъ, возведеніи частными лицами замковъ для защиты своихъ владѣній (болѣе подробно авторъ останавливается на проектѣ Вишневецкаго укрѣпить Днѣпровскіе пороги). Авторъ приходитъ къ выводу, что при наличности средствъ обороны, какими она могла располагать, Кіевская земля имѣла возможность, если не съ успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ съ честью противостоятъ Татарскимъ нападеніямъ, но совершенная непри-

годность административнаго механизма Лит. государства лишила ее надлежащей устойчивости въ борьбѣ съ кочевниками и тѣмъ причиняла населенію неисчислимыя потери.

Въ гл. V авторъ останавливается на церковныхъ дѣлахъ Кіевской земли. Цѣль его изложенія указать, почему первое сѣдалище митрополитовъ всея Руси оказалось не подъ Московскими, а Литовскими ставленниками—перейдя къ Литовскимъ митрополитамъ, Кіевская кафедра становится подъ верховный надзоръ Литовскихъ князей и входитъ въ связь съ другими установленіями, служащими выраженіемъ Литовско-Русскаго права. Поставленная въ эти конкретныя условія, она должна была естественно, до извѣстной степени, измѣнить свою физономію—пока только въ отношеніи правоваго положенія и внутренняго быта, а затѣмъ, на сравнительно непродолжительное время, и въ отношеніи догматическаго ученія. Отмѣтимъ въ этой главѣ споръ автора съ проф. Е. Е. Голубинскимъ относительно митрополита Феодорита, утвержденіе его (противъ мнѣній проф. Антоновича и Владимірскаго—Буданова), что Исидоръ былъ принятъ въ Кіевѣ. Авторъ рядомъ фактовъ старается подтвердить справедливость упрековъ Кіевскимъ митрополитамъ въ пренебреженіи къ Литовской половинѣ своей паствы и въ частности къ Кіеву.

Авторъ подробно останавливается на вопросѣ о способахъ избранія кандидатовъ на митрополичій престолъ, различая въ немъ нѣсколько моментовъ—дозволеніе господаря, взысканіе кандидата, избраніе, постановленіе (благословеніе патріарха) и посвященіе. Обычай избранія митрополитовъ людьми всѣхъ становъ съ теченіемъ времени падаетъ, замѣняясь или рекомендаціей пановъ Греческаго закона, или просто подкупомъ (даже переуступкой митрополии по своему животѣ). Останавливаясь на *jus patronatus*, авторъ замѣчаетъ, что оно, какъ выраженіе первоначально верховныхъ правъ Господаря, въ силу феодалныхъ отношеній Литовско-русскаго государства, перешло и къ частнымъ владѣльцамъ по мѣрѣ того, какъ имъ раздавались государственныя земли „со всеимъ правомъ и паньствомъ“; наконецъ въ послѣдней стадіи своего развитія *jus patronatus* стало смѣшиваться съ правомъ подаванія самихъ должностей. Ре-

зюмируя все сказанное въ этой главѣ, авторъ замѣчаетъ, что, освободившись отъ власти и контроля Константинопольскихъ патріарховъ, Кіевскіе митрополиты попали въ зависимость отъ Литовскихъ Господарей, а нисшее духовенство — и отъ частныхъ владѣльцевъ, бывъ предоставлено ихъ произволу. Разумѣется, это не могло не подрывать авторитета духовенства; понижалась и народная нравственность, за отсутствіемъ въ тѣ времена другихъ средствъ для ея поддержания на должной высотѣ.

Въ предисловіи къ I ч. авторъ излагаетъ причины, по коимъ онъ въ своемъ изложеніи не станетъ придерживать обычной схемы для исторіи отдѣльныхъ земель. Обширная Кіевская земля представляла большое разнообразіе, какъ въ отношеніи географическаго положенія, такъ и въ отношеніи соціального строя; но такъ какъ отдѣльные повѣты, близкіе по географическимъ условіямъ, разнились по своему соціальному строю, то авторъ и не могъ подѣлить, вслѣдствіе такого несовпаденія, Кіевской земли на отдѣльныя крупныя полосы и предпочелъ разсматривать отдѣльно каждый повѣтъ со стороны его колонизаціи, экономическаго состоянія и соціальной группировки населенія. Авторъ самъ признаетъ обзоръ повѣтовъ центральной частью своей работы; впереди же него и за нимъ онъ помѣщаетъ общіе очерки — въ I ч. обзоры политической и церковной исторіи и состоянія обороны и укрѣпленій, а въ III-й — выводы и обобщенія, дополненія и комментаріи къ II части (объ этнографическомъ составѣ населенія, его экономическомъ бытѣ и правовыхъ опредѣленіяхъ). Въ концѣ очерка cadaго отдѣльнаго повѣта авторъ прилагаетъ карту, на которую старается нанести всѣ тѣ населенныя мѣста, мѣстоположеніе которыхъ оказалось возможнымъ опредѣлить. Повѣты авторъ располагаетъ съ сѣвера на югъ (Мозырскій, Овручскій, Житомирскій, Любецкій, Остерскій, Чернобыльскій, Кіевскій и Черкасскій). Въ описаніи cadaго повѣта авторъ начинаетъ съ обзора его геологическаго строенія, физико-географическихъ условій и данныхъ объ его флорѣ и фаунѣ; въ связи съ этими физическими условіями авторъ говоритъ и о главныхъ занятіяхъ населенія; далѣе авторъ, не ограничиваясь собранными у Похилевича, Яблоновскаго и въ *Slownik geogra-*

ficzny królestwa Polskiego данными, на основаніи самостоятельнаго изученія актовaго и лѣтописнаго матеріала даетъ перечисленіе отдѣльныхъ поселеній, о которыхъ сохранились свѣдѣнія, старается опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, слѣдить за ихъ исторической судьбой и вообще за движеніемъ земельной собственности въ отдѣльныхъ повѣтахъ. Въ концѣ cadaго очерка онъ останавливается на соціальныхъ условіяхъ въ повѣтахъ, отличая ихъ особенности.

Весьма кропотливый трудъ автора въ этомъ раздѣлѣ произведенъ имъ весьма тщательно и вполне самостоятельно. Мы остановимся на изложеніи лишь тѣхъ выводовъ автора, въ которыхъ онъ расходится съ другими изслѣдователями, и даетъ самостоятельныя рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ.

Въ Мозырскомъ повѣтѣ авторъ указываетъ на развитіе общиннаго строя, выборныхъ старцевъ, получавшихъ вознагражденіе отъ населенія, слабое развитіе боярскаго землевладѣнія, вліявшаго однако на разрушеніе общиннаго строя, дѣленіе на *недѣли* въ отношеніи къ исправленію замковой службы (авторъ не согласенъ съ проф. Любавскимъ относительно мѣстоположенія с. Копневичи, относя его къ лѣвой сторонѣ р. Мороча), даетъ перечисленіе державцевъ и населенныхъ пунктовъ. Послѣднихъ авторъ насчитываетъ 70 при 1254 хозяйствахъ; авторъ придерживается обычнаго прежде исчисленія—5 человѣкъ на дворъ, почему исчисляетъ все населеніе Мозырскаго повѣта въ 6270 ч. Но въ настоящее время статистика народонаселенія принимаетъ другую среднюю цифру населенія двора или хозяйства; и проф. Павинскій (*Zródła dziejowe*) для древней Польши, и П. Н. Милюковъ для древней Московской Руси принимаютъ цифры—первый въ 7 ч., второй—около 7.

Авторъ отмѣчаетъ и значительную населенность поселеній, доходящую до 99 дворовъ, чего не видимъ въ другихъ повѣтахъ Кіевской земли. Объясняетъ это авторъ топографіей края, дававшей населенію размѣщаться только на возвышенностяхъ, разбросанныхъ удаленными другъ отъ друга островами и сравнительной безопасностью отъ кочевниковъ, которые мѣшали населенію на югѣ существовать сплоченными массами.

Въ *Овручскомъ* повѣтѣ авторъ отмѣчаетъ значительное развитіе земледѣлія, вслѣдствіе большей безопасности этой сѣверной мѣстности. Въ средѣ мѣщанъ находимъ значительное число ремесленниковъ. Что касается Овруцкой шляхты, характеристикъ которой посвящено спеціальное изслѣдованіе проф. Антоновича, то авторъ не находитъ нужнымъ создавать для нея особый разрядъ—околичной шляхты (какъ ее называлъ проф. Антоновичъ)—въ такомъ же бытѣ жила и Любечская шляхта; простоту быта и родовыя отношенія Овручской шляхты авторъ объясняетъ ея матеріальной необеспеченностью и такъ сказать захолустностью ея мѣстожителства. Авторъ отмѣчаетъ, что въ эпоху Литовскихъ князей въ Овручѣ сидѣли родственники Кіевскихъ князей.

Говоря о повинностяхъ населенія, авторъ доказываетъ, что запись о медовыхъ даняхъ (А. З. Р. I, № 26), обыкновенно относимая къ 1415 г., болѣе поздняго происхожденія. Приводя доказательства тому, что она не могла быть составлена раньше 1471 г., авторъ датируетъ ее началомъ XVI вѣка (вѣрнѣе періодомъ 1471—1507). Укажемъ, что въ документѣ 1437 Мишковичу авторъ едвали основательно относить выраженіе—*дѣти* ко всѣмъ упоминаемымъ въ актѣ лицамъ, вѣрнѣе, что оно относится только къ Дмитріевичамъ. Противъ проф. Владимірскаго-Буданова авторъ доказываетъ, что Заушье не село, а волость, въ военномъ отношеніи тянувшая къ Кіеву, а въ административномъ къ Овручу.

Сравненіе люстрацій XVI в. показываетъ, что населеніе г. Овруча въ 1571 г. уменьшилось сравнительно съ населеніемъ, отмѣченнымъ люстраціей за 25 л. до того. Объясняетъ это авторъ увеличеніемъ повинностей, вслѣдствіе освобожденія частновладѣльческаго населенія отъ земскихъ повинностей, а больше всего тѣмъ, что владѣльческіе люди, вслѣдствіе большаго спокойствія отъ Татаръ, разошлись по своимъ селищамъ.

Въ *Житомирскомъ* повѣтѣ авторъ отмѣчаетъ развитіе земледѣлія (въ южной части) и промысловъ (особенно бортнаго). Среди сельскаго населенія преобладаютъ данники, слуги, меньшинство составляютъ люди тяглые. Въ XVI в. большинство сельскаго населенія попало въ руки землянъ. Мѣщане, не отличавшіеся по занятіямъ отъ сельскаго насе-

ленія, вслѣдствіе Татарскихъ опустошеній, были избавлены отъ многихъ повинностей. Среди землянъ много магнатовъ. Житомирское землянство отличалось самоуправствомъ.

Достовѣрныя свѣдѣнія о Житомирѣ относятся къ 1393—5 г. Въ 1482 онъ былъ сильно опустошенъ Менгли-Гиремъ. Въ Житомирѣ были намѣстники, а съ 1520 г.—старосты. Съ 1559 г. въ Житомирѣ собирались повѣтовые сеймики.

Въ частности отмѣтимъ еще нѣкоторыя мнѣнія автора: противъ Похилевича, онъ утверждаетъ, что с. Осово, которое первый относитъ Кіевскому воеводству, находилось въ Минскомъ воеводствѣ (сѣв. часть Борисовскаго у.). Князей Звягольскихъ авторъ считаетъ потомками Ивана Борисовича Кіевскаго.

Въ *Любечскомъ* повѣтѣ авторъ отмѣчаетъ заселеніе его мелкой околичной шляхтой.

Относительно *Остерскаго* повѣта авторъ замѣчаетъ, что онъ принадлежалъ сначала кн. Ружинскимъ зе Сквиря (потомки Тугорхана), а съ 1542 г. становится повѣтомъ Кіевскаго воеводства. И здѣсь авторъ отмѣчаетъ захудалость боярства, отсутствіе соціальной обособленности сословій. Населеніе распредѣлялось главнымъ образомъ по обоимъ берегамъ р. Десны хуторами въ 3—4 двора (остальная часть повѣта мало удобна для заселенія).

Въ частности отмѣтимъ мнѣніе автора о происхожденіи Сѣкиръ отъ князей Гольшанскихъ.

Въ описаніи *Путивльскаго* повѣта (управлявшася намѣстникомъ, имѣвшимъ своихъ служебныхъ бояръ, и сотниками, стоявшими во главѣ волостей) отмѣтимъ мнѣніе автора, что списокъ земель Свидригайла относится къ 1432—6, а не 1402 г., и доказательство (contra Грушевскій), что документы о сторожевой и станичной службы на польскихъ границахъ Московскаго государства источникъ мало достовѣрный.

Въ описаніи повѣта *Чернобыльскаго* авторъ отмѣчаетъ слабое развитіе земледѣлія, сравнительно съ промыслами (бортный, рыболовство, звѣроловство) и рѣдкость населенія, и указываетъ, что Чернобыльскій замокъ основанъ около 1521—2 г. До этого времени его территорія дѣлилась между повѣтами Кіевскимъ и Овручскимъ. Наконецъ авторъ

сомнѣвается въ русскомъ происхожденіи кн. Довмонта (но безъ доказательствъ). Наибольшее вниманіе удѣляетъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, повѣту Кіевскому.

Въ описаніи физикогеографическихъ качествъ Кіевского повѣта отмѣтимъ нѣсколько неожиданное мнѣніе автора о климатѣ Кіева въ древности, здоровый по теперешнему мнѣнію, этотъ климатъ былъ нездоровъ въ прежнее время. Авторъ выводитъ это изъ словъ Михалона Литвина „человѣка бывалаго и знакомаго съ тѣмъ, что онъ говоритъ“. Но М. Л. сообщаетъ лишь, что пріѣзжіе заболѣвали здѣсь лихорадкой, „происходившей отъ дневнаго сна и неосторожнаго употребленія рыбы и плодовъ, а лошади ихъ бываютъ больны отъ травы, зараженной разливомъ рыбнаго Днѣпра“. Такимъ образомъ пріѣзжіе заболѣвали просто отъ неумѣнья гигиенически жить и отъ обжорства, а хорошій кучеръ не станетъ кормить лошадей свѣжей травой съ поемныхъ луговъ. Къ климату это имѣетъ мало отношенія. Отмѣтимъ сомнѣніе автора въ существованіи привиллегій Кіевской шляхты, выданной Витовтомъ (противъ Ясинскаго); древнѣйшей такой привиллегіей авторъ считаетъ привиллегію Казиміра. Точно также (противъ Ясинскаго) авторъ не находитъ никакихъ слѣдовъ существованія привиллегіи Витовта Кіевскимъ мѣщанамъ, и первой ихъ привиллегіей считаетъ грамоту Казиміра. Возражаетъ авторъ и противъ мнѣнія проф. Антоновича, что Магдебургское право было дано Кіеву еще въ половинѣ XV в. Возражаетъ онъ и Грушевскому, присоединяющемуся къ мнѣнію проф. Антоновича и указывающему на упоминанія о войтѣ и нѣм. правѣ въ грамотѣ 1494 г.; авторъ замѣчаетъ, что въ этой грамотѣ нѣтъ упоминанія о нѣм. правѣ, а войтовъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ Кіевской земли. Дѣйствительный же показатель существованія Нѣм. права—коллегія бурмистровъ и райцевъ, отсутствуетъ въ грамотѣ 1494 г. Поэтому пожалованіе Кіеву Магдеб. права авторъ относитъ къ періоду 1494—97 г. (Замѣтимъ однако, что иногда города въ Польшѣ и Литвѣ пользовались неполнымъ Магдеб. правомъ, лишь впоследствии переходя на полное нѣм. право). Авторъ замѣчаетъ, что до конца періода Кіевское мѣщанство не успѣло сформироваться въ городское сословіе. Мѣщанскіе про-

мысли развиваются главнымъ образомъ на почвѣ ухощества, земледѣліе же—на почвѣ частнаго и общиннаго землевладѣнія, однако присутствіе среди мѣщанъ лицъ, жившихъ уходами и земледѣліемъ не доказываетъ этого положенія автора. Мѣщане—вѣдь это не только люди торговые и ремесленники, но и рентьеры, и помѣщики, или отчасти и земледѣльцы, обрабатывающіе свои, или чужую землю. При надѣленіи нѣм, правомъ города получили иногда очень значительные (до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ) участки земли, и естественно, что отработки ихъ или аренда сдавалась прежде всего горожанамъ.

Далѣе авторъ подробно останавливается на состояніи Кіевскаго замка и его укрѣпленій, отмѣчая, что послѣднія возобновлялись почти каждое десятилѣтіе; указываетъ на характеръ Кіевской торговли (соль, рыба, хлѣбъ—Кіевъ—представлялъ собою главнымъ образомъ таможенную заставу, складъ) и исправляетъ по источникамъ сдѣланный другими изслѣдователями списокъ воеводъ Кіевскихъ.

Говоря о нравахъ Кіевлянъ, авторъ слишкомъ уже на вѣру принимаетъ слова Герберштейна о необыкновенной распущенности Кіевлянъ.

Отмѣтимъ еще слѣд. взгляды автора: извѣстный списокъ русскихъ городовъ въ Воскрес. лѣтописи (относительно времени составленія котораго существуютъ разнообразныя мнѣнія проф. Дашкевича, Антоновича, Максимовича, Грушевскаго), авторъ считаетъ составленнымъ по двумъ источникамъ—лѣтописному и другому, который онъ не совсемъ ясно называетъ современнымъ (какъ видно изъ дальнѣйшаго, онъ, по мнѣнію автора, относится ко 2-ой половинѣ XVI в.). Звенигородъ и Черкасы въ числѣ городовъ польскихъ могли оказаться въ этомъ списокѣ только послѣ уніи. (Возражая Грушевскому, авторъ замѣчаетъ, что Черкасы, а пожалуй и Звенигородъ, Богуславу въ XV в. не подчинялось). Поэтому авторъ и не считаетъ возможнымъ научное пользованіе этимъ отрывкомъ. Вопреки Грушевскому, авторъ доказываетъ, что Вышгородъ существовалъ въ XV в.; протилъ Похилевича доказываетъ, что Глѣбовъ находился на р. Роснѣ, а не на р. Пеховкѣ, а Кисилевичи и Княжичи находились не въ Кіевской землѣ, а въ Бобруйскомъ уѣздѣ,

Переяславъ послѣ Татаръ не существовалъ до Стефана Баторія.

О населеніи Черкаскаго повѣта авторъ замѣчаетъ, что оно не сидѣло осѣдло, а уходило въ уходы; вслѣдствіе этого не существовало обособленности населенія по присудамъ —старосты судили всѣхъ подданныхъ; подданные давали панамъ только подачки. Мѣщане Черкасскіе имѣли свои земли и нѣкоторыя льготы—не должны были (тѣ, которые поднимали подводами и стаціями пословъ) ѣздить конно и збройно съ старостинскими урядниками.

Черкасское боярство не отличалось сановитостью и зажиточностью. Ихъ немного (20 семействъ); они управляютъ замокъ, содержатъ стражу и служатъ вообще военной службой.

Населеніе составилось здѣсь главнымъ образомъ изъ бѣглецовъ разныхъ націй и отличалось своеволіемъ. Авторъ подробно останавливается на борьбѣ мѣщанъ со старостами (лозунгъ мѣщанъ—не желаемъ платить, ибо служимъ). Характеристика Черкаскаго населенія является для автора, по его заявленію мотивированнымъ (?) переходомъ къ козачеству.

Отмѣтимъ еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній автора. Каневъ онъ сближаетъ съ Родней, исправляетъ ошибку одного акта (А. Ю. Р. I 105. *Кіевскій* староста вмѣсто Каневскій), указываетъ на неполноту списка Каневскихъ намѣстниковъ у Бонецкаго и пополняетъ его, споритъ съ Руликовскимъ о принадлежности Таганчи Проскурамъ, съ Похилевичемъ о Медвани, который не могъ тянуть къ Богуславу, такъ какъ Богуславъ въ половинѣ XVI в. былъ не городомъ, а городищемъ. Бѣлую Церковь авторъ помѣщаетъ на мѣстѣ древняго Юрьева. Противъ Дашкевича (впрочемъ повторяя отчасти уже сказанное въ I ч.) доказываетъ не глубокую древность Черкассь, первое извѣстіе о которомъ относится лишь къ 1374 г. Поселеніе здѣсь Черкассь авторъ относитъ ко времени Владиміра Ольгердовича.

Указавъ, что старосты Черкасскіе были вмѣстѣ и Каневскими, авторъ даетъ списокъ старостъ и (противъ Грушевскаго) исправляетъ родословіе Потаповича.

III часть излѣдованія автора заключаетъ въ собѣ отчасти выводы и обобщенія, отчасти дополненія и комментаріи

къ первымъ двумъ. Здѣсь разсматриваются вопросы колонизаціи страны, т. е. количество, движеніе и этнографическій составъ населенія, экономическій его бытъ, социальная группировка (авторъ предполагалъ еще дать описаніе быта домашняго, но не успѣлъ этого сдѣлать). Для изученія всѣхъ этихъ вопросовъ авторъ располагалъ лишь незначительнымъ матеріаломъ—нѣсколькими люстраціями и немногими актами.

Въ вопросѣ колонизаціи авторъ отмѣчаетъ ея неустойчивость, вслѣдствіе необезпеченности жизни (татарскихъ набѣговъ). Вслѣдствіе бродячаго характера населенія (это касается, разумѣется, южныхъ частей Кіевщины) невозможны статистическія выкладки. Возможенъ лишь учетъ населенія городского. Въ половинѣ XVI в. авторъ подсчитываетъ въ господарскихъ замкахъ 9130 человекъ на 1826 домовъ. Относительно регистраціи сельскаго населенія авторъ, недовольный методомъ пр. Владимірскаго-Буданова, отмѣчаетъ количество населенныхъ пунктовъ, собранное на протяженіе всего Литовскаго періода, что покажетъ максимум населенія. Авторъ обѣщаетъ дать критерій, помощью котораго, оперируя на этомъ максимальномъ фонѣ, можно создать приблизительно картину колонизаціи въ тотъ, или иной, періодъ (однако такого критерія авторъ не далъ, и мы не знаемъ, какъ имъ составленъ общій списокъ населенныхъ мѣстъ—вѣдь въ теченіе такого значительнаго періода нѣкоторые поселенія оставались только на картѣ, такъ какъ вѣдь и самъ авторъ отмѣчаетъ запустѣніе многихъ населенныхъ мѣстъ вслѣдствіе Татарскихъ набѣговъ, особенно послѣ нашествія Менгли-Гирея). Но авторъ справедливо замѣчаетъ, что абсолютное количество населенія мало говоритъ о населенности;—такъ въ Моз. повѣтѣ на каждое поселеніе приходится отъ 10—90 домовъ, а Кіевскомъ, гдѣ абсолютное число поселеній наибольшее—чуть не по 2 дома на одинъ пунктъ.

Описывая причины колонизаціи, авторъ отмѣчаетъ приливъ населенія на уходы, бѣгство въ южныя части вслѣдствіе разныхъ причинъ и осѣданіе населенія, пригоняемаго господарями для постройки замковъ. По городскимъ люстраціямъ (собственно по именамъ) онъ старается опредѣлить (правда проблематически) процентъ инородцевъ въ колонизаціи—Татаръ, Поляковъ и Евреевъ,

Въ отдѣлѣ о занятіяхъ населенія авторъ указываетъ, что ихъ можно расположить въ слѣд. убывающей градациі — промыслы, земледѣліе, ремесла (здѣсь автору приходится нерѣдко повторяться, хотя онъ дѣлаетъ и не мало дополненій къ 2-й части своего изслѣдованія). Въ числѣ промысловъ авторъ отмѣчаетъ — скотоводство, рыболовство, пчеловодство, бобровые гоны (последніе три преимущественно на уходахъ; замѣтимъ, что объясненіе автора подлазнаго бортничества, какъ относящагося скорѣе къ пасѣкамъ, чѣмъ къ бортямъ, едва ли вѣрно — древолазы извѣстны и въ сѣв.-вост. Руси — см. Житіе Константина Муромскаго), винодѣліе и млынарство (последнее — господарская монополія, но авторъ не упоминаетъ о вѣтрякахъ). Далѣе авторъ перечисляетъ термины сельскихъ поселеній — дымъ, дворъ, служба, потугъ, жребій, селище, островъ, земля, пасѣка, уходъ и село, старатся объяснить эти термины. Дымъ авторъ считаетъ древнѣйшимъ и первичнымъ типомъ сельскаго поселенія въ южномъ Поднѣпровьи и поэтому отвергаетъ мнѣніе Довнаръ-Запольскаго, по которому подымщина появилась здѣсь только со временъ Витовта. *Служба* и совокупность повинностей, и участки земли; *уходъ* — граница осѣдлости; подъ *пасѣкой* иногда понимали очень обширный участокъ земли. Сказавъ вкратцѣ о сямбринно-семейномъ землевладѣніи, людяхъ тяглыхъ и данникахъ (вторые не были обязаны тяглою службой, хотя это дѣленіе авторъ и признаетъ условнымъ), авторъ перечисляетъ роды повинностей населенія, причемъ совершенно правильно, противъ пр. Довнаръ-Запольскаго, объясняетъ болкуновщину какъ подать, взимаемую волами (въ люстраціяхъ болкуновщина соотвѣтствуетъ поволощинѣ, взывавшейся опредѣленнымъ количествомъ воловъ). Не думаю, чтобы ловчее, бобровническое и сокольничье были пошлинами, которыя, какъ полагаетъ авторъ, мѣстное населеніе платило господарскимъ охотникамъ съ тѣмъ, чтобы они не охотились на принадлежавшимъ имъ угодьямъ. Скорѣе это пошліны съ населенія за право охоты на господарскихъ земляхъ.

Въ общемъ авторъ замѣчаетъ, что трудно свести разнообразныя дани къ одному знаменателю, но что онѣ были легкими и необременительными для населенія, какъ и панщина.

Вопреки пр. Антоновичу и Владимірскому-Буданову авторъ доказываетъ (хотя и мало развиваетъ это положеніе), что крестьяне не были собственниками земли; земля была господарской.

Вопреки Любавскому, авторъ утверждаетъ, что давность не закрѣпощала. Причины прикрѣпленія авторъ видитъ въ льготахъ, ссудахъ, кабальныхъ записяхъ. Послѣ Татарскаго погрома невольная челядь растворилась въ массѣ сельскаго населенія. Указавъ на способы обращенія въ рабство по Статуту и фактическіе, (за вину, долги, продажа и самопродажа) авторъ замѣчаетъ, что послѣ 1571 г. въ люстраціяхъ нѣтъ упоминаній о челяди невольной, и что челядь такимъ образомъ вѣроятно перешла въ разрядъ тяглыхъ неюхожихъ людей по тому пути, который указанъ въ запоздаломъ постановленіи Статута 1588 г. „челядники мають быти осаживаны на земляхъ, а разумены быти за отчий“.

Въ судопроизводствѣ авторъ отмѣчаетъ лишь одинъ документъ, говорящій о копныхъ судахъ.

Говоря объ устройствѣ сельскаго управленія, авторъ замѣчаетъ, что атаманы были не только правителями сель, но иногда равнялись осадчимъ, и что послѣднихъ назначали сами владѣльцы. Что касается сотеннаго устройства, то авторъ принимаетъ высказанную мною по этому вопросу теорію (легшую и въ основу работы г. Прѣснякова „Княжое право“). Въ сѣв. волостныхъ вмѣсто атамановъ встрѣчаемъ старцевъ, которыхъ авторъ, противъ Любавскаго, считаетъ выборными. Они производили судъ, раскладывали повинности, выбирали дани и были посредниками между урядомъ и волостью. Старченье авторъ считаетъ платой господарю за признаніе въ должности.

Въ очеркѣ исторіи мѣщанства авторъ дѣлаетъ резюме прежде сказанному, указывая, что городская община разлагалась и въ личномъ составѣ, и въ имущественныхъ правахъ. Что касается нѣмецкаго права, то авторъ становится на его защиту (особенно что касается Кіева) и даже называетъ мнѣніе проф. Владимірскаго — Буданова, что нѣм. право задержало ростъ городской общины, тенденціознымъ (однако и проф. Влад. Будановъ, и пр. Антоновичъ,

оба совершенно самостоятельно пришли къ одному и тому же выводу о роли нѣмецкаго права въ Литовско-русскомъ государствѣ).

Подробно останавливается авторъ на вопросѣ о происхожденіи козачества.

Истиннымъ очагомъ козачества были Татарскіе улусы, изъ которыхъ выходили безшабашные удалыцы въ поискахъ за легкой добычей. Витовтъ испомѣстилъ Татаръ между прочимъ и въ Черкасскомъ повѣтѣ для отбыванія военной службы съ опредѣленныхъ земельныхъ участковъ: эта колонизація сливается съ мѣстнымъ населеніемъ и сообщаетъ свое имя населенію чисто русскому. На встрѣчу Татарскимъ удалыцамъ стали выходить такіе же удалыцы русскаго происхожденія съ такими же цѣлями, которые, по аналогіи съ первыми, стали называться козаками. Въ дальнѣйшемъ продолжалъ дѣйствовать только этотъ второй источникъ козачества. Что касается названія *Севрюкъ*, то авторъ, противъ проф. Владимірскаго—Буданова и Грушевскаго (прибавимъ —и А. В. Стороженка, автора работы о козачествѣ времени Стефана Баторія) не считаетъ севрюковъ потомками Сѣверянъ; севрюкъ—слово Татарское. Колыбель козачества—повѣтъ Черкасскій, хотя козаки встрѣчаются и въ повѣтѣ Остерскомъ, и въ Бѣлой церкви (первое извѣстіе о козакахъ относится къ 1349 г.). Число козаковъ было значительно, хотя и не поддается учету; козаки оперировали съ попустительствомъ господарскихъ урядниковъ, съ которыми дѣлились добычей. Но козаки занимались и промыслами (въ числѣ ихъ авторъ пропустилъ одинъ, указанный въ люстраціяхъ—грабежъ кургановъ). Козаки первоначально дѣлились на роты (авторъ полагаетъ, что Богданъ, воевода Черкасскій—Богданъ Фед. Глинскій, Иванъ Дашкевичъ (по отцу Львовичъ), также какъ и Василій Дашкевичи и Димитрій—тоже Глинскіе, причемъ Иванъ и Василій—братья). Во главѣ козацкихъ ротъ стояли ватажки и не русскаго происхожденія, и вообще особенно прочной организаціи козачество не имѣло.

Противъ И. М. Каманина, авторъ утверждаетъ, что первая попытка организовать козачество относится не къ 1506 г. (возраженія его довольно основательны), а къ 1523 (помимо частной попытки Вишневецкаго).

Въ раздѣлѣ VI авторъ кратко разсматриваетъ разные разряды служилыхъ людей (относительно *коланныхъ* авторъ примыкаетъ къ высказанному мною мнѣнію, но дополняетъ мною приведенные факты нѣкоторыми недавно изданными, касающимися Кіевской Земли); неопредѣленно охарактеризованы *ясачные* (тяглые непохожіе, несшіе службу въ замокъ въ видѣ опредѣленной подати). Далѣе—ордынцы, путные, слуги замковые, слуги конные, панцырные. Одинъ и тотъ же человекъ могъ съ разныхъ земель нести разную службу.

Отмѣтимъ еще полемику съ Любавскимъ о правахъ пановъ—по мнѣнію автора, права ихъ одинаковы съ боярскими. Очеркомъ правъ боярство и спискомъ болѣе или менѣе видныхъ боярскихъ родовъ, имѣвшихъ помѣстья въ Кіевской землѣ, оканчивается изслѣдованіе автора.

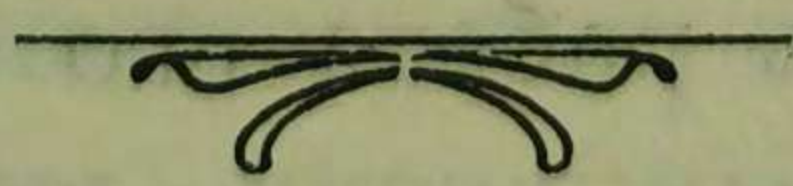
Работа подъ девизомъ „*Kuwen ein Neph*“ имѣетъ значительныя научныя достоинства. Авторъ основательно ознакомился съ значительной литературой по цѣлому ряду вопросовъ, входящихъ въ его тему, вполне ее освоилъ, внимательно изучилъ лѣтописный и актовъ матеріалъ и работалъ вполне самостоятельно. Ни одного чужого мнѣнія онъ не принимаетъ на вѣру, критически вездѣ разбирая положеніе своихъ предшественниковъ. Во многихъ (особенно мелкихъ) вопросахъ онъ приходилъ къ самостоятельнымъ обоснованнымъ выводамъ, исправляя и дополняя многіе чужіе выводы, что нерѣдко требовало массы кропотливаго труда. Такимъ образомъ работа его имѣетъ характеръ серьезнаго научнаго труда.

Конечно, какъ первый научный трудъ молодого изслѣдователя, работа имѣетъ и недостатки. Авторъ начинаетъ свой трудъ нѣсколько *ex abrupto*, съ завоеванія Кіева Литвой. Ему хотя въ краткихъ чертахъ слѣдовало бы очертить предыдущую исторію Кіевской земли и остановиться на спорномъ вопросѣ о заустѣніи Южной-Руси послѣ Татарскаго погрома. Далѣе, какъ многія работы молодыхъ ученыхъ, работающихъ въ области мѣстной исторіи, и этой работѣ недостаетъ, въ извѣстной степени, исторической перспективы; авторъ могъ бы, хотя на основаніи трудовъ Любавскаго, Леонтовича и др., дать краткій очеркъ строя Литовско-

Русскаго государства, роли въ немъ отдѣльныхъ земель и удѣльныхъ князей, и т. о. ввести Кіевскую землю въ связь съ общей государственной политикой Литовско-Русскаго государства. Сдѣланныхъ имъ по этому вопросу нѣсколькихъ общихъ замѣчаній недостаточно. Слогъ автора вообще удовлетворителенъ, но въ немъ встрѣчаются и провинціализмы: *широкая* летопись, вмѣсто пространной, старожитные документы, щупленькіе акты, выжать изъ документовъ, намъ разсудилось за благо, мы взяли на себя этотъ нелегкій трудъ и т. д.); молодой полемическій задоръ ведетъ автора иногда какъ бы къ самодовольству. Есть въ работѣ и нѣкоторые пробѣлы въ литературѣ, особенно польской, (слѣдовало бы автору ознакомиться съ трудами Левицкаго, Прохаски и др).

Тѣмъ не менѣе эти недостатки не умаляютъ значительныхъ достоинствъ труда автора, доказавшаго въ немъ свою способность работать научно-критически, исполнившаго съ огромнымъ трудолюбіемъ работу очень значительную и продуктивную по выводамъ. Въ виду этого считаю эту работу безусловно заслуживающей награжденія золотой медалью, и, въ виду научныхъ ея достоинствъ, прошу разрѣшенія историко-филологическаго факультета о напечатаніи даннаго труда (по исправленіи указанныхъ мною недочетовъ) въ Запискахъ Университета ¹⁾.

Засл. орд. проф. И. А. Линниченко.

¹⁾ Историко-филологическій факультетъ присудилъ автору означенной работы золотую медаль. По вскрытіи конверта съ девизомъ, авторомъ оказался студентъ 4-го курса Историко-филологическаго факультета Павелъ Клепатскій.

ОТЗЫВЪ

О сочиненіи на медаль по исторіи западно-европейской литературы.

Сочиненіе на тему „Роль Байрона въ исторіи англійскаго романтизма“ представлено подъ девизомъ:

Aut prodesse volunt aut delectare poetae
Aut simul et iucunda et idonea dicere vitae
(Horatius. Liber de Arte Poetica. 333—334).

Оно распадается на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ исторію романтическаго движенія въ англійской литературѣ; во второй выясняетъ роль Байрона въ этомъ движеніи.

Для первой части главными пособіями автору служили три спеціальныхъ изслѣдованія: *W. Phelps, The Beginnings of the English Romantic Movement. Boston. 1893.* *H. Beers, A History of English Romanticism in the 18-th Century. New-York. 1906.* *H. Beers, A History of English Romanticism in the 19-th Century. London. 1902.* Авторъ сочиненія не имѣлъ въ виду и не могъ пересмотрѣть по первоисточникамъ всѣ вопросы, затронутые этими изслѣдователями. Для этого пришлось бы перечитать множество второстепенныхъ англійскихъ писателей XVIII вѣка и изучить сочиненія такъ называемыхъ лэкистовъ—Вордсворта, Кольриджа и Соути, а также крупнѣйшихъ въ эпоху Байрона писателей, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шелли. Авторъ самъ заявляетъ, что онъ, кромѣ Байрона, полностью перечиталъ въ подлинникъ сочиненія Вордсворта; другихъ читалъ частью или въ выдержкахъ.

Но онъ показалъ самостоятельное отношеніе къ изслѣдованіямъ Фельпса и Бирса съ другой стороны. Фельпсъ и Бирсъ характеризуютъ романтическое движеніе въ англійской литературѣ второй половины XVIII в. и начала XIX в., какъ возрожденіе средневѣковья. Бирсъ называетъ королемъ романтиковъ (the King of the Romantics) Вальтеръ-Скотта, какъ любителя средневѣковья и рыцарства, раздѣлявшаго программу нѣмецкой романтической школы въ ея политическихъ и религіозныхъ стремленіяхъ. Однако, если понятіе романтизма, какъ возрожденія средневѣковья, сходится съ такимъ же нѣмецкимъ представленіемъ, то оно мало сходится съ французскимъ и русскимъ представленіемъ о романтизмѣ. Авторъ сочиненія поэтому поступилъ правильно, приводя множество разнообразныхъ опредѣленій романтизма и склоняясь на сторону тѣхъ, которые понимаютъ романтизмъ болѣе широко.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы авторъ строго формулировалъ то опредѣленіе романтизма, которое ему кажется наиболѣе правильнымъ и наилучше покрывающимъ различные оттѣнки романтизма въ различныхъ странахъ. Самая сжатая его формулировка такова: романтизмъ—преобладаніе чувства надъ разсудочностью и разумомъ (стр. 17). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ такіе существенные признаки романтизма: выраженное въ свободной формѣ чувство поэта и перевѣсъ фантастическаго элемента надъ дѣятельностью разума и разсудка (стр. 5). Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются упоминанія о юморѣ, ироніи, созерцательной мечтательности, какъ характерныхъ чертахъ романтизма (стр. 16, 110, 29). Встрѣчаются непослѣдовательности въ частностяхъ опредѣленія. То романтикъ рисуется, какъ націоналистъ и патріотъ (стр. 26), хотя національному ирландскому поэту и патріоту Муру отказывается въ названіи романтика (стр. 30); то заявляется, что всякій романтикъ долженъ былъ восхищаться Наполеономъ (стр. 55), и осуждаются англійскіе поэты, которые ненавидѣли этого врага своей родины (Вордсвортъ).

Несмотря на такія непослѣдовательности, основная мысль автора ясна. Если Бирсъ считаетъ отсутствіе средневѣковыхъ мотивовъ большимъ недостаткомъ для поэта, претендующаго

на званіе романтика, то авторъ сочиненія не придаетъ значенія такому недостатку.

Во второй части своей работы авторъ пересматриваетъ сочиненія Байрона. При этомъ онъ пользуется новымъ изданіемъ: *Byron's Poetical and Prose Works*, ed. by E. Coleridge and R. Prothero (1898—1903). Иногда онъ ссылается на русское изданіе „Библиотека великихъ писателей“, подъ редакціей Венгерова (1904—5 г.)—„Байронъ“, гдѣ собраны лучшіе русскіе переводы изъ Байрона и статьи русскихъ писателей о немъ; но въ общемъ такихъ ссылокъ очень мало. Авторъ предпочитаетъ цитировать англійскихъ критиковъ и выдержки изъ Байрона въ подлинникѣ. Слѣдуетъ поставить автору въ большую заслугу, что онъ всегда, когда рѣчь идетъ о Байронѣ, обращается къ подлиннику, а не къ переводамъ. Но ничѣмъ нельзя оправдать его, когда онъ цитируетъ В. Гюго (стр. 5) или Гете (стр. 40, 71, 101) по англійски только потому, что эти цитаты нашель въ англійскихъ книгахъ.

Къ Байрону авторъ сочиненія относится съ большимъ сочувствіемъ. Онъ начинаетъ свой разборъ произведеній Байрона полемической выходкой противъ Watts - Dunton'a, одного изъ выдающихся современныхъ англійскихъ критиковъ, приводя его, какъ образецъ такихъ англичанъ, которые „подъ маской безпристрастія съ отвратительнымъ лицемѣріемъ и озлобленіемъ бросаютъ грязью въ великаго поэта“ (стр. 37). Онъ заканчиваетъ свою работу также полемической выходкой противъ „великой Англіи“, въ которой, по его словамъ, до сихъ поръ „маленькаго Вордсворта предпочитаютъ вдохновеннымъ поэтамъ — Байрону и Шелли“ (стр. 117). Впрочемъ нужно отдать справедливое автору: онъ самъ врагъ фальшивой реторики, въ которую такъ часто впадаютъ панегиристы Байрона, обличающіе англійское лицемѣріе. Строгое отношеніе англійскихъ критиковъ къ Байрону онъ объясняетъ не только отсутствіемъ вкуса, темперамента, лицемѣріемъ и прочими причинами, какъ дѣлаютъ это другіе, но справедливо указываетъ, что байроновскій призывъ къ свободѣ, восторженно встрѣченный угнетенными и разоренными народами Европы, въ значительной степени оказался лишеннымъ силы и значенія въ сравнительно свободной Англіи (стр. 40).

Слѣпого преклоненія предъ Байрономъ у автора нѣтъ. Онъ часто цитируетъ сдержанные отзывы англійскихъ критиковъ о Байронѣ. Онъ даже высоко ставитъ стараго шотландскаго критика Джеффри, на котораго такъ свирѣпо набросился Байронъ въ своей юношеской сатирѣ. Онъ полемизируетъ съ А. Веселовскимъ, строже, чѣмъ послѣдній, оцѣнивая отдѣльныя произведенія Байрона (стр. 41, 43). Перечитывая Байрона по англійски, онъ совершенно откровенно говоритъ о томъ, что ему доставляетъ наслажденіе, къ чему онъ остается равнодушнымъ, что ему представляется скучнымъ. Главное достоинство поэзіи Байрона авторъ видитъ въ необыкновенной искренности и силѣ (стр. 83). Для него сочиненія Байрона—страшная, трогательная и поучительная исторія жизни „несчастнѣйшаго изъ людей“ (стр. 96). Въ то же время авторъ видитъ, что Байрону рѣдко удавалось быть совершенно свободнымъ отъ нѣкоторой декламаци и позировки, хотя бы въ самыхъ искреннихъ и душевныхъ произведеніяхъ (стр. 69).

Вопреки господствующему мнѣнію, авторъ предпочитаетъ поэмамъ Байрона его драматическія произведенія и находитъ, что въ драматическихъ своихъ монологахъ Байронъ, стѣсненный самими условіями драмы, достигалъ бѣльшей силы, чѣмъ въ своихъ поэмахъ (стр. 66). Особенно высоко онъ ставитъ трагедію „Марино Фальеро“ (стр. 101) Въ такихъ приговорахъ много субъективнаго, и мы не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ автора объ отдѣльныхъ поэмахъ и драмахъ Байрона.

Съ точки зрѣнія главной темы, интересенъ одинъ вопросъ, на которомъ довольно подробно останавливается и авторъ сочиненія. Дѣло въ томъ, что Байронъ, котораго многіе въ Европѣ считаютъ главой англійскаго романтизма, занялъ своеобразное положеніе въ отношеніи къ предшествовавшей литературной школѣ, которую романтики называли ложноклассической, и для которой новѣйшіе историки литературы стараются придумать другую кличку (неоклассики, классицисты и т. д.). Байронъ восхищался А. Помпомъ и высмѣивалъ Кольриджа, Вордсворта и Соути; лестно отзывался объ Альфьери и нелестно о Шекспирѣ. Онъ, не терпѣвшій никакой узды, добровольно подчинился ученію

о единствахъ въ драмѣ и старался соблюдать эти единства въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ.

Обыкновенно это объясняютъ духомъ противорѣчія у Байрона; или тѣмъ, что онъ хотѣлъ раздражить лѣкистовъ-романтиковъ, чрезмѣрно и несправедливо нападавшихъ на А. Попа; или симпатіей Байрона къ А. Попу вслѣдствіе общаго ихъ пристрастія къ остроумію; или тѣмъ, что Байронъ получилъ въ школѣ строго-классическое воспитаніе; тѣмъ даже, что въ его жилахъ текла нормандская кровь предковъ.

Авторъ сочиненія больше всего склоненъ объяснять пристрастіе Байрона къ единствамъ въ драмѣ тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ на греческихъ классикахъ. Авторъ даже склоненъ защищать Байрона въ этомъ отношеніи и утверждаетъ, что онъ дѣлалъ „оригинальную“ попытку воссозданія принциповъ античной драмы (стр. 100). Но чѣмъ же эта попытка была оригинальна, и почему самъ авторъ называетъ ложноклассиками тѣхъ, которые дѣлали подобную попытку раньше Байрона?

Изъ этой путаницы авторъ выходитъ сравнительно благополучно. Онъ въ самомъ началѣ своего сочиненія далъ самое широкое опредѣленіе романтизма, какъ преобладанія чувствъ надъ разсудочностью и разумомъ. Съ такой точки зрѣнія, вопросъ о литературной формѣ не важенъ. Можно быть классикомъ по формѣ и романтикомъ по духу. „Марино Фальеро“ по формѣ классическая трагедія, но духъ ея, по словамъ автора, глубоко романтиченъ (стр. 103).

Приближаясь къ концу своего сочиненія, хотя и не въ заключительной главѣ (подводящей слабовато и не выразительно итоги всего изслѣдованія), авторъ высказываетъ мысль, которую можно считать основной мыслью его работы: „Если романтическая поэзія выражаетъ главнымъ образомъ жизнь человѣческаго сердца, если въ романтическихъ произведеніяхъ разсудочность уступаетъ меланхолическому или наоборотъ бурному проявленію чувствъ автора, то конечно, произведенія Байрона представляютъ собою кульминаціонный пунктъ развитія англійскаго романтизма“ (стр. 97).

Конечно, это не единственное рѣшеніе вопроса. Съ меньшимъ успѣхомъ можно защищать ту точку зрѣнія, что Байронъ—типъ новаго поэта, явившійся въ результатъ сое-

диненія классическаго и романтическаго. Такъ представлялъ себѣ Байрона Гёте, олицетворившій своего знаменитаго англійскаго современника въ Эвфоріонѣ, сынѣ Елены и Фауста (во II части „Фауста“). Этой точки зрѣнія авторъ въ своей работѣ не упоминаетъ. Онъ какъ будто бы самъ близокъ къ ней, но, принявъ вполне точку зрѣнія Гёте, можно было бы не провозглашать Байрона кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи англійскаго романтизма.

Наши возраженія имѣютъ цѣлью показать, что вопросъ о роли Байрона въ исторіи англійскаго романтизма можетъ рѣшаться различно, тѣмъ болѣе, что и самое понятіе романтизма до сихъ поръ не формулировано въ такой фразѣ, которая покрывала бы одинаково удачно характерныя особенности романтиковъ разныхъ странъ и удовлетворила бы одинаково всѣхъ историковъ литературы.

Авторъ сочиненія довольно хорошо разобрался въ этомъ вопросѣ. У него есть субъективныя мнѣнія, съ которыми можно не соглашаться. Но онъ самъ знаетъ, что въ оцѣнкѣ произведеній искусства, къ которымъ относится поэзія, нельзя обойтись безъ субъективныхъ мнѣній, и не навязываетъ ихъ читателю. Онъ хорошо ознакомился въ подлинникъ съ произведеніями Байрона. Онъ показалъ способность разбираться въ критической литературѣ. Когда онъ, не желая уклоняться въ сторону, оставляетъ какой-нибудь вопросъ; когда онъ говоритъ, напримѣръ, что хотѣлъ бы прослѣдить вліяніе Эсхила на байроновскаго „Прометея“ или вліяніе грековъ на Шелли, чувствуется, что онъ дѣйствительно хотѣлъ бы и могъ бы.

Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ литературно-научной работѣ и потому заслуживаетъ награды ¹⁾.

В. Лазурскій.

¹⁾ Автору означеннаго сочиненія, студенту IV курса историко-филологическаго факультета (нынѣ окончившему) В. С. Исаковичу, историко-филологическимъ факультетомъ въ засѣданіи 28 апрѣля 1909 г. присуждена серебряная медаль.

ОТЗЫВЪ

Орд. проф. С. М. Танатара

О сочиненіи на тему „Изомерія неорганическихъ соединеній“, представленномъ на соисканіе медали и подписанномъ „Adeptus“.

Авторъ въ началѣ сочиненія совершенно правильно опредѣляетъ свою задачу и точно разграничиваетъ ту область, разборомъ которой будетъ заниматься. Опредѣливъ изомеры, какъ соединенія имѣющія одинаковый процентный составъ и одинаковую величину частицы, авторъ исключаетъ изъ круга разбора полимеры, аллотропическія видоизмѣненія элементовъ, коихъ частичный вѣсъ неизвѣстенъ, тѣла полиморфныя, коллоидальныя и оптически изомерныя. Принимая затѣмъ классификацію изомеровъ, предложенную А. Вернеромъ, авторъ, пропуская полимеры, переходитъ къ случаямъ координаціонной изомеріи. Но предварительно авторъ даетъ довольно полную (стр. 15—46) исторію развитія теоретическихъ представлений о металламміачныхъ соединеніяхъ, между которыми встрѣчается наибольшее число изомеровъ. Попутно касается и вопроса о валентности. Толково излагается ученіе Вернера, при чемъ указывается на нѣкоторые факты, несогласные съ этимъ ученіемъ (стр. 27). Затѣмъ авторъ разбираетъ возрѣнія Грегема, Blomstrond'a, Клеве, Бергенсена, Флавицкаго и Менделѣева.—Случаи координаціонной изомеріи приведены почти всѣ (стр. 46—62) ¹⁾ съ точнымъ

¹⁾ Въ это сочиненіе не вошли работы, появившіяся послѣ 1907 г., не вошли и замѣчательныя работы проф. Чугаева.

указаніемъ источниковъ. Авторъ видимо познакомился со всѣми главнѣйшими работами, касающимися вопроса составляющаго тему его сочиненія. Число указанныхъ ссылокъ на источники во всемъ сочиненіи болѣе 150-ти. Въ концѣ главы о координаціонныхъ изомерахъ приведены изомерныя соли аммонія, гидроксилamina и гидразина съ различными кислотами. При этомъ авторъ придерживается воззрѣнія Гантша. Авторъ пишетъ, что Гантшъ доказалъ, что эти соединенія координаціонныя изомеры. Противъ этого можно возражать, можно быть склоннымъ считать ихъ обыкновенными структурными изомерами, но нельзя не согласиться; что и точка зрѣнія Гантша во многомъ цѣлесообразна. Также полно перечислены авторомъ случаи гидратной изомеріи (стр. 62—65) и іонизаціонной изомеріи (стр. 65—69). Жаль только, что при іонизаціонной изомеріи авторъ ограничивается формулами этихъ изомеровъ, не упоминая о ихъ реакціяхъ, служащихъ доказательствомъ ихъ строения. Въ главѣ объ изомеріи солей (Salzisomerie) приведены изомеры типа R. SCN и R. NCS, а также R. NO₂ и R. ONO, при чемъ приведены характерныя реакціи обоого рода соединеній. Глава о „структурноизомерныхъ неорганическихъ соединеніяхъ“ обнимаетъ 2 стр. (77—79) и заключаетъ указаніе на изомерныя производныя гидроксилamina, полученныя Raschig и Naaga и на соединенія сульфомочевины съ роданистыми металлами, изомерныя, съ двойными соединеніями роданистаго аммонія съ роданистыми металлами. Глава о „пространственной изомеріи“ среди неорганическихъ соединеній (стр. 79—110) написана хорошо, приведены формулы строения для большей части изомеровъ этого рода. Въ предпоследней главѣ (стр. 111—113) авторъ описываетъ случаи изомеріи, обусловленныя различіемъ связи данныхъ группъ въ одномъ случаѣ главнымъ средствомъ, въ другомъ—побочнымъ. Hauptvalenz и Nebenvalenz по теоріи Вернера. Здѣсь недостаетъ, по моему мнѣнію, выясненія понятія о Haupt и Nebenvalenz и хотя бы краткой оцѣнки гипотезы Вернера. Для обозначенія главныхъ связей авторъ употребляетъ черту, а для обозначенія побочныхъ средствъ —пунктиръ, но при этомъ ни словомъ не оговаривается объ этомъ условномъ обозначеніи и предоставляетъ догадываться

читателю. Не приводится также ни одного соображенія въ пользу той или другой формулы строенія. Последняя глава — „невыясненныя явленія изомеріи“ (стр. 113—122), по моему мнѣнію, совершенно лишняя. Здѣсь приводятся случаи, которые по опредѣленію понятія объ изомеріи должны были остаться внѣ рамокъ темы. Какъ перечень невыясненныхъ случаевъ изомеріи, глава эта тоже не годится, ибо здѣсь приведены далеко не всѣ случаи этого рода. Такая же невыдержанность плана замѣчается и въ другихъ мѣстахъ сочиненія. Такъ напр. на стр. 3—9 авторъ говоритъ безъ нужды о устарѣвшемъ понятіи метамеріи, о случаяхъ изомеріи твердыхъ тѣлъ, частицы которыхъ неопредѣлены; на стр. 19 неясно изложена гипотеза Вернера о различіи главныхъ и побочныхъ средствъ.

Въ общемъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, сочиненіе это показываетъ, что авторъ умѣетъ разбираться въ химической литературѣ, много читалъ, съумѣлъ уяснить себѣ предѣлы своей задачи. Авторъ далъ, хотя неисчерпывающую, но довольно обширную монографію изомеровъ между неорганическими соединеніями, монографію заслуживающую вниманія. Я полагаю поэтому, что авторъ сочиненія объ „изомеріи неорганическихъ соединеній“ *Adeptus* заслуживаетъ награжденія золотой медалью ¹⁾.

Проф. С. Танатаръ.

¹⁾ Физико-математ. Факультетъ удостоилъ автора означенной работы золотой медали. По вскрытіи конверта съ девизомъ, авторъ оказался студентъ того же Факультета Иванъ Войцеховичъ Волянскій,

О Т Ч Е Т Ъ

о командировкѣ на Международный Медицинскій Съѣздъ
въ Будапештѣ въ 1909 г.

Проф. С. С. Головина.

Исключительной цѣлью моей командировки служили засѣданія офталмологической секціи 16-го Международнаго Медицинскаго Съѣзда въ Будапештѣ. Поэтому съ нѣкоторыми учрежденіями въ городахъ, лежавшихъ на моемъ пути туда и обратно, я знакомился лишь мимоходомъ.

Въ Будапештѣ я отправился моремъ и Дунаемъ до Галаца, затѣмъ желѣзной дорогой отъ Галаца до Бухареста, гдѣ остановился, чтобы осмотрѣть тамошнюю Глазную Клинику, которой мнѣ не приходилось еще видѣть.

Клиника занимаетъ особое отдѣленіе въ весьма благоустроенномъ госпиталѣ „Coltza“. Она не велика (аудитория ея, напр., всего на 50 человекъ), но снабжена всеми главнѣйшими научными пособіями, а по внутреннему убранству производитъ вполне пріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, директора клиники проф. Stanculeanu въ то время не было въ городѣ. Объясненія мнѣ давалъ одинъ изъ младшихъ врачей. Быть можетъ, поэтому какихъ либо выдающихся особенностей въ организаціи клиническаго дѣла я не замѣтилъ. Къ тому же, и клиника, въ виду лѣтнихъ вакацій и ремонта, функционировала только на половину.

Изъ Бухареста я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Орсово, а оттуда опять Дунаемъ до Бѣлграда.

Высшая школа въ Бѣлградѣ, какъ извѣстно, еще не имѣетъ Медицинскаго Факультета, но послѣдній, по слухамъ,

намѣченъ къ открытію въ ближайшемъ будущемъ. Клиническое преподаваніе будетъ производиться въ новой правительственной больницѣ, которая строится отдѣльными зданіями по спеціальностямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже готовы, хорошо оборудованы и заслуживаютъ вниманія путешественнаго врача.

Глазное отдѣленіе находится пока еще въ старой больницѣ (Општа Државна Болница, очно оделенье) и напоминаетъ нѣкоторыя наши устарѣвшія больницы, напр., мѣстную Глазную Лечебницу. Завѣдуетъ отдѣленіемъ д-ръ Г. П. Нѣшичъ, учившійся въ Москвѣ, между прочимъ, и у меня, и являющійся теперь кандидатомъ на будущую кафедру офталмологіи въ Бѣлградѣ.

Д-ръ Нѣшичъ показалъ мнѣ серію больныхъ, на которыхъ онъ примѣнялъ оперативное лѣченіе стафиломы роговицы по методу, имъ разработанному и заключающемуся въ удаленіи центральной части стафиломы съ помощью роговичнаго трепана. Судя по представленнымъ мнѣ больнымъ, способъ этотъ даетъ прекрасные результаты, и я предполагаю воспользоваться имъ въ своей клинической практикѣ.

Изъ Бѣлграда я поѣхалъ въ Будапештъ, куда и прибылъ 14/27 августа.

Вечеромъ въ субботу 15/28 августа состоялся въ обширномъ „дворцѣ искусствъ“ въ Городскомъ Паркѣ (Mücsarnokvárosliget) приемъ прибывшихъ членовъ (soirée de bienvenue), а на другой день торжественное открытіе Съѣзда въ роскошномъ зданіи Муниципалитета („Redoute municipale“). На этомъ засѣданіи были произнесены рѣчи: Эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, представителемъ Императора Австрійскаго, затѣмъ Графомъ Апоньи, Венгерскимъ Министр. Народн. Просв., и проф. ф.-Грошъ, главнымъ секретаремъ Съѣзда. Въ заключеніе слѣдовали привѣтствія, съ которыми обращались къ Съѣзду представители его членовъ изъ разныхъ странъ.

Въ понедѣльникъ 17/30 августа начались засѣданія секціи, происходившія, большей частью, въ зданіи Высшей Технической Школы, отъ 9 до 1 ч. дня и отъ 3 до 6 час. вечера.

Изъ докладовъ, представленныхъ въ первый день засѣданій (17/30 августа), позволю себѣ указать слѣдующіе:

Д-ръ *Morax* (Paris), проф. *Elschnig* (Prag) и проф. *Angelucci* (Napoli) сдѣлали интересныя сообщенія о послѣоперационныхъ инфекціяхъ и (въ этомъ отношеніи особенно заслуживалъ вниманія докладъ *Elchnig*'а) о мѣрахъ предупрежденія такихъ инфекцій, д-ръ *Possek* (Graz) сообщилъ свои соображенія объ этиологіи катаракты, придерживаясь цитотоксической гипотезы происхожденія этого заболѣванія.

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ небольшихъ сообщений по оперативной офталмологіи: Проф. *Wicherkiewicz* (Кракау)—о промываніи передней камеры при экстракціи катаракты; *Marquez* (Madrid)—о новомъ способѣ операциі дистихіазиса; *Imre* (Kolozsvár)—объ операциі спастическаго заворота вѣкъ; *v.*—*Blaskovics* (Budapest)—объ операціяхъ ptosis'а. Изъ остальныхъ докладовъ этого дня долженъ упомянуть еще интересное сообщеніе проф. *Alessandro* (Messina) о найденныхъ имъ въ слезной железѣ собаки ферментахъ (трипсинъ и эрипсинъ).

Главнѣйшими докладами второго дня засѣданій (13/31 августа) были: весьма обстоятельное сообщеніе проф. *Uthhoff*'а (Breslau)—о глазныхъ симптомахъ при заболѣваніяхъ придатка мозга и акромегалии, а затѣмъ сообщенія: *Weeks*'а (New-York), проф. *Römer*'а (Greifswald), *Leber*'а (Berlin), касавшіяся примѣненія ученія объ иммунитетѣ, о серодіагностикѣ и о серотерапіи въ офталмологіи. Нельзя также не отмѣтить доклада проф. *Onodi* объ отношеніи придаточныхъ полостей носа къ зрительному нерву съ демонстраціей прекрасныхъ анатомическихъ препаратовъ и доклада *Praunz*'а (Budapest)—о кистахъ лобной пазухи и рѣшетчатого лабиринта.

Первая половина третьяго дня засѣданія (19 авг.—1 сент.) была посвящена исключительно вопросу о трахомѣ и о нашумѣвшихъ въ послѣднее время такъ называемыхъ „трахомныхъ тѣльцахъ“, которымъ стали-было приписывать роль найденныхъ наконецъ возбудителей трахомы. Къ этой группѣ принадлежали болѣе или менѣе интересные доклады: проф. *Greef*'а (Berlin), *Herzog*'а (Berlin), проф. *Gallenga* (Parma), *Heymann*'а (Breslau), проф. *Goldzieher*'а (Budapest), *Sulzer*'а (Paris).

Во второй половинѣ этого дня были представлены, большей частью, короткіе доклады, касавшіеся различныхъ

областей офтальмологии, напр.: *Edridge Green* (London)—о теории зрѣнія, *Juselius* (Выборгъ)—экспериментальныя изслѣдованія о возрожденіи роговичнаго эпителия, *Пашевъ* (Софія)—о параличѣ *nervi oculomotorii* при *aneurysma carotidis internaе*, и др.

Изъ докладовъ четвертаго дня засѣданій (20 авг.—2 сентября) укажу: проф. *Lagrange'a* (Bordeaux)—объ оперативномъ лѣченіи хронической глаукомы по способу автора (*Sklecto-iridectomy*), *Meller'a* (Wien)—о томъ же способѣ, проф. *Schmidt-Rimpler'a* (Halle)—о происхожденіи симпатическаго воспаленія, проф. *Kuhnt'a* (Bonn)—объ оперативномъ лѣченіи косоглазія, *Correz'a* (Bruxelles)—о графическомъ изображеніи нистагма.

Этимъ закончились научныя занятія офтальмологической секціи. Всего было представлено 52 доклада. Если среди нихъ, быть можетъ, и не было такихъ, которые „дѣлаютъ эпоху“, но за то большинство ихъ представляло обстоятельныя работы, затрагивавшія самые живые вопросы современной офтальмологии. Многія сообщенія, къ тому-же, сопровождались весьма поучительными демонстраціями. Большой интересъ вызвалъ въ членахъ секціи также и осмотръ новой, только-что выстроенной Глазной Клиники, въ которой происходило послѣднее утреннее засѣданіе. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденіи, являющемся теперь несомнѣнно одной изъ самыхъ лучшихъ глазныхъ клиникъ въ Европѣ, послѣднимъ словѣмъ строительства въ данной области.

Зданіе Клиники представляетъ красивый особнякъ въ 4 этажа, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и въ 5 этажей. Наружный фасадъ—въ модернизированномъ стилѣ. Особенно своеобразенъ задній фасадъ, выходящій въ небольшой садикъ.

Значительная часть внутренняго пространства отведена подъ палаты для больныхъ на 80 кроватей. Затѣмъ имѣется обширное помѣщеніе для амбулаторіи, 2 операціонныхъ, отдѣльныя перевязочныя и цѣлый рядъ залъ для научно-педагогическихъ цѣлей: большая (10×16 метровъ) аудиторія, отдѣльная комната для офтальмоскопическихъ занятій студентовъ, комната для операціонныхъ упражненій на глазахъ животныхъ, лабораторіи: оптическая (7,60×4 метра), бакте-

ріологическая (7,60 × 9,30 метровъ), гистологическая (7,80 × 7,60 метр.) и бібліотека (10,60 × 7 м.).

Меблировка комнатъ—простая, но изящная, въ новомъ стилѣ. Спеціальныя помѣщенія, благодаря стараніямъ директора Клиники проф. v. Grósz'a, богато снабжены соотвѣтствующими приборами и аппаратами. Напр., въ аудиторіи имѣется послѣдняя модель очень цѣннаго эпидіоскопа Zeiss'a. Въ бібліотекѣ находится около 4000 сочиненій и выписывается 28 періодическихъ изданія.

Интересны нѣкоторыя данныя о стоимости Клиники.

Зданіе обошлось въ 665.000 кронъ, гонораръ архитекторамъ—30.000 кр., на внутреннее оборудованіе Клиники израсходовано 115,000 кр., на научные приборы и инструменты 45,000. Со включеніемъ второстепенныхъ расходовъ стоимость Клиники достигаетъ 865.000 кронъ, а съ присоединеніемъ инвентаря старой Клиники—900.000 кронъ или 950.000 франковъ.

Эти цифры, заимствованныя мною изъ офіціального изданія „Les Facultés de Médecine des Universités royales hongroises de Budapest et de Kolzsvár“, показываютъ, какъ богато и заботливо строятся спеціальныя клиники за границей. Эти же цифры, я надѣюсь, лишній разъ отгнѣнятъ неправильность тѣхъ тенденцій, которыя одно время проявлялись въ нашемъ Факультетѣ по отношенію къ Глазной Клиникѣ. Уже до моего вступленія въ Факультетъ изъ 35 коекъ, положенныхъ этой Клиникѣ по проекту, удостоившемуся Высочайшаго Соизволенія, было отдѣлено 15, а въ 1903—1904 г.г. возникали попытки отдѣлить и еще 5 коекъ. Нельзя не усмотрѣть въ этихъ попыткахъ отношенія, діаметрально противоположнаго тому, что очевидно встрѣтила при своемъ рожденіи Будапештская Клиника!

Что касается лично моего участія въ трудахъ Съѣзда, то оно выразилось въ двухъ сдѣланныхъ мною сообщеніяхъ.

Одно, озаглавленное „Exenteratio orbito—sinualis. Procédé d'extirpation des néoplasmes envahissant l'orbite et les sinus crânio—faciaux“, представляло описаніе разработаннаго мною способа удаленія обширныхъ новообразованій, поражающихъ глазницу и сосѣднія съ ней полости. Описаніе это сопровождалось демонстраціей рисунковъ, фотографій больныхъ и анатомическихъ препаратовъ.

Другое мое сообщеніе, озаглавленное „Sclerosis orbitae inflammatoria progressiva. Type non-décrit de l'inflammation de l'orbite“, основывалось на шестилѣтнемъ наблюдении случая новой, никѣмъ, повидимому, еще не описанной формы заболѣванія глазницъ.

Оба сообщенія будутъ напечатаны in extenso: по французски—въ журналѣ „Annales d'oculistique“ и по русски—въ „Вѣстникѣ офталмологіи“ (въ 1910 г.).

Кромѣ этихъ сообщеній, мною сдѣлано два дополненія къ докладамъ другихъ авторовъ.

Въ первомъ—по поводу доклада д-ра *Praunz*'а о кистахъ лобной пазухи и рѣшетчатого лабиринта—я привелъ нѣкоторыя замѣчанія, основанныя на опытѣ 12 наблюдений указанного рѣдкаго заболѣванія, тогда какъ самъ докладчикъ сообщилъ о 4-хъ случаяхъ.

Въ другомъ добавленіи—по поводу доклада проф. *Lagrange* объ оперативномъ лѣченіи глаукомы—я подробно разъяснилъ, что способъ операціи, совершенно аналогичный рекомендованному докладчикомъ, былъ уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ предложенъ моимъ учителемъ проф. *А. Н. Маклаковымъ*.

Въ заключеніе не могу не упомянуть, что я былъ избранъ въ число почетныхъ предсѣдателей перваго же дня засѣданій секціи. Такимъ почетомъ я обязанъ, какъ это и высказалъ въ рѣчи послѣ избранія, не своимъ заслугамъ, а желанію присутствовавшихъ офталмологовъ разныхъ странъ оказать должное вниманіе русской наукѣ, представителемъ которой я являлся на секціи.

Обратный путь изъ Будапешта я направилъ черезъ Вѣну, гдѣ и остановился на пять дней. Каждый день я посѣщалъ обѣ глазныя клиники Вѣнскаго Университета: первую, которая, за смертью проф. *Schnabel*'я, находится пока въ завѣдываніи ассистента д-ра *Lauber*'а, и вторую, которою завѣдуетъ Prof. *Fuchs*. Присутствуя на операціяхъ, я могъ замѣтить нѣкоторыя полезныя особенности примѣняемыхъ методовъ. Въ общемъ же долженъ сказать, что за послѣднія 12 лѣтъ, какъ я сталъ иногда посѣщать вѣнскій Allgemeines Krankenhaus, существеннаго прогресса въ постановкѣ дѣла въ обѣихъ глазныхъ клиникахъ усмотрѣть я не могъ.

Ординарнаго профессора А. Ф. Маньковскаго.

I.

Отчетъ о заграничной командировкѣ на XVI международный съѣздъ въ Будапештѣ въ лѣтнее каникулярное время 1909 года.

Еще въ 1907 году Министерство Иностранныхъ Дѣлъ снеслось съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по вопросу о командированіи делегатовъ отъ Россійскихъ университетовъ на имѣющій быть съ 15 по 22 августа 1909 года XVI-й международный съѣздъ врачей въ Будапештѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія прислало по этому поводу запросъ въ медицинскій факультетъ Новороссійскаго университета, и послѣдній въ засѣданіи своемъ 18/XII 1908 г. ст. 11, постановилъ командировать въ качествѣ делегатовъ отъ факультета и университета профессоровъ медицинскаго факультета С. С. Головина и А. Ф. Маньковскаго. Постановленіе медицинскаго факультета подтверждено было постановленіемъ Совѣта и Министерство Народнаго Просвѣщенія утвердило эти постановленія, разрѣшивъ упомянутымъ двумъ лицамъ заграничную командировку и выдавъ имъ испрошенные для этого случая у Министерства Иностранныхъ Дѣлъ открытые листы.

Получивъ такой открытый листъ, и запасшись на всякій случай удостовѣреніемъ отъ Ректора Одесскаго Университета въ томъ, что я дѣйствительно командированъ на съѣздъ въ качествѣ делегата отъ Одесскаго университета, я выѣхалъ въ Австро-Венгрію, направляясь первоначально въ

Вѣну для того, чтобы ускорить окончаніе починки микроскоповъ Гистологическаго Института, посланныхъ для исправленія фирмъ С. Reichert. Ускорить окончаніе починки являлось весьма важнымъ въ виду приближающагося начала учебныхъ занятій. Вслѣдствіе изложеннаго, я выѣхалъ изъ Одессы 9 августа, рассчитывая прибыть изъ Вѣны въ Будапештъ 14 августа вечеромъ.

Прибывъ, какъ было предположено, вечеромъ 14 августа въ Будапештъ, я отправился утромъ 15 августа въ Центральное бюро организаціоннаго комитета за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній о занятіяхъ моей секціи и объ общихъ собраніяхъ и здѣсь съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что въ списокѣ делегатовъ отъ Россійскихъ университетовъ, сообщенномъ организаціонному комитету нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, не оказалось именъ проф. Головина и моего.

Такъ какъ званіе делегата обезпечиваетъ члену съѣзда нѣкоторыя преимущества (участіе въ назначеніи времени и мѣста слѣдующаго съѣзда, выборъ Организаціоннаго комитета и т. д.) и во всякомъ случаѣ даетъ ему право на нѣсколько болѣе внимательное отношеніе со стороны персонала, дающаго всякаго рода разъясненія и распоряжающагося распредѣленіемъ мѣстъ на торжественныхъ собраніяхъ, то я и заявилъ о своемъ званіи делегата, а также потребовалъ, чтобы въ делегатскіе списки вмѣстѣ съ моимъ именемъ было внесено имя проф. Головина. Однако моему заявленію было придано значеніе лишь послѣ того, какъ я предъявилъ вышеупомянутый открытый листъ и удостовѣреніе, выданное г. Ректоромъ. При этомъ возникли новыя затрудненія, такъ какъ оба документа были написаны на русскомъ языкѣ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи переводчика, каковымъ явился лекторъ чешскаго языка въ мѣстномъ университетѣ г. Delmar, и наконецъ я добился того, что мнѣ обѣщано было Секретаремъ Организаціоннаго Комитета, проф. офталмологіи Grosz'емъ, что наши имена будутъ напечатаны въ делегатскихъ спискахъ въ ближайшемъ № дневника съѣзда, имѣвшемъ появиться на слѣдующій день. Это обѣщаніе было исполнено только черезъ недѣлю, такъ что я увидѣлъ

наши имена напечатанными въ дополнительныхъ спискахъ делегатовъ только въ день закрытія съѣзда.

Конечно, въ теченіе всего съѣзда мы встрѣчали обращеніе одинаковое со всѣми прочими конгрессистами и, такимъ образомъ, наше делегатство сведено было къ нулю.

Всѣ занятія съѣзда сосредоточивались въ Зданіи Политехникума между Esterházy utza и Museum Körut. Общія собранія по научнымъ вопросамъ происходили въ зданіи національнаго музея (на Museum Körut), а общія торжественныя собранія въ зданіи, именуемомъ Redoute.

Засѣданіе первой секціи (Анатомія, Гистологія и Эмбриологія) перенесены были по предложенію проф. Waldeyer'a въ анатомическій институтъ, находящійся довольно далеко отъ Политехникума, что представляло для участниковъ I-й секціи неудобство въ томъ отношеніи, что лишало ихъ возможности бывать на засѣданіяхъ другихъ секцій, а также пользоваться услугами Центрального бюро, почты и другихъ учрежденій, помѣщенныхъ въ Политехникумѣ ради удобства конгрессистовъ. Зато научная сторона работы въ зданіи анатомическаго института несомнѣнно выиграла отъ такого изолированія I-й секціи отъ прочихъ: доклады происходили спокойно, безъ помѣхи со стороны любопытныхъ, которые посѣщаютъ безъ опредѣленнаго заранее плана тѣ или инныя засѣданія секцій. Кромѣ того въ анатомическомъ институтѣ наша секція имѣла въ своемъ распоряженіи прекрасную большую аудиторію, приспособленную какъ для вывѣшиванія таблицъ, рисунковъ, такъ и для демонстрацій съ помощью проэкціоннаго аппарата. Наконецъ тамъ же находились въ большомъ количествѣ микроскопы, необходимыя для демонстрацій гистологическихъ препаратовъ. Завѣдывалъ секціей анатоміи директоръ анатомическаго института проф. Lenhosek, Секретарями секціи были проф. Telliessnitsky и докторъ Tohadnazy Laslo старшій ассистентъ при кафедрѣ анатоміи.

Изъ видныхъ участниковъ секціи, членовъ съѣзда можно назвать профессоровъ Waldeyer'a (Berlin), Stied'y (Königsberg), Hungtington'a (New-York), Fausset'a (Bristol), Laguesse'a (Lille), Apaty (Koloszwár), Gaupp'a (Freiburg i Br.), Hammar'a (Upsala), Sobbota'y (Würzburg), Osawa (Японія), Davida. E. (Kolozswár), Donadjo (Мессина).

Изъ русскихъ профессоровъ кромѣ меня въ секціи принимали участіе проф. Военно-медицинской академіи А. А. Максимовъ, а также прозекторъ Харьковскаго университета докторъ Воробьевъ; кромѣ того въ качествѣ интересовавшихся докладами присутствовали проф. Кулябко (физиологъ изъ Томска), а также прив. доц. А. В. Леонтовичъ (физиологъ изъ Кіева). Физиологовъ Русскихъ, а также и другихъ государствъ (между прочимъ присутствовали на 2-хъ засѣданіяхъ физиологъ и Ректоръ Колошварскаго университета Udgerszky) интересовалъ докладъ проф. Waldeyer'a о нейронахъ. Маститый анатомъ почти два часа безъ перерыва излагалъ передъ слушателями современное состояніе вопроса о нейронахъ. Сгруппировавъ мнѣнія защитниковъ теоріи нейроновъ и ихъ противниковъ, Waldeyer высказалъ критическій взглядъ на новѣйшіе доводы противниковъ теоріи нейроновъ и сдѣлалъ выводъ, что ни одно изъ возраженій, выставленныхъ доселѣ противъ теоріи нейроновъ, не въ состояніи поколебать ея и что, такимъ образомъ, онъ считаетъ себя вправѣ отстаивать ее и впредь. Докладчикъ сопровождалъ свой докладъ демонстраціей многочисленныхъ таблицъ, рисунковъ, которые онъ привезъ съ собою изъ Берлина. По окончаніи доклада собраніе выразило свою благодарность извѣстному ученому шумными аплодисментами.

Значительный успѣхъ имѣлъ докладъ проф. Stieda на тему: „Къ вопросу о пигментѣ волосъ и о процессѣ посѣдѣнія“. Докладъ хотя и не изобилдовалъ фактическими, строго научно обоснованными данными и содержалъ главнымъ образомъ логическія послылки и выводы, опирающіеся на личные наблюденія и отчасти изслѣдованія автора, тѣмъ не менѣе вызвалъ весьма шумные аплодисменты за остроумную и необыкновенно живую для семидесятилѣтняго старика форму изложенія. Докладчикъ заявилъ, что всѣ извѣстные ему лично, случаи „внезапнаго“ посѣдѣнія лица перели отъ того, что сѣдя и красившія свои волосы лица переставали почему либо красить ихъ и быстро дѣлались сѣдыми. Противъ теоріи посѣдѣнія, высказанной Мечниковымъ, докладчикъ весьма остроумно возразилъ, что онъ не знаетъ такой категоріи лейкоцитовъ, которые обладали бы свойствомъ

только пожирать пигментъ и при томъ только въ волосахъ, а главное лейкоцитовъ, которые двигались бы столь быстро, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ заполнить въ длиннѣйшіе женскіе волоса... По мнѣнію докладчика причиной послѣднїя волосъ является прекращеніе подвоза пигмента къ волосамъ. Докладчикъ полагаетъ, что въ эмбриональномъ состояніи волосы являются сѣдыми, т. е. не содержащими пигмента. Въ извѣстномъ возрастѣ эмбриона волосы начинаютъ темнѣть вслѣдствіе начавшагося отложенія пигмента, каковой процессъ отложенія существуетъ въ теченіе всей жизни. Прекращеніе отложенія пигмента является моментомъ, обуславливающимъ возвращеніе волосъ къ эмбриональному т. е. безцвѣтному состоянію.

Весьма капитальный вопросъ былъ затронуть Laguesse'омъ, который докладывалъ о результатахъ своихъ микроскопическихъ изслѣдованій надъ поджелудочной железой. Пытаясь разяснить значеніе составныхъ частей поджелудочной железы, именуемыхъ островами Langerhans'a морфологическое и фізіологическое значеніе которыхъ до сихъ поръ находятъ себѣ разнообразное объясненіе, Laguesse пришелъ къ выводу, что эти образованія представляютъ собою части поджелудочной железы, пришедшія въ такое состояніе подъ вліяніемъ только что совершившейся внутренней секреціи въ долькѣ железы.—Такъ какъ подобный взглядъ высказалъ и я на основаніи моихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, опубликованныхъ десять лѣтъ тому назадъ, то въ своемъ замѣчаніи по поводу доклада я высказалъ удовольствіе, что докладчикъ вполне подтверждаетъ мои давнія изслѣдованія. Въ заключеніе я роздалъ 6 экземпляровъ моего сочиненія присутствовавшимъ профессорамъ гистологамъ.

Проф. Арату, являющійся противникомъ теоріи нейроновъ и доказывающій непрерывность связи между нервными элементами выступилъ съ замѣчаніемъ по поводу доклада Waldeyer'a, а также съ собственнымъ докладомъ. Однако ожиданія лицъ, предполагавшихъ услышать диспутъ между двумя представителями противоположныхъ мнѣній о строеніи центральной нервной системы не сбылись: замѣчанія Арату по поводу доклада Waldeyer'a сводились къ тому,

что конечно время и дальнѣйшія изслѣдованія навѣрное обнаружатъ истину... Въ своемъ докладѣ Aratu указывалъ на возможность полученія артефактовъ при окраскѣ нервныхъ элементовъ на нейрофибриллы. Такіе артефакты авторъ и демонстрировалъ секціи.

Прочіе докладчики: Gaupp, Osawa, Hammar, Davida, Максимовъ, Telliesnitsky, Воробьевъ и другіе возбудили своими докладами главнымъ образомъ интересъ специалистовъ-анатомовъ или гистологовъ, смотря по содержанию доклада. Профессоръ Hungtington (New-York) и проф. Fausset (Bristol) обратили на себя вниманіе не столько докладами, сколько восковыми моделями эмбриологическихъ препаратовъ, причемъ модели Hungtington'a привлекали своимъ изяществомъ и красотой, модели же Fausset'a большими размѣрами.

Кромѣ того нельзя не выразить одобрительнаго удивленія авторамъ, привезшимъ на съѣздъ громоздкія и весьма хрупкія модели. Занятія секціи анатоміи съ общаго согласія были распредѣлены такимъ образомъ, что съ 8 ч. утра до 12^{1/2}—1 часу дня дѣлались сообщенія и читались рефераты. Затѣмъ дѣлался перерывъ до 3 ч. пополудни, а съ 3 часовъ устраивались демонстраціи къ докладамъ въ секціонномъ залѣ анатомическаго института. Свободное отъ занятій въ секціи время я посвящалъ осмотру учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета. Изъ нихъ меня прежде всего и больше всего интересовалъ анатомическій институтъ, въ которомъ помѣщается и гистологическій. Что касается устройства и оборудованія грандіознаго зданія анатомическаго института, то я не буду касаться здѣсь его, такъ какъ описаніе это въ подробности сдѣлано проф. Lephossek'омъ въ книгѣ, выпущенной ко времени съѣзда и содержащей въ себѣ подробное описаніе помѣщеній, профессорскаго персонала и исторіи возникновенія и развитія двухъ университетовъ Венгріи—Будапештскаго и Колошварскаго. Книга эта раздавалась всѣмъ безъ исключенія членамъ съѣзда. Не могу, однако, не упомянуть о превосходномъ устройствѣ секціонныхъ залъ, которыя представляютъ просторнѣйшія въ 2 свѣта помѣщенія, съ массой воздуха, благодаря высокимъ потолкамъ и электрической вентиляціи и съ колоссальнымъ количествомъ электрическихъ лампочекъ и ауэ-

ровскихъ горѣлокъ для вечернихъ практическихъ занятій. Обращаютъ на себя вниманіе также роскошные умывальники для мытья рукъ студентовъ, снабженные не только холодной, но и теплой водой. Насколько мнѣ извѣстно у насъ въ Россіи нигдѣ теплой воды въ анатомическихъ институтахъ для мытья рукъ студентовъ не отпускается...

Гистологическій институтъ обладаетъ огромнымъ помещеніемъ. Залъ для практическихъ занятій въ концѣ овално закругленъ и столы у оконъ, а также на нѣкоторомъ разстояніи отъ оконъ на возвышеніи также загибаются полукругомъ. Просторный залъ одновременно можетъ вмѣстить до 80 человѣкъ.

Отдѣльныя комнаты директора и служащихъ (ассистентовъ) при гистологическомъ институтѣ значительной величины въ 2—3 окна въ каждой расположены по одной сторонѣ свѣтлаго широкаго корридора. Каждый изъ кабинетовъ (для завѣдующаго и для 3 ассистентовъ) оборудованъ обильнымъ научнымъ инвентаремъ. Что касается инвентаря для практическихъ занятій со студентами, то онъ весьма богатъ: имѣется свыше 120 микроскоповъ системы Reichert'a съ револьверами, двумя, а иногда и тремя объективами (есть много иммерзионныхъ объективовъ) и столькими же окулярами каждый. Кромѣ того въ институтѣ имѣются разнообразныя проэкціонныя аппараты, въ томъ числѣ эпидіаскопъ Цейса, микро и макрофотографическіе аппараты и огромное количество діапозитивовъ и фотографическихъ отпечатковъ.

Вообще на всей обстановкѣ института лежитъ отпечатокъ матеріальнаго довольства. Повидимому здѣсь ассигнуются большія средства на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Институтъ гистологіи находится подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ проф. Telliessnitsky'аго, который кромѣ гистологіи читаетъ еще пластическую анатомію.

Изъ достопримѣчательностей, встрѣченныхъ мною въ здѣшнемъ гистологическомъ институтѣ, есть одна, которую я намѣренъ позаимствовать для завѣдываемаго мною института. Это—способъ подготовки препаратовъ для демонстраціи: каждый препаратъ имѣетъ отмѣченное мѣсто, которое желательно демонстрировать и помещается въ особой

рамочкѣ на картонѣ, на которомъ нарисованъ красками рисунокъ того мѣста, которое демонстрируется. Картоны съ препаратами хранятся въ специальныхъ коробкахъ. Такимъ образомъ выставить препараты для демонстрацій передъ лекціей при этой системѣ не составляетъ большого труда и не отнимаетъ много времени. Занятія секціи закончились въ четвергъ 20 августа, и оставшееся время мною было употреблено на осмотръ нѣкоторыхъ санитарно-гигіеническихъ учрежденій, а также на загороднія экскурсіи. Мною были осмотрѣны городскія свинойни и лошадиная бойня, гдѣ я помимо знакомства съ новѣйшими приспособленіями для наиболѣе чистаго приготовленія свиного мяса и жира познакомился также со способомъ приготовленія разнаго рода колбасъ. При этомъ я узналъ, что всѣ рѣшительно колбасы въ Будапештѣ (salami, сосиски, копченныя и вареныя колбасы) приготовляются изъ конскаго мяса съ примѣсью свиного сала и съ большею или меньшею примѣсью свиного мяса.

Кромѣ того я посѣтилъ источникъ слабительной воды „Arenta“. — Добывается эта минеральная вода изъ колодцевъ, которые устраиваются на подобіе обыкновенныхъ колодцевъ, для питья воды. Изъ колодцевъ вода накачивается въ бутылки, которыя предварительно чистятся и моются, а затѣмъ бутылки механически закупориваются и такимъ же способомъ оклеиваются этикетками, пломбируются колпачками и передаются для упаковки. Упаковка производится ручнымъ способомъ, но ящики сколачиваются машиной.

Санитарно-гигіеническая лабораторія, помѣщающаяся въ зданіи городской ратуши, была также осмотрѣна мною. Лабораторія эта обставлена весьма богато приборами и производитъ колоссальное количество анализовъ пищевыхъ продуктовъ съ цѣлью опредѣленія доброкачественности и обнаруженія фальсификаціи.

Городъ Будапештъ, какъ и вообще вся Венгрія, богатъ своими бальнеологическими учрежденіями. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны были еще во времена древнихъ римлянъ. Сюда между прочимъ относится теплый источникъ „Rasz-fürdo“, находящійся по ту сторону Дуная въ Буда. При посѣщеніи этого бальнеологическаго заведенія я узналъ, что здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ заведеніяхъ, Буда-Пеш-

та купаются безъ всякаго указанія врача. Правда при каждомъ заведеніи имѣется свой врачъ, но онъ дѣлаетъ назначенія только тѣмъ посѣтителямъ, которые къ нему обращаются.—По увѣреніямъ врача бальнеологическаго заведенія „Racz-fürdo“ за 35-лѣтнюю его практику при этомъ заведеніи былъ всего одинъ случай внезапной смерти у посѣтителя, страдающаго органическимъ порокомъ сердца.

Самыя купальныя отдѣленія представляютъ рядъ отдѣленій, въ которыхъ температура атмосферы постепенно повышается благодаря насыщенному горячимъ паромъ воздуху. Первое отдѣленіе представляетъ общій бассейнъ, въ которомъ имѣется горячая вода 30—32° Ц., вытекающая прямо изъ подземнаго источника. Въ этотъ бассейнъ погружаются вмѣстѣ всѣ посѣтители. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, купальщики переходятъ въ комнату теплыхъ душей, а затѣмъ въ парильню № 1-й, гдѣ t° пара доходитъ до 37—40° Ц. Отсюда переходятъ въ парильню № 2, которая представляетъ очень жаркую русскую баню, съ весьма горячимъ паромъ. Въ этой парильнѣ особенно на верхней полкѣ могутъ париться немногіе. Послѣ горячаго снова слѣдуютъ теплыя души, затѣмъ прохладныя и наконецъ осушиваніе тѣла простынями. Всѣ эти довольно рѣзкія перемѣны t° каждый производитъ себѣ по своему желанію и усмотрѣнію.

Менѣе рискованными являются, по моему мнѣнію, ванны въ „Margaritenbad“ на „Margariteninsel“. Тамъ есть теплый источникъ съ примѣсью сѣрководорода. Ванны принимаются въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для одного или двухъ лицъ. Прислуга освѣдомляется о томъ, какой t° Вы желаете взять ванну и затѣмъ открываетъ краны съ холодной и горячей водой, такимъ образомъ, что въ бассейнѣ получается смѣсь, желаемой температуры. Бассейнъ для одного человѣка вмѣстимостью ведеръ въ 40—50. Если онъ переполняется, то вода льется черезъ край въ особый люкъ. Воды здѣсь не жалѣютъ.

Кромѣ упомянутыхъ учрежденій я осмотрѣлъ нѣкоторыя клиники и больницы, но описывать здѣсь ихъ хотя бы весьма кратко считаю не возможнымъ, такъ какъ съ одной стороны посѣщеніе мое было очень кратковременно, осмотръ весьма бѣглый и кромѣ того я не считаю себя въ настоящее

время компетентнымъ въ оцѣнкѣ современнаго устройства клиникъ.

Согласно приглашенію со стороны Колошварскаго городского управленія, опубликованному въ № 4, 5 и 6 дневника съѣзда, я рѣшилъ посѣтить эту древнюю столицу Трансильваніи, въ которой помѣщается второй университетъ Венгріи. Въ два часа пополудни, въ субботу 22 августа я выѣхалъ скорымъ поѣздомъ въ числѣ 60 экскурсантовъ (предполагаемая цифра приглашенныхъ) въ Колошваръ.

Въ пути намъ вручены были пакеты съ приглашеніями на обѣдъ, который Городское Управленіе Колошвара устраивало въ честь посѣтителей 23 августа въ 1^{1/2} часовъ дня и на ужинъ, устраиваемый университетомъ Колошвара въ 9^{1/2} часовъ вечера. Кромѣ того намъ вручены были листки, оповѣщавшіе насъ о томъ, что насъ ожидаютъ на вокзалѣ въ Колошварѣ разныя почетныя лица, въ квартирахъ которыхъ насъ размѣщаютъ.— Меня встрѣтилъ и пригласилъ къ себѣ ректоръ университета профессоръ физиологіи Udranszky.

Квартира его помѣщается въ казенномъ двухъэтажномъ зданіи, принадлежащемъ университету и вмѣщающемъ въ себѣ физиологическую и гигиеническую лабораторіи и квартиры завѣдующихъ этими лабораторіями. Вообще въ Колошварскомъ университетѣ большинство завѣдующихъ учебно-вспомогательными учрежденіями и даже нѣкоторые клиницисты имѣютъ казенныя квартиры при завѣдываемомъ учрежденіи. Преимущественно такого положенія вещей очевидно само собой: завѣдующій имѣетъ возможность не только непрерывно наблюдать за ввѣреннымъ ему учрежденіемъ, но главное—непрерывно работать, не затрачивая напрасно времени на путешествіе изъ дому въ учрежденіе и обратно. Вѣдь не всегда является возможность за соответствующую цѣну подыскать квартиру вблизи отъ учрежденія, которымъ завѣдуешь!

На слѣдующій день конгрессисты собрались въ торжественномъ залѣ „aula“ университета, гдѣ выслушали произнесенную на французскомъ языкѣ ректоромъ университета привѣтственную рѣчь. Хотя въ „aula“ присутствовала только часть профессоровъ медицинскаго факультета и универ-

ситетскаго Совѣта, тѣмъ не менѣе привѣтствіе произвело торжественное впечатлѣніе, чему не мало способствовала окружающая обстановка и благоустройство зала. Своеобразное впечатлѣніе производили стоявшіе въ залѣ у дверей два швейцара въ отороченныхъ медвѣжьимъ мѣхомъ шапкахъ и въ короткихъ венгерскаго покроя изъ темнозеленаго бархата казакинахъ, также отороченныхъ мѣхомъ, въ высокихъ сапогахъ и въ вышитыхъ галуномъ и цвѣтными шнурами штанахъ. У каждаго швейцара въ рукѣ была вызолоченная металлическая булава съ вычурными украшеніями. Изъ „aula“ подѣ предводительствомъ ректора мы отправились осматривать учебновспомогательныя и научныя учрежденія университета, причемъ въ первую очередь осмотрѣны были институты ботаническій, зоологическій, физическій и минералогическій съ музеемъ древнихъ памятниковъ Венгріи и Трансильваніи и собраніемъ картинъ. Въ каждомъ изъ учреждений конгрессисты встрѣчали завѣдующаго учрежденіемъ, который показывалъ свои владѣнія и давалъ соотвѣтствующія разъясненія. Между прочимъ намъ показали и помѣщеніе студенческаго атлетическаго клуба, расположенное на территоріи и въ зданіяхъ университета. Какъ видно этотъ клубъ пользуется покровительствомъ и средствами университета, такъ какъ помѣщеніе состоитъ изъ большого зала, въ которомъ находятся разнообразныя приборы для физическихъ упражненій и нѣсколькихъ комнатъ, имѣющихъ свое спеціальное назначеніе: кромѣ того при клубѣ имѣется ванная комната съ нѣсколькими ваннами. Студенты, сопровождавшіе конгрессистовъ, были въ бѣлыхъ съ желтымъ на околышкѣ галуномъ шапочкахъ и имѣли весьма приличный и здоровый видъ.

Затѣмъ мы отправились въ зданіе медицинскаго факультета и осмотрѣли лабораторію физиологическую, клиническую: внутреннихъ болѣзней, нервно-психіатрическую, акушерско-гинекологическую, глазную, хирургическую, центральную кухню и гистологическую лабораторію съ зоологическимъ институтомъ. Въ виду того, что осмотръ этихъ учреждений былъ нѣсколько поспѣшнымъ, я рѣшилъ подробнѣе осмотрѣть зоологическій и гистологическій институтъ послѣ обѣда, на что завѣдующій институтами проф. Арату далъ свое любезное согласіе. Но даже и при бѣгломъ осмотрѣ пере-

численныхъ учрежденій можно было констатировать всюду чистоту и порядокъ, довольство и обиліе въ обзаведеніи и наличность новѣйшихъ приспособленій въ научномъ оборудованіи. Въ центральной кухнѣ почти все было готово къ выдачѣ обѣда и мы могли убѣдиться въ доброкачественности, хорошемъ вкусѣ и разнообразіи отпускаемыхъ кушаній. Взимается въ клиникахъ съ больныхъ плата умеренная отъ 3 до 5-ти кронъ (1 р. 20 к. до 2 р.) въ сутки за все и сборъ съ больныхъ поступаетъ въ общеуниверситетскую кассу и, тратится на общія нужды всего медицинскаго факультета что гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ въ Одесскомъ университетѣ, гдѣ доходы съ больныхъ подчасъ очень крупные, поступаютъ только на нужды той клиники, гдѣ они собираются. Такимъ образомъ каждая клиника у насъ является заинтересованной въ доходахъ со своихъ больныхъ и въ силу этого быть можетъ отдаетъ предпочтеніе платнымъ больнымъ и изъ послѣднихъ тѣмъ, которые платятъ дороже...

Во всякомъ случаѣ мнѣ казалось бы справедливымъ, чтобы клиники, пользуясь ассигнованіемъ на свои нужды какъ изъ штатныхъ, такъ и изъ спеціальныхъ средствъ университета, отдавали бы доходы въ общую кассу факультета съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ суммъ нѣкоторая часть могла затрачиваться и на нужды теоретическихъ кафедръ.—Послѣднимъ учрежденіемъ, находившимся въ программѣ осмотра на этотъ день, была университетская библіотека. Это былъ повидимому самый эффектный номеръ программы, который не безъ цѣли былъ оставленъ подъ конецъ; и дѣйствительно можно было позавидовать венгерцамъ за то, что они такъ умѣло пользуются средствами на полезныя учрежденія и умѣютъ быть щедрыми тамъ, гдѣ это нужно. Роскошное 4-этажное зданіе университетской библіотеки состоитъ изъ 2-хъ частей-крыльевъ, связанныхъ между собою среднимъ параднымъ входомъ. Въ первомъ крылѣ помѣщается книгохранилище, изъ 4-хъ этажей коего всего занято только 2 и то не вполнѣ. Но объ обширности этихъ книгохранилищъ можно судить потому, что въ двухъ отдѣленіяхъ имѣется больше 80000 названій и слѣдовательно, туда можно будетъ помѣстить еще столько же. Устройство книгохранилищъ отпѣчаетъ современнымъ требованіямъ: въ строительномъ ма-

теріалъ зданія фигурируетъ только кирпичъ, камень, мраморъ, бетонъ, желѣзо, и стекло. Полы герр. потолки отдѣльныхъ этажей книгохранилища, представляютъ рѣшетки изъ желѣза, въ которыя вставлены стеклянныя пластинки съ задрланной въ нихъ проволочной сѣткой. Полки книгохранилищъ желѣзныя и устроены такимъ образомъ, что ихъ легко можно переставить на любую высоту, отчего выигрывается мѣсто между книгами. Конечно повсюду въ библіотекѣ, а также и въ книгохранилищѣ система освѣщенія электрическая. Въ лѣвомъ крылѣ зданія помѣщается цѣлый рядъ кабинетовъ для администраціи библіотеки, кабинеты для научной работы, залы засѣданій, а также залъ для храненія фамильныхъ документовъ. Послѣдній представляетъ особый интересъ, такъ какъ въ немъ хранятся документы древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій Трансильваніи. Это своего рода архивъ аристократическихъ фамилій. Наконецъ читальный залъ, помѣщающійся въ средней части зданія прямо впередъ отъ vestibюля, представляетъ обширное помѣщеніе, рассчитанное правда на небольшое количество (всего 80) посѣтителей, но за то каждое мѣсто представляетъ всѣ удобства для научной работы: оно просторно, отдѣлено перегородкой отъ сосѣднихъ мѣстъ и снабжено достаточнымъ количествомъ свѣта какъ дневного, такъ и электрическаго. На сооруженіе зданія библіотеки ассигнована была весьма крупная сумма денегъ, размѣръ которой, къ сожалѣнію, я сейчасъ не припоминаю.

Утомленные форсированными осмотрами, въ 2 часа дня вмѣсто 1^{1/2}, конгрессисты прибыли въ залъ гостиницы Нью-Йоркъ, гдѣ долженъ былъ произойти пріемъ отъ города въ видѣ обѣда. За обѣдомъ произнесены были привѣтственные рѣчи какимъ-то администраторомъ нѣчто вродѣ губернатора семи округовъ, — далѣе — городскимъ головой гор. Колошвара и ректоромъ университета. Были и отвѣтныя рѣчи со стороны конгрессистовъ. По окончаніи обѣда большинство гостей пошли осматривать городъ и его достопримѣчательности (музей, соборъ, памятники и проч.). Я же съ прив. доц. А. В. Леонтовичемъ, который вмѣстѣ со мной пользовался гостепрїимствомъ ректора Udgranszky'аго, отправился къ проф. Арату осматривать подробно его институтъ. Это очень боль-

шое зданіе состоитъ изъ четырехъ этажей, изъ которыхъ верхній отведенъ подъ квартиру завѣдующаго (около 10 большихъ комнатъ) и подъ его собственную лабораторію. Крыша дома плоская и на ней разведены цвѣтники и поставлены акваріи и терраріи. Такимъ образомъ является возможность въ случаѣ надобности работать на открытомъ воздухѣ, на крышѣ дома.

Вокругъ cadaго изъ этажей, за исключеніемъ нижняго, имѣется широкій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ нѣскольکو саженой длины балконъ съ бетоннымъ барьеромъ толщиною въ 6 вершковъ. Эти балконы также позволяютъ дѣлать наблюденія на открытомъ воздухѣ. Если добавить къ сказанному, что институтъ построенъ на склонѣ довольно высокаго холма въ обширномъ ботаническомъ саду, богатомъ разнообразною растительностью, то можно легко представить себѣ, насколько можетъ быть пріятной работа въ подобномъ институтѣ. Видъ на окрестности почти со всѣхъ балконовъ весьма живописный, такъ какъ Колошваръ окруженъ горами, покрытыми хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Въ слѣдующемъ за верхнимъ этажемъ, т. е. въ третьемъ снизу помещается или вѣрнѣе будетъ помещаться (такъ какъ институтъ только недавно отстроенъ и только 4-й этажъ и нѣкоторыя помещенія 3-го и 2-го этажей заняты и оборудованы) зоологическій музей и зоологическая лабораторія.

Во второмъ этажѣ имѣется обширная на 200—250 мѣсть аудиторія, выстроенная, какъ и весь институтъ, по плану и замысламъ самаго проф. Арату. Здѣсь имѣются всѣ современныя приспособленія для примѣненія нагляднаго преподаванія: аппараты для вывѣшиванія таблицъ и рисунковъ, стеклянная матовая доска для рисованія во время лекцій, бѣлый экранъ для проэцированія микроскопическихъ картинъ.

Особенно охотно демонстрируетъ проф. Арату столъ, на которомъ выставляются демонстраціонные микроскопы съ препаратами. Количество выставляемыхъ микроскоповъ можетъ доходить до 30. Для освѣщенія можно пользоваться днемъ дневнымъ свѣтомъ, а вечеромъ—газовымъ или электрическимъ. Въ устройствѣ этого стола Арату обнаружилъ не только знакомство съ надлежащей постановкой дѣла пре-

подаванія, но также и педагогическую опытность: зная какъ часто студенты, благодаря неопытности и отчасти непривычкѣ къ извѣстному порядку (особенно въ первый годъ пребывания въ университетѣ) сами затрудняютъ разсматриваніе выставленныхъ подъ микроскопомъ препаратовъ тѣмъ, что сдвигаютъ микроскопы въ сторону, смѣщаютъ препараты, и толкая другъ друга, дѣлаютъ невозможнымъ спокойное изученіе. Арату придумалъ устроить возлѣ столовъ желѣзныя перила и загородки, устраняющія возможность взаимной толкотни, а также велѣлъ выдолбить въ верхней доскѣ стола углубленія, по формѣ соответствующія ножкѣ микроскопа. Установленный въ такомъ углубленіи микроскопъ не можетъ быть сдвинутъ съ мѣста случайнымъ толчкомъ.—Заботливость профессора по отношенію къ своимъ слушателямъ выразилась также въ устройствѣ удобныхъ для сидѣнья скамей (чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про многія наши аудиторіи), въ изобиліи электрическаго свѣта, а также въ установкѣ на потолкѣ аудиторіи трехъ большихъ вентиляторовъ—вѣровъ, предназначенныхъ для охлажденія черезъ-чуръ нагрѣтой во время лекцій атмосферы.

О томъ, что система нагрѣванія (центральное водяное отопленіе) и вентиляція удовлетворяютъ требованіямъ самаго строгаго гигиениста—въ данномъ случаѣ говорить нечего. Въ частности описываемая аудиторія, содержащая огромное количество воздуха и вентилируемая системой каналовъ, проложенныхъ въ стѣнахъ, снабжена еще электрическими вентиляторами, помѣщенными въ окнахъ...

Съ меньшей заботливостью устроены и распределены помѣщенія другихъ этажей. Невольно приходится удивляться, когда слышишь, что планъ зданія во всѣхъ его деталяхъ выработанъ специалистомъ гистологіи, не знакомымъ со строительнымъ искусствомъ проф. Арату.

Меня лично весьма заинтересовалъ нижній этажъ: здѣсь устроена анфилада комнатъ для содержанія животныхъ наиболее употребляемыхъ для экспериментовъ въ лабораторіи. Здѣсь имѣется цѣлая комната, отведенная только для саламандръ, другая только для аксолотлей, третья для крысъ, четвертая для морскихъ свинокъ и т. д.

Каждая комната имѣетъ чисто оцементированный полъ и стѣны (до высоты человѣческаго роста). Въ полу имѣется отверстіе для стока воды, которая можетъ быть налита изъ помѣщающихся въ надлежащемъ мѣстѣ крановъ. Въ окнѣ каждой комнаты имѣется электрическій вентиляторъ. Въ нижнемъ же этажѣ имѣются акваріумы—прѣсноводные и морскіе. Тутъ же въ нижнемъ этажѣ помѣщаются операціонныя для опытовъ надъ животными, а также различныя мастерскія: столярная, токарная, слесарная и др. Хотя все это мы видѣли только въ видѣ помѣщеній еще не только не заселенныхъ, но и не вполне омеблированныхъ—тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ всего видѣннаго получилось очень сильное и къ этому впечатлѣнію примѣшивалось чувство нѣкоторой зависти, почему все это не у насъ. Повидимому проф. Арату не стѣснялся въ средствахъ, такъ какъ тѣ части его института, которыя уже оборудованы, отличаются изобиліемъ и даже роскошью научнаго инвентаря.—Здѣсь онъ далъ просторъ своей изобрѣтательности и мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми его изобрѣтеніями, вызывающими сомнѣнія въ ихъ необходимости, а иногда даже цѣлесообразности. Сюда могу отнести его столъ для микротомы, представляющій столъ, подъ крышкой котораго имѣются многочисленныя выдвижныя различной формы и величины ящики, а на крышкѣ находится стеклянный ящикъ, стѣнки котораго могутъ въ любомъ мѣстѣ открываться какъ дверцы. Металлическая дощечка на верхней рамѣ ящика имѣетъ надпись, гласящую, что сей столъ сооруженъ по плану, придуманному проф. Арату. Просмотрѣвъ нѣсколько великолѣпныхъ микроскопическихъ препаратовъ, которые намъ продемонстрировалъ любезный директоръ института, мы въ 8 часовъ закончили осмотръ.

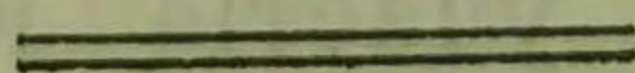
За ужиномъ (въ томъ же ресторанѣ New-York), данномъ въ честь конгрессистовъ университетомъ, составилъ списокъ желающихъ принять участіе въ экскурсіи къ электрическимъ машинамъ Колошвара на слѣдующій день. Въ списокъ записался и я. На другой день утромъ въ 9 часовъ утра передъ зданіемъ медицинскихъ лабораторій оказалась цѣлая вереница экипажей, въ которыхъ мы и размѣстились. Отъ Колошвара до поселка въ горахъ, гдѣ помѣщаются

электрическія машины, снабжающія электрической энергіей г. Колошваръ, насчитываютъ до 30 верстъ. День былъ пасмурный; выпавшій ночью дождь сдѣлалъ дорогу грязной; дождикъ то начиналъ, то переставалъ падать въ продолженіе всего пути. Весь путь до машинъ занялъ 3 часа ѣзды, считая и 2 пятиминутныя остановки. Дорога мѣстами была весьма живописная, но туманъ на вершинахъ горъ и дождь нѣсколько разъ начинавшій падать какъ на пути къ машинамъ, такъ и обратно и заставлявшій кучеровъ поднимать верхи экипажей, не давали намъ возможности достаточно познакомиться съ красивыми видами, попадавшимися по пути. Прибывъ въ 12^{1/2} часовъ дня къ поселку, гдѣ находятся машины, мы отправились осматривать послѣднія.

Машины турбинной системы двигаются водой, падающей съ высоты 50 метровъ... Какъ и всюду во всѣхъ учрежденіяхъ, которыя намъ демонстрировались въ Колошварѣ и въ Буда-Пештѣ, лица показывавшія данное учрежденіе, давали объясненія съ видомъ удовлетворенной національной гордости, обращали наше вниманіе на то, что самыя машины отлиты и собраны въ Венгріи—въ Буда-Пештѣ, о чемъ гласила и надпись на крупныхъ частяхъ машинъ.

Въ программу экскурсіи входило посѣщеніе источниковъ, откуда получается вода, двигающая турбины, но грязь въ лѣсу и дождь помѣшали исполнить эту часть программы. Пообѣдавши въ деревенскомъ ресторанѣ, мы къ 6 часамъ вечера возвратились въ Колошваръ, а на другой день утромъ въ 5^{1/2} часовъ утра провожаемые нашимъ любезнымъ хозяиномъ, ректоромъ университета, мы выѣхали изъ Колошвара, направляясь черезъ Румынію въ Россію.

Въ Одессу я прибылъ 26 августа и 27 вступилъ въ исполненіе обязанностей.

Ординарнаго проф. А. Ф. Маньковскаго.

II.

Краткій отчетъ о заграничной командировкѣ въ Каиръ въ лѣтнее каникулярное время 1909 года.

Ходатайствуя о командировкѣ въ Каиръ, я преслѣдовалъ двоякую цѣль: во первыхъ я имѣлъ въ виду познакомиться съ устройствомъ и оборудованіемъ единственнаго въ Египтѣ медицинскаго факультета въ Каирѣ и съ постановкой въ немъ преподаванія, что въ особенности являлось интереснымъ въ виду географическаго положенія и климатическихъ особенностей города. Кромѣ того я надѣялся при посѣщеніи различныхъ учрежденій факультета завязать научное знакомство съ директорами этихъ учрежденій, дабы обмѣниваться сочиненіями и матеріаломъ для научныхъ изслѣдованій въ будущемъ.

Вторая цѣль моей поѣздки въ Каиръ заключалась въ намѣреніи добыть матеріаль для предпринятыхъ въ моей лабораторіи изслѣдованій. Этимъ матеріаломъ являются хамелеоны (*Chameleo Vulgaris*)—животное, которое, къ сожалѣнію, за десятилѣтній періодъ существованія моей лабораторіи не удалось сохранить живымъ въ теченіи хотя бы одной зимы.

Поэтому я имѣлъ въ виду привести изъ Каира нѣсколько экземпляровъ этихъ животныхъ живыми, а также обезпечить на мѣстѣ возможность полученія ихъ по мѣрѣ надобности.

Изъ Одессы я выѣхалъ 14 іюня на пароходѣ „Одесса“, захвативъ съ собою нѣсколько проволочныхъ клѣтокъ, а так-

же и кормь (мучныхъ червей) для хамелеоновъ. Путешествіе изъ Одессы въ Египетъ на пароходъ, т. наз. „прямой Александрійскій рейсъ“, занимаетъ одну недѣлю времени, причемъ пароходъ по пути заходитъ въ слѣдующіе порты: Константинополь, Смирну, Пирей и имѣетъ тамъ стоянки, продолжительность которыхъ находится въ зависимости отъ грузовыхъ операцій.

Хотя ознакомленіе съ упомянутыми городами и не находилось въ непосредственной связи съ цѣлью моей командировки, тѣмъ не менѣе однако я воспользовался стоянками, дабы посѣтить Константинополь, Смирну и Аѣины, въ которыхъ можно видѣть высокой цѣнности памятники древней культуры. Прибывъ въ Александрію 21 іюня, я на слѣдующій день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Каиръ. Употребивъ 22/VI и часть слѣдующаго дня на ознакомленіе съ городомъ, я отправился 23 іюня въ медицинскую школу (медицинскій факультетъ) Каира. Находится она въ мѣстности, называемой „Kasr-El-'Aini“. Здѣсь расположены: анатомическій институтъ, лабораторіи и клиники, причемъ всѣ вмѣстѣ зданія называются „Kasr-El-'Aini“.

Къ сожалѣнію по случаю наступившихъ лѣтнихъ ваканцій всѣ профессора и ихъ ассистенты оказались въ отъѣздѣ и мнѣ удалось только познакомиться съ докторомъ Maddam, директоромъ Медицинской школы, профессоромъ оперативной хирургіи. Благодаря его любезному содѣйствію и личному соупутствію, я осмотрѣлъ всѣ институты теоретическихъ кафедръ и получилъ отвѣты на интересовавшіе меня вопросы.

Общее количество студентовъ, изучающихъ медицину на всѣхъ курсахъ, равно всего 150 человекъ. Такимъ образомъ, отдѣльные курсы являются весьма немногочисленными, чѣмъ и можно объяснить весьма скромные размѣры институтовъ и лабораторій. Аудиторіи представляютъ обыкновенныя комнаты иногда весьма небольшихъ размѣровъ съ черной деревянной доской, небольшой кафедрой и нѣсколькими длинными скамьями. Нигдѣ я не нашелъ проэкціонныхъ аппаратовъ и приспособленій для вывѣшиванія таблицъ. Музей при анатомическомъ институтѣ не великъ и антропологическія коллекціи только недавно прибыли въ ящи-

кахъ изъ мѣсть раскопокъ и, надо сознаться, прибыли въ весьма хаотическомъ состояніи: вслѣдствіе плохой упаковки многіе черепа оказались разбитыми и обломки ихъ перемѣшанными между собою. Патолого-анатомическій музей также весьма скуденъ. Въ немъ однако, бросается въ глаза богатая коллекція кишечныхъ паразитовъ. Для гистологическихъ занятій нормальной гистологіей имѣется небольшой залъ, въ которомъ можетъ свободно работать не болѣе 20—25 человекъ. Для руководства занятіями кромѣ профессора имѣются 2 ассистента. Всѣ занятія заканчиваются въ началѣ іюня мѣсяца и возобновляются въ срединѣ сентября. На мой вопросъ, не тяготятся ли студенты жарой въ сентябрѣ и въ началѣ іюня, проф. Maddam отвѣтилъ мнѣ тѣмъ, что повелъ меня въ секціонный залъ, гдѣ мы увидѣли четырехъ студентовъ, препарировавшихъ сосуды и нервы трупа, который, не смотря на формалиновую инъекцію, издавалъ изрядное зловоніе. Такъ какъ почти всѣ студенты мѣстнаго медицинскаго факультета туземцы, то они не особенно тяготятся лѣтнею жарой. Въ административномъ отношеніи медицинская школа не зависитъ отъ Каирскаго университета. Послѣдній находится вблизи мѣстности, называемой „Kasr-En-Nil“ и носитъ названіе „Египетскаго университета“. Съ постановкой учебнаго отдѣла въ „Египетскомъ университетѣ“ я не имѣлъ возможности познакомиться, такъ какъ не располагалъ временемъ.

Для осмотра клиникъ я пріѣхалъ въ „Kasr-El-'Aini“ на слѣдующій день, т. е. 24 іюня и, благодаря любезности того же проф. Maddam осматривалъ ихъ. Это больничныя учрежденія, по обстановкѣ напоминающія наши „госпитальныя“ клиники. Обстановка и содержаніе больныхъ довольно просты. Операціонныя, однако, обставлены соотвѣтственно высшимъ требованіямъ науки и инструментарій отличается обиліемъ.

Хамелеоновъ въ Каирѣ мнѣ не удалось добыть. Ихъ доставили мнѣ въ Александріи, откуда я выѣхалъ 28 іюня. Устроить доставку этого зоологическаго матеріала мнѣ удалось такимъ образомъ, что нѣкоторые лица изъ команды парохода обѣщали привезти мнѣ для нуждъ лабораторіи за извѣстное вознагражденіе этихъ животныхъ, причемъ дѣлая

заказъ, я долженъ послать также и клѣтки для перевозки, и кормъ для животныхъ.

Въ Одессу я возвратился изъ Каира 5 іюля.

Заканчивая настоящій краткій отчетъ, я считаю долгомъ отмѣтить, что при введенныхъ нынѣ на пароходахъ Русскаго Общества пароходства и торговли льготахъ для экскурсантовъ учащихъ и учащихся я считалъ бы въ высшей степени полезной и поучительной для студентовъ медиковъ поѣздку экскурсію въ Каиръ съ посѣщеніемъ по пути Константинополя, Смирны и Аѳинъ. Не только своеобразная культура, историческіе памятники и флора, и фауна, лежащая на пути странъ, могутъ дать поучительный матеріалъ для учащейся молодежи, но и этнографическія особенности населенія, условія ихъ быта, распространеннѣйшія заболѣванія и способы народнаго леченія являются весьма интереснымъ предметомъ для наблюденія какъ учащагося студента, такъ и опытнаго врача.

ОТЧЕТЪ

Привать-доцента Л. И. Ускова о его заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время 1908 г.

Лѣтомъ 1908 г. Медицинскій Факультетъ Новороссійскаго Университета командировалъ меня за границу для усовершенствованія моего клиническаго образованія. Съ этой цѣлью я прежде всего посѣтилъ Берлинъ. Тамъ въ университетѣ я засталъ учебныя занятія въ полномъ ходу. Въ клиникахъ и въ медицинскихъ лабораторіяхъ велись различныя научныя работы.

Послѣ подробнаго осмотра клиникъ и лабораторій въ Charité, я все остальное время посвятилъ ознакомленію съ постановкой преподаванія клинической медицины въ Берлинскомъ университетѣ и посѣщалъ лекціи представителей внутренней медицины: проф. *Senator'a*, *His'a F. Kraus'a*, *Michaelis'a* и др.; особенное вниманіе я обратилъ на веденіе клиническихъ занятій въ клиникѣ проф. *F. Kraus'a*; для этой цѣли я въ теченіе своего пребыванія въ Берлинѣ присутствовалъ на его лекціяхъ и клиническихъ обходахъ.

Проф. *F. Kraus* обычно разбираетъ во время лекціи нѣсколько больныхъ; сначала онъ читаетъ исторію болѣзни, составленную ординаторомъ, знакомитъ съ анамнезомъ и объективными данными, а затѣмъ производитъ изслѣдованіе больного; отмѣчаетъ выдающіяся особенности, демонстрируетъ діаграммы t° -ры, пульса, рентгенограммы, микроскопическіе препараты, приготовленные изъ различныхъ продуктовъ, добытыхъ отъ больныхъ, химическія реакціи, различныя графическія данныя и нерѣдко прибѣгаетъ къ помощи

эпидіаскопа. Въ его клиникѣ мнѣ пришлось видѣть среди стационарныхъ больныхъ много интересныхъ случаевъ: лимфатическую лейкемію, осложненную воспаленіемъ суставовъ, интерстиціальній нефритъ съ геморрагической сыпью, злокачественное малокровіе и перемежающійся гидронефрозъ. Одновременно я наблюдалъ различные методы терапіи.

Клиника проф. *His*'а помѣщается въ томъ же зданіи, гдѣ и клиника проф. *Kraus*'а; лекціи проф. *His*'а отличаются обиліемъ и разнообразіемъ патологическихъ случаевъ; у него также мнѣ пришлось видѣть много интересныхъ случаевъ какъ въ клиническомъ, такъ и въ терапевтическомъ отношеніяхъ.

Помимо клиникъ меня интересовала постановка врачебнаго дѣла въ другихъ лѣчебныхъ учрежденіяхъ, и я остановилъ свое особенное вниманіе на Вирховской больницѣ. Подробный осмотръ этого учрежденія отнялъ большое количество времени; съ интересомъ отнесся я къ водолѣчебницѣ, механотерапевтическому отдѣленію и рентгеновскому кабинету, гдѣ мною не только подробно осмотрѣны инвентарій и всѣ лѣчебныя приспособленія, но и примѣненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Изъ методовъ изслѣдованія и терапіи мною были изучены слѣдующіе: примѣненіе ортодіаграфа *Grödel*'я, телефотографія сердца, рентгенографія почекъ и мочеточниковъ, приборы для ингаляціи кислорода и для лѣченія новообразованій фульгураціей, дѣйствіе маски *Kuhn*'а и полученіе электрокардіограммы у человѣка и у животныхъ.

Основныя свѣдѣнія по электрокардіографіи я приобрѣлъ въ физиологическомъ институтѣ Берлинскаго Университета у прив.-доц. *Nicolai*; съ примѣненіемъ же прибора на людяхъ и съ клиническимъ значеніемъ этого метода я ознакомился въ клиникѣ проф. *F. Kraus*'а и въ кабинетѣ прив.-доц. *Steyrer*'а.

Въ физиологическомъ институтѣ я изучилъ устройство и дѣйствіе малаго струннаго гальванометра. Подъ руководствомъ прив.-доц. *Nicolai* я наблюдалъ отклоненія нити гальванометра подъ вліяніемъ электрическихъ токовъ мышцъ и сердца лягушки и ознакомился съ приѣмами установки чувствительности прибора и съ компенсаціей нулевого тока. По-

слѣ этого я перешелъ къ изученію электрическихъ токовъ сердца у собаки посредствомъ большого струнного гальванометра.

Эти опыты производились въ особомъ помѣщеніи института, которое состояло изъ двухъ маленькихъ комнатъ; первая комната служила фотографической; здѣсь помѣщался падающій фотографическій аппаратъ; впереди него укладывалась въ станкѣ кураризированная собака; въ другой же комнатѣ устанавливался струнный гальванометръ и дуговой фонарь; свѣтъ отъ дугового фонаря, пройдя оптическую систему гальванометра, проникалъ въ фотографическую комнату черезъ узкую щель въ стѣнѣ, гдѣ и достигалъ свѣточувствительной бумаги.

У кураризированныхъ животныхъ предсердіе и желудочекъ обнаженнаго сердца соединялись съ пишущими капсулами; электрическіе же токи, происшедшіе отъ сокращеній сердца, отводились электродами, введенными въ *oesophagus* и *anus*, къ струнному гальванометру. Посредствомъ проэкціоннаго дугового фонаря колебанія нити отражались вмѣстѣ съ рычажками *Marey*'евскихъ барабанчиковъ, регистрировавшихъ біенія предсердій и желудочковъ на чувствительной бумагѣ падающаго регистрирующаго фотографическаго аппарата. На негативѣ получались три кривыя: возвышенія отъ сокращеній предсердій, желудочковъ и электрокардіограммы; изъ сопоставленія формы величины и временныхъ отношеній этихъ возвышеній составлялись заключенія о функціи мышечнаго аппарата сердца.

Для снятія электрокардіограммы у людей приспособлено отдѣльное помѣщеніе, состоящее изъ 2-хъ комнатъ; въ первой изъ нихъ расположено инвентарій, во второй—кресло для изслѣдуемаго.

Инвентарій состоялъ изъ слѣдующихъ приборовъ: 1) дугового фонаря; 2) большого струнного гальванометра *Einthoven*'а; 3) изъ магазиновъ сопротивленія; 4) телефона; 5) индукціонной катушки; 6) конденсатора; 7) реохорда и 8) аккумуляторныхъ батарей въ 2 в. и въ 10 в.

Приборы были расположены на 3-хъ столахъ: на первомъ столѣ находился дуговой фонарь и впереди него большой струнный гальванометръ; на 2-мъ столѣ—магазины со-

противленія, а на разстояніи 1 метра отъ струннаго гальванометра—фотографическій аппаратъ.

Два большихъ электромагнита питались аккумуляторной батареей въ 10 в., вслѣдствіе чего между ними образовалось магнитное поле, въ которое и вводилась въ струнодержатель нить изъ кварца или платины, толщиной въ 0,002 — 0,004 мм., длиной—87 мм., съ сопротивленіемъ—6000—8000 омъ.

Расположенная между полюсами магнитовъ нить освѣщалась дуговымъ фонаремъ съ ручной регулировкой, причемъ интенсивность свѣта усиливалась расположеннымъ впереди нити конденсоромъ—ахроматомъ; изображеніе нити проходило черезъ проэкціонный окуляръ—апохроматъ и въ увеличенномъ видѣ отражалось на миллиметровой скалѣ фотографическаго регистрирующаго аппарата, а черезъ щель въ послѣднемъ на ленту фотографической бумаги.

При прохожденіи токовъ дѣйствія нить отклонялась; степень отклоненія отмѣчалась на миллиметровой скалѣ фотографическаго аппарата.

Посредствомъ распределительныхъ сопротивленій нить могла быть соединяема съ нормальнымъ элементомъ или съ человѣческимъ тѣломъ. Нормальный элементъ давалъ возможность точно регулировать чувствительность нити по степени отклоненія, а именно, установка была рассчитана такимъ образомъ, что 0,0001 в. нормальнаго элемента отклонялъ нить на 1 мм. дѣленія скалы.

При соединеніи нити съ человѣческимъ тѣломъ она отклонялась отъ нулевого положенія и обнаруживала ритмическія колебанія; первое происходило отъ нулевого тока тѣла, а вторая отъ токовъ дѣйствія сердца.

Въ отдѣльной комнатѣ помѣщалось кресло съ 4 фарфоровыми ваннами для рукъ и ногъ (Vierzellenbad); ванны были наполнены 7⁰/₀₀ растворомъ NaCl; въ нихъ опускались электроды, отъ которыхъ шли проводники черезъ сѣть сопротивленій къ нити гальванометра; обычно токи отводились отъ правой и лѣвой руки; испытуемый усаживался въ кресло, обнажалъ руки до плечъ и опускалъ ихъ въ соленыя ванны.

Самое изслѣдованіе производилось слѣдующимъ образомъ: сначала измѣрялось сопротивленіе тѣла испытуемаго

субъекта. Затѣмъ зажигали дуговой фонарь и тотчасъ-же получали ясное изображеніе тѣни на скалѣ фотографическаго аппарата, вводили нить въ свѣтъ съ нормальнымъ элементомъ и урегулировывали чувствительность нити такъ, чтобы 0,0001 вольта вызывали отклоненіе нити на 1 mm. Вслѣдъ за этимъ перемѣщали контакты на компенсацію. При чемъ съ одной стороны нить соединялась съ человѣческимъ тѣломъ, съ другой вводили токъ отъ 2-хъ вольтоваго аккумулятора. Этимъ приспособленіемъ уравнивался нулевой токъ тѣла и положеніе нити приводилось къ 0 скалы. Лишь только это достигалось, натяженіе нити дѣлалось одинаковымъ въ обѣ стороны и она колебалась только подъ вліяніемъ токовъ дѣйствія сердца; тогда пускали въ ходъ фотографическій аппаратъ и получали на свѣточувствительной бумагѣ кривую сердечныхъ токовъ, отмѣтку времени и свѣтку Garten'a. На прилагаемой электрокардіограммѣ отчетливо видны всѣ эти отношенія.

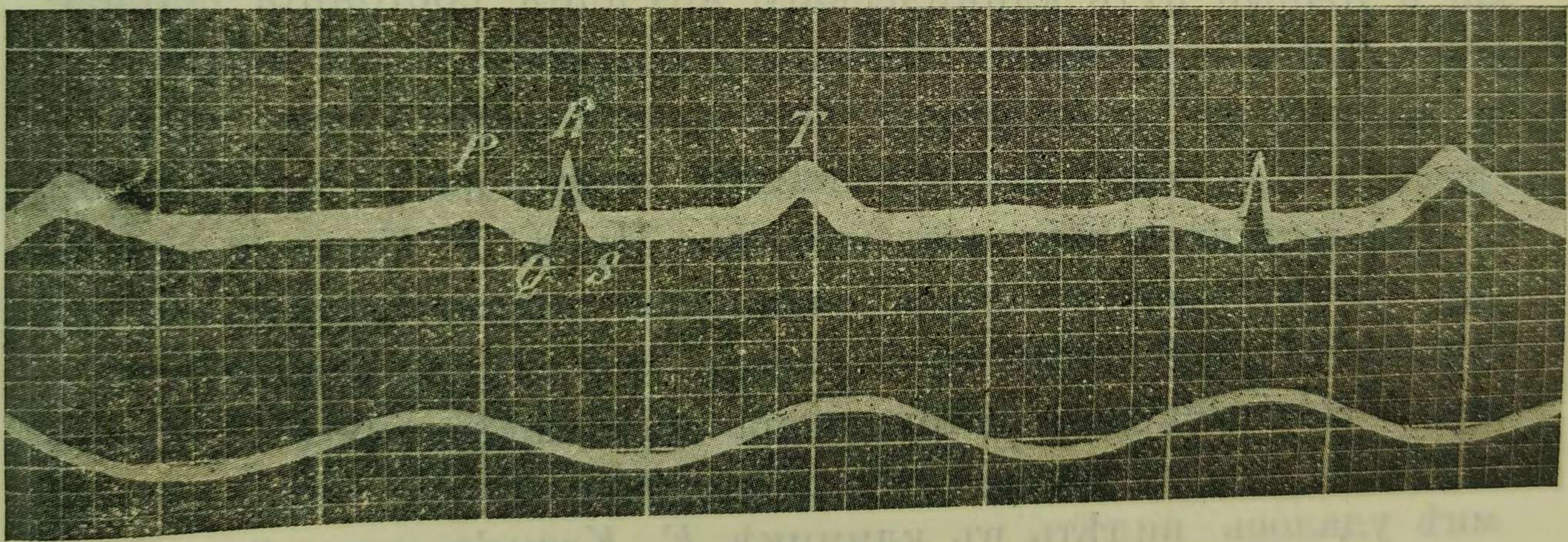

Рис. 1. Электрокардіограмма верху и отмѣтка времени внизу.

Кривая сердечныхъ токовъ состоитъ изъ ряда выступовъ различной величины и различнаго направленія. Согласно экспериментальнымъ и клиническимъ наблюденіямъ электрокардіограмма здороваго при первомъ отведеніи и при чувствительности нити, дающей отклоненіе 10 mm. при напряженіи 0,001 v. даетъ 5 зубцовъ, названныхъ *Einthoven*'омъ по порядку P, Q, R, S и T.

Зубцы различной величины, направленія и протяженія. Небольшой зубецъ P зависитъ отъ сокращенія предсердій,

2 другихъ—высокій и острый R и болѣе низкій и тупой T вызваны сокращеніемъ желудочковъ.

Такая форма такого дѣйствія наблюдалась только у здоровыхъ; у больныхъ замѣчались различныя, весьма важныя въ діагностическомъ отношеніи отклоненія.

Струнный гальванометръ *Einthoven*'а позволяетъ судить о сокращеніяхъ предсердій и желудочковъ и такимъ образомъ дѣлаетъ возможнымъ, во-первыхъ, сужденіе о малодоступной для нашихъ обычныхъ инструментальныхъ приспособленій дѣятельности предсердій и желудочковъ, а, во-вторыхъ, по электрокардіограммѣ мы узнаемъ, нормально ли переходитъ возбужденіе съ предсердій на желудочки и типичны ли одиночныя сокращенія предсердій и желудочковъ, о чемъ мы до сихъ поръ почти не могли получить никакихъ свѣдѣній и такимъ образомъ этотъ способъ изслѣдованія является весьма важнымъ и существеннымъ обогащеніемъ нашихъ діагностическихъ методовъ изслѣдованія. Этотъ методъ изслѣдованія представляетъ новый, очень тонкій и точный путь клиническаго изученія состоянія сердечной мышцы и анализа механизма сокращеній и несомнѣнно, въ видахъ дальнѣйшей успѣшной разработки, имѣетъ громадное значеніе одновременныя клиническія наблюденія и экспериментальныя изслѣдованія. Проф. *F. Kraus* и прив.-доц. *Nicolai* представляютъ очевидное доказательство плодотворности такой совмѣстной работы; въ то время какъ прив.-доц. *Nicolai* экспериментировать на животныхъ, проф. *F. Kraus* изучаетъ электрокардіограммы на сердечныхъ больныхъ, и мнѣ удалось видѣть въ клиникѣ *F. Kraus*'а случай, когда посредствомъ электрокардіограммы впервые удалось обнаружить пораженіе сердца, развившееся въ теченіе инфекціоннаго заболѣванія и оставшееся до того времени скрытымъ.

Изученіе устройства электрокардіографа и обращенія съ нимъ потребовало много времени, и потому, вѣдствие кратковременности имѣвшагося въ моемъ распоряженіи отпуска, я ограничился посѣщеніемъ только Берлинскаго Университета.

Во время посѣщенія клиники я имѣлъ возможность продемонстрировать проф. *F. Kraus*'у свой приборъ—сфигмотонографъ, описаніе котораго затѣмъ появилось въ *Zeitschrift für*

klinische Medicin, Bd. 66, N. 1/2. Профессоръ нашелъ приборъ цѣлесообразно устроеннымъ, обратилъ вниманіе на легкость и удобство обращенія съ приборомъ и поручилъ д-ру *Ruge* произвести испытаніе аппарата надъ больными въ своей клиникѣ *).

Прив. доц. Л. Усковъ.

*) ОтзЫвъ проф. *F. Kraus*'а въ *Münch. med. Wochenschrift*, 1909. № 2, s. 107.

ПРОГРАММА

курса Физики, прочитаннаго въ 1908—1909 академическомъ году для студентовъ медиковъ ординарнымъ профессоромъ Б. В. Станкевичемъ.

1) Опредѣленіе Физики. Наблюденіе, опытъ, гипотеза, теорія. Законы сохраненія вещества и энергіи. Примѣры превращеній энергіи. Пространство. Мѣры длины, поверхности, объема. Метрическая система. Нониусъ перваго и второго рода. Катетометръ. Дѣлительная машина. Сферометръ. Измѣреніе угловъ. Время—звѣздное, истинное солнечное и *среднее солнечное* (гражданское). Масса. „Граммъ—масса“. Символы физическихъ величинъ.

2) Движеніе точки. Скорость. Движеніе прямолинейное равномерное. Сложеніе двухъ такихъ движеній, направленныхъ подъ угломъ одно къ другому. Параллелограммъ скоростей. Движеніе прямолинейное равномерно ускоренное и равномерно замедленное. Опыты съ машиной Атвуда. Ускореніе при криволинейномъ движеніи. Равномерное движеніе по кругу. Центростремительное ускореніе. Сложеніе движенія прямолинейнаго равномерно-ускореннаго съ прямолинейнымъ равномернымъ, при чемъ они направлены подъ угломъ одно къ другому.

3) Первый законъ Динамики, или законъ инерціи. Опыты. Второй законъ. Сила мгновенная и сила непрерывно дѣйствующая. Дина. Третій законъ—о „дѣйстви и противодействи“. Свободное и несвободное паденіе тѣлъ на Землю. Полетъ пули. Сила тяжести. Наклонная плоскость. Маятникъ.

Законы Кеплера. Законъ Ньютона. Всемирное тяготѣніе. Вѣсы Бойса. Центробѣжная сила. Центрофуга. Гидроэксстракторъ.

4) Дѣйствіе силъ на твердое тѣло. Пара силъ. Рычаги. Примѣры изъ Анатоміи. Вѣсы равноплечные. Взвѣшивание. Десятичные вѣсы.

5) Поступательное движеніе твердаго тѣла. Вращательное движеніе. Ось свободная и ось матеріальная. Моментъ инерціи. Общій случай движенія. Гироскопъ („волчекъ“). Прецессія. Работа силы. Эквивалентность работы и живой силы. Законъ сохраненія энергіи. Эргъ. Килограммометръ. Примѣры. Кажущіяся исключенія. Треніе. Часовой механизмъ.

6) Гидростатическое давленіе. Принципъ Стевина. Законъ Паскаля. Гидравлическій прессъ. Давленіе жидкости, при дѣйствіи на нее силы тяжести, на дно, на боковыя стѣнки сосуда, а также на погруженныя тѣла. Сообщающіеся сосуды. Законъ Архимеда. Плотность. Удѣльный вѣсъ. Вѣсы Вестфаля-Реймана. Ареометры.

7) Вѣсъ воздуха и другихъ газовъ. Барометры. Анероиды. Воздушные насосы. Законъ Бойля—Маріота. „Приведеніе къ пустотѣ“ результатовъ взвѣшивания.

8) Движеніе жидкостей. Истеченіе изъ отверстія. Сифонъ. Маріоттовъ сосудъ. Опытъ Маррея, относящійся къ ученію о кровообращеніи. Потеря напора при истеченіи черезъ трубку.

9) Кинетическая теорія строенія вещества. Молекулярное притяжаніе. Капиллярность. Жидкія пленки. Смачиваніе и несмачиваніе. Элементарная теорія. Капиллярныя трубки. Законъ Жюрена. Питаніе растений. Опытъ Плато. Диффузія. Сигнальные автоматы Ансея для углекислоты и для свѣтильнаго газа. Волюмометръ Реньб.

10) Упругое твердое тѣло. Законъ Гука. Коэффициентъ объемной упругости. Коэффициентъ сдвига. Модуль Юнга. Крученіе. Крутильныя колебанія. Простое гармоническое колебаніе подъ дѣйствіемъ упругой силы.

11) Волна „поступающая“ и волна „стоячая“. Источники звука. Чувствительное пламя. Манометрическая капсюля Кэнига. Скорость звука въ разныхъ средахъ. Высота звука. Сирена. Хронографъ. Сила звука.

12) Интерференція звука. Приборъ Квинке. „Пыльные“ фигуры Кундта. Законы колебанія струнъ. Органныя трубы. Органъ голоса. Ухо.

13) Резонаторы. Анализъ и синтезъ сложныхъ звуковъ. Тембрь. Резонансъ. Отраженіе звуковыхъ волнъ. Звуки, употребляемые въ музыкѣ.

14) Объективная сущность теплоты. Температура. Термометры ртутный и спиртовой. Медицинскій термометръ. Термографъ. Водородный термометръ. Измѣреніе разширенія тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ. Испареніе. Свойство паровъ не насыщающихъ пространство. Паръ „насыщенный“.

15) Количество теплоты. Калориметры. Теплоемкость. Удѣльная теплота. „Скрытая“ теплота парообразованія. Кипѣніе жидкостей. Опытъ Жернеза. Перегрѣтая жидкость. Критическая температура. Сжиженіе газовъ.

16) „Скрытая“ теплота плавленія (таянія). Свойство льда. Смерзаніе. Опытъ Батомлея. Перестуженная жидкость. Теплопроводность. Переходъ теплоты въ лучистую энергію и обратно. Переходъ механической энергіи въ теплоту и обратно. Механическій эквивалентъ теплоты.

17) Возникновеніе электричества при треніи. Проводники и изоляторы. Два рода электрическихъ зарядовъ. Электростатическая индукція. Взаимодѣйствіе наэлектризованныхъ тѣлъ. Законъ Куломба. Крутильные вѣсы. Количество электричества. „Кулонъ“. Электростатическое „поле“. Линіи силъ. Поверхности уровня. Потенціалъ. „Вольтъ“.

18) Электроскопъ простой и съ Замбоніевымъ столбомъ. Электрометръ. Измѣреніе потенциала. Равновѣсіе электричества на проводникахъ. Электроемкость. „Фарадъ“.

19) Конденсаторъ. Лейденскія банки и батареи. Электрическая машина съ треніемъ. Машины Гольца и Уимсшёрста. Водяная машина, основанная на индукціи. Діэлектрическая постоянная. Разрядъ; дѣйствія его: механическія, свѣтovyя, тепловыя, фізіологическія. Трубки Гейслера и Крукса. Катодные лучи.

20) Измѣрительная банка Лэна. Возникновеніе электрическихъ зарядовъ при соприкосновеніи разнородныхъ тѣлъ и при химическихъ реакціяхъ. Законы Вольта. Электриче-

скій токъ. Гальваническіе элементы. Химическія дѣйствія тока. Вольтметры какъ приборы для измѣренія силы тока. „Амперъ“.

21) Магниты естественные и искусственные. Дѣйствіе тока на магнитную стрѣлку. Правило Ампера. Магнитное „поле“. Законъ Куломба. Свойства мягкаго желѣза. Намагничиваніе стали и желѣза электрическимъ токомъ. Электромагниты. Приложенія ихъ. Магнитная „проницаемость“.

22) Земной магнетизмъ. Склоненіе, наклоненіе; сила земного магнитнаго „поля“.—Магнитное „поле“ тока прямолинейнаго, круговаго и соленоида. Взаимодѣйствіе соленоидовъ и магнитовъ. Гипотеза молекулярныхъ магнитовъ. Гипотеза элементарныхъ круговыхъ токовъ. Діамагнетизмъ.

23) Мультипликаторъ. Гальванометры. Электролизъ. Ионы. Законы Фарадея.

24) Поляризація электродовъ въ вольтметрѣ. Поляризаціонный токъ. Аккумуляторы.—Понятіе о сопротивленіи проводника току. Законъ Ома. Гидродинамическія аналогіи. „Омъ“. „Магазинъ сопротивленій“. Законы Кирхгоффа. Измѣреніе сопротивленій. „Мостикъ“ Уитстона. Законы сопротивленія проволокъ.

25) Законы сопротивленія жидкостей. Внутреннее сопротивление гальваническаго элемента. Методъ Мэнса. Различныя соединенія элементовъ въ батарее. Расчетъ силы тока для нихъ.

26) Пондеромоторныя взаимодѣйствія проводниковъ, по которымъ текутъ токи. Правило „трехъ пальцевъ лѣвой руки“. Станокъ Ампера. Колесо Бэрлоу.

27) Индукція тока магнитомъ и токомъ. Законъ Ленца. Правило „трехъ пальцевъ правой руки.“ Катушка Румкорфа. Механическіе прерыватели. Прерыватель Венельта. Лучи Рѣнтгена. Приложенія

28) Динамо-машина постояннаго тока. Электродвигатель. Передача работы на разстояніе.

29) ТермоТоки. Тепловое дѣйствіе электрическаго тока. Законъ Джауля. Вольтова дуга. Лампы накаливанія.

30) Электромагнитныя волны. Опыты Герца и Лебедева. Когереръ. Телеграфированіе безъ проводовъ. Опыты Тесла.

31) Шкала эфирныхъ волнъ. Свойства эфира въ изотропныхъ и кристаллическихъ средахъ. Скорость распространения лучистой энергии. „Поверхности волны“ въ изотропномъ и кристаллическомъ эфирѣ. Понятіе о лучѣ. Характеръ колебаній при лучахъ поляризованныхъ и при лучахъ естественныхъ. Длина волны. Періодъ колебаній.

32) Законъ геометрической тѣни. Исключенія (диффракція). Интерференція волнъ лучистой энергии. Историческія справки о теоріи „истеченія“. Принципъ Гюйгенса. Объясненіе „прямолинейнаго“ распространения лучистой энергии при малыхъ λ .

33) Геометрическіе законы отраженія и преломленія на границѣ двухъ изотропныхъ средъ. Объясненіе ихъ на основаніи принципа Гюйгенса.

34) Зеркало плоское. Зеркала сферическія—вогнутыя и выпуклыя. Построеніе изображеній. Оптическая призма.

35) Линзы собирающія и разсѣивающія. Построеніе изображеній. Глазъ. Очки. Лупа. Сложный микроскопъ. Телескопъ.

36) Дисперсія свѣта и другихъ видовъ лучистой энергии. Свѣтовой спектръ. Виды спектровъ. Спектральный анализъ. Строеніе солнца.

37) Зеркала Френеля. Бипризма. Цвѣта тонкихъ пластинокъ. Ньютоновы кольца. Диффракціонная сѣтка.

38) Двойное лучепреломленіе въ исландскомъ шпатѣ и другихъ кристаллахъ. Кристаллы оптически одноосные—„положительные“ и „отрицательные“. Кристаллы оптически двухосные.

39) Поляризація при двойномъ лучепреломленіи и при отраженіи. Поляризаторы и анализаторы лучей. Призма Николя. Турмалинъ. Хроматическая поляризація. Вращательная поляризація.

40) Новѣйшіе взгляды на строеніе вещества. Радиоактивные элементы и ихъ превращенія. Лучи α , β , γ . Опытъ Орлова.

Профессоръ Б. Станкевичъ.

Одесса, 20/IV, 1909.

